

Мир Первого Закона

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ГЕРОИ

ЗЕМНОЙ КРУГ

Земной Круг

Джо Абберкромби

Герои

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Аӑӓ)-44

Аберкромби Д.

Герои / Д. Аберкромби — «Эксмо», 2011 — (Земной Круг)

ISBN 978-5-04-091990-1

Три дня. Одна битва. Союз против Севера. Под бесстрастными взглядами каменных истуканов пришло время решить, что такое война: преддверие мира или грубое ремесло, суровое испытание или редкая возможность изменить расстановку политических сил. Вернуть честь на поле боя, бороться за власть, плести интриги и метить в Герои. Продолжение цикла «Земной Круг» от признанного мастера эпической, темной фэнтези. История одной битвы в духе лучших военно-исторических романов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Аӑӓ)-44

ISBN 978-5-04-091990-1

© Аберкромби Д., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Боевой порядок	8
Перед битвой	11
Времена	14
Миротворец	22
Лучший из нас	27
Черный Доу	39
Что за война?	48
Старые руки	54
Новые руки	59
Ричи	65
Единственно верное	72
День первый	84
Тишина	87
Амбиция	90
Отдать и отнять	96
Образец служения	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Джо Аберкромби

Герои

Joe Abercrombie
THE HEROES

Copyright © 2011 by Joe Abercrombie
First published by Victor Gollancz Ltd, London

Серия «Fantasy World»
Разработка серии *Андрея Саукова*
Иллюстрации на переплете и в тексте *Андрея Васильченко*

© А. Шабрин, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*Еве
Когда-нибудь ты прочтешь это и скажешь:*

«Пап, а зачем все эти мечи?»

Боевой порядок

СОЮЗ

Верховное командование

Лорд-маршал Крой — главнокомандующий войсками его величества на Севере.

Полковник Фельнигг — первый его помощник, с редкостно мелким подбородком.

Полковник Бремер дан Горст — королевский обозреватель Северной войны; некогда посрамленный главный фехтовальщик, в прошлом Первый страж короля.

Рурген и Унгер — его верные слуги, один старше, другой... Унгер.

Байяз, первый из магов — лысый чародей, возраст которого насчитывает предположительно несколько столетий; влиятельный представитель закрытого совета, то есть один из ближайших советников короля.

Йору Сульфур — его дворецкий, телохранитель и главный казначей.

Денка и Сауризин — два старых адепта Университета Адуи; академики, колдующие под началом Байяза над неким опытом.

Дивизия Челенорма

Генерал Челенорм — старый друг короля, небывало юный для подобного звания; слышит храбрецом, склонным иной раз к опрометчивости.

Реттер — его тринадцатилетний горнист.

Полковник Валлимир — честолюбец, командующий Первым полком Собственных Королевских войск.

Первый сержант Форест — старший из младших чинов в составе Первого полка.

Капрал Танни — завзятый шулер и деляга из числа старослужащих, он же знаменщик Первого полка.

Рядовые Желток, Клайг, Уорт и Ледерлинген — новобранцы, состоят под началом Танни в качестве посыльных.

Полковник Веттерлант — командир Шестого полка, педант, каких поискать.

Майор Калфер — его паникер-подчиненный.

Сержант Гонт, рядовой Роуз — солдаты Шестого полка.

Майор Попол — командир Первого батальона Ростодского полка.

Капитан Ласмарк — бедняга-капитан того же Ростодского полка.

Полковник Винклер — храбрец-командующий Тринадцатым полком.

Дивизия Миттерика

Генерал Миттерик — истый рубака; волевой, но достаточно скверноподданный, с безрассудно крутым норовом.

Полковник Опкер — его старший заместитель.

Лейтенант Димбик — скромный молодой офицер из числа подчиненных Миттерика.

Дивизия Мида

Лорд-губернатор Мид — как военачальник никуда не годен; шея словно у черепахи; в мирное время — наместник Инглии, известно, что к северянам расположен как свинья к мяснику.

Полковник Гарод дан Брок – честный и усердный подчиненный Мида; сын пресловутого изменника.

Финри дан Брок – страстно-амбициозная супруга полковника Брока, дочь лорд-маршала Кроя.

Полковник Бринт — за старшего у Мида; старый друг короля.

Ализ дан Бринт – юная неискушенная жена полковника Бринта.

Капитан Хардрик – офицер Мида, известен лосинами в обтяжку.

Люди Ищейки

Ищейка — вождь тех северян, что сражаются против Союза. Старинный приятель Девяти Смертей и некогда близкий друг Черного Доу, теперь же злейший его враг.

Красная Шляпа — второй Ищейки, носит красный клобук.

Черствый – названный с большим житейским опытом, возглавляет дюжину Ищейки.

Красная Ворона – один из карлов Черствого.

СЕВЕР

Трон Скарлинга и его окружение

Черный Доу — протектор Севера или его узурпатор, смотря кого об этом спросить.

Треснутая Нога – его второй, в смысле главный телохранитель и лизоблюд.

Ишри – его советница, колдунья с пустынного Юга и заклятая врагиня Байяза.

Кол Трясучка – названный, в шрамах и с металлическим глазом; некоторые именуют его псом Черного Доу.

Кернден Зобатый – названный, слывающий образцом обходительности; некогда второй Рудды Тридуба, затем на службе у Бетода, а ныне предводитель дюжины у Черного Доу.

Чудесница – его терпеливая вторая.

Жужело из Блая – известный герой; коренной северянин, обладатель Отца Мечей. Зовется также Щелкуном, поскольку у самого в черепахе давно уже что-то не то треснуло, не то щелкнуло.

Весельчак Йон Камбер, Брек-и-Дайн, Скорри Легкоступ, Агрик, Атрок и Дрофд – прочие люди из дюжины Зобатого.

Люди Скейла

Скейл – старший сын Бетода, ныне наименее влиятельный из пяти боевых вождей Доу – сильный как бык, храбрый как бык, с бычьими же мозгами.

Бледный-как-снег – когда-то боевой вождь Бетода, теперь второй у Скейла.

Ганзул Белый Глаз – названный, слепой на один глаз; некогда герольд Бетода.

Принц Кальдер – младший сын Бетода, объявленный трусом и изменником; пребывает в изгнании за предложение о мире.

Сефф – его беременная жена, дочь Кола Ричи.

Глубокий и Мелкий – пара головорезов, присматривающих за Кальдером в расчете на поживу.

Люди Кола Ричи

Кол Ричи — один из пяти боевых вождей Доу; пожилой воин, славный доблестью; отец Сеффа, а значит, тесть Кальдера.

Бридиан Поток – названный, в прошлом человек из дюжины Зобатого.

Бек – молодой селянин, жаждущий ратных подвигов; сын Шамы Бессердечного.

Рефт, Кольвинг, Стоддер и Брейт – совсем юнцы, силком загнанные служить и попавшие в подчинение к Беку.

Люди Гламы Золотого

Глама Золотой — один из пяти боевых вождей Доу, невыносимо тщеславный, погрязший в междоусобице с Кейрмом Железноголового.

Сатт Хрупкий – названный, о мздоимстве и скаредности которого ходят легенды.

Снулый – карл в услужении у Золотого.

Люди Кейрма Железноголового

Кейрм Железноголовый – один из пяти боевых вождей Доу, непревзойденный упрямец; состоит в междоусобице с Гламой Золотым.

Кудрявый – смелый и стойкий разведчик.

Ириг – воин с боевым топором, нрава прескверного.

Жига – лучник-сквернослов.

Прочие

Бродд Тенвейз — самый преданный из пяти боевых вождей Доу, гнусный, как инцест.

Стук Врасплох – неимоверных размеров варвар; не приемлет все, что так или иначе связано с цивилизованностью. Вождь всех земель к востоку от Кринны.

Вернувшиеся в грязь (мертвые, считающиеся мертвыми, или умершие давно):

Бетод – первый король северян, отец Скейла и Кальдера.

Скарлинг Простоволосый – легендарный герой, когда-то объединивший Север против Союза.

Девять Смертей – некогда сторонник Бетода, внушавший ужас всему Северу; какое-то время считался королем Севера – недолго, пока не был убит Черным Доу, так, во всяком случае, это преподносится.

Рудда Тридуба – знаменитый своей доблестью вождь Уфриса, враждовавший с Бетодом; был повержен на поединке Девятью Смертями.

Форли Слабейший – слабый боец, сотоварищ Черного Доу и Ищейки; убит по приказу Кальдера.

Шама Бессердечный – знаменитый воин, сраженный Девятью Смертями; отец Бека.

Перед битвой

ПЕРЕД БИТВОЙ

Несчастлива та страна, которая нуждается в героях.
Бертольд Брехт

Времена

– Э, ч-черт, стар я становлюсь для всего этого, – бормотал Зобатый.

При каждом шаге он морщился от боли в колене. На покой пора. Причем давно. Сидеть на завалинке за домом, с трубочкой, щуриться с улыбочкой на закат, смотреть, как солнце уходит в воду, а за спиной оставлять прожитый в честных трудах день. Дома, впрочем, у Зобатого не было. Но когда появится, то непременно хороший.

Он пробрался через пролом в развалинах стены; сердце лупило, как плотницкая киянка, – а все от долгого подъема по крутому склону, да от буйной, хватающей за башмаки травы, да еще от разгульного ветра, пригибающего к земле. А если по правде, то более всего от страха, что наверху можно запросто встретить кончину. Зобатый и так-то не отличался по жизни бесшабашностью, а теперь, с возрастом, и вовсе осторожничал. Странно как-то: чем меньше годов остается терять, тем сильнее страх их лишиться. Должно быть, человек от рождения снабжен запасом храбрости, который с каждой передрыгой скудеет. А у Зобатого передрыг было хоть отбавляй. И, видимо, сейчас он втягивался в очередную.

Когда тропинка стала наконец сравнительно пологой, Зобатый приостановился отдышаться, утирая руками слезящиеся от ветра глаза. Он пытался сдерживать кашель, но тот делался лишь еще более надсадным. Из темноты проглянули Герои, огромными дырами в ночном звездном небе; четверо, если не больше, крупнее людей. Гиганты, брошенные прозябать на продуваемом холме. Вот так и стоят мрачными упрямыми стражами над пустотой. Интересно, сколько весит этакая глыба. Только мертвым известно, каково оно было, взволакивать сюда чертовы каменюки. Или кто их волок. Или зачем. Так или иначе, но мертвые неразговорчивы, а присоединяться к ним для выяснения подробностей в расчет у Зобатого не входило.

На шероховатых краях камней мелькали слабые неровные отсветы, а в тихом завывании ветра слышались людские голоса. Зобатый вспомнил о неотступной опасности, и его окатила свежая волна страха. Хотя страх сам по себе штука полезная, если не отшибает мозги. Рудда Тридуба говорил как-то об этом, хотя и давно. Если вдуматься, то он не вредит. Или вредит наименьшим образом. Иногда это единственное, на что остается уповать.

А потому Зобатый глубоко вдохнул и попробовал вернуть ощущение молодости, когда суставы еще не донимали, а море было по колено, высмотрел подходящую расщелину в старых камнях и полез в нее. Когда-то в древности здесь, наверно, было овечье магическое святилище, и незванный гость сейчас совершал немыслимое святотатство. Но если кто-то из бывших богов и обиделся, то не подал виду – разве что траурно вздохнул ветер, только и всего. Магии нынче сильно не хватает, как и святости. Уж такие времена.

Свет сместился на Героев – рыжеватые выщербины в камне, пятна мха, вокруг – заматерелые кусты ежевики, крапива и бурьян. Одному истукану не доставало верхней половины, пара других за века обрушились под собственным весом, образовав бреши, подобные щербатым зубам в оскале черепа.

Приглядевшись, Зобатый насчитал восьмерых людей, тесно сидящих вокруг костра: латанные-перелатанные плащи, рванина, а то и просто накинутые одеяла. Изменчивый свет трепетал на худых лицах – впалые щеки, шрамы, щетина и бороды. Тусклые отблески поигрывали на щитах и клинках. Много оружия. Народ по большей части молодой, хотя не особо отличается от отряда Зобатого. Нет, не особо. Мелькнула даже мысль, не Ютлан ли сидит вон там, лицо повернуто в профиль? Теплое чувство шевельнулось внутри, с губ почти сорвалось приветствие.

Ох, да ведь Ютлан уж двенадцать лет как в могиле, Зобатый лично говорил над ним прощальные слова. Наверно, на свете есть лишь определенное количество лиц, ни больше ни

меньше. А если доживешь до зрелого возраста, начинаешь запускать их перед собой по новому кругу.

Зобатый поднял руки, показывая открытые ладони и изо всех сил стараясь, чтобы они не дрожали, подал голос:

– Славного вечера!

Люди обернулись, дернулись к оружию. Один схватился за лук – у Зобатого внутри обвалилось, – но натянуть тетиву не успел: сидевший рядом воин – дюжий, пожилой – рывком пригнул его руку.

– Ну-ка постой, Красная Ворона, – сказал он, поведя окладистой седой бородой.

На коленях у воина посверкивал вынутый из ножен меч. Зобатый выдавил что-то похожее на улыбку: он узнал его. Расклад уже не такой беспросветный.

Звали этого человека Черствым. Был он из числа названных, и из числа знакомых. Помнится, когда-то они даже рубились в нескольких боях по одну сторону, а в каких-то других, кажется, по разные. Выглядел воин солидно: закаленный боями и жизнью, рассудительный – не из тех, что сначала сечет голову, а потом начинает ее о чем-то спрашивать, а последнее нынче все больше входит в обыкновение. И в отряде он, судя по всему, старший: ишь как этот вот, Красная Ворона, насутился, но уступил, отложил-таки лук, что само по себе очень хорошо. Не хватало еще отдать из-за него концы. Говоря без ложной скромности, такие вещи Зобатый применительно к себе ценил вдвойне. К тому же до рассвета еще добрых несколько часов, а вокруг слишком много заостренной стали.

– Мертвые! – воскликнул Черствый.

Внешним спокойствием он не уступал Героям, хотя рассудком был не в пример проворнее.

– Разрази меня гром, если это не Кернден Зобатый пожаловал к нам под покровом ночи. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаешься.

Зобатый, ладони все так же на весу, сделал несколько плавных шагов вперед, стараясь держаться как можно непринужденней под гвоздящими взглядами враждебных глаз.

– А ты, я вижу, поседел, Зобатый.

– Как и ты, Черствый.

– Н-да. Война, сам знаешь, – старый воин похлопал себя по животу. – Видишь вот, нервы совсем поизносились.

– Честно признаться, и у меня тоже.

– Кому ж быть солдатом?

– Нелегкое это дело. Да еще говорят, старый конь новых барьеров не берет.

– А я нынче скакать и не пыжусь, – заметил на это Черствый. – Ты, я слышал, сражаешься со своей дюжиной на стороне Черного Доу?

– Сражаться пытаюсь как можно меньше, а насчет стороны ты прав. Кормит меня Доу.

– Кормежку я люблю. Меня нынче кормит как раз Союз.

Черствый с задумчивым видом поворошил костер веткой. Его молодцы заерзали: кто облизывал губы, кто пальцами щекотал оружие; остро поблескивали глаза в свете костра. Совсем как зрители поединка: примеряются к начальным ходам, прикидывают, кто победит.

– Похоже, это разводит нас по разные стороны, – продолжал Черствый.

– И мы позволим таким мелочам испортить нашу учтивую беседу? – поднял бровь Зобатый.

Красная Ворона, как будто само слово «учтивый» сочтя за дерзость, снова вскипел:

– Да прибить это сучье!

Черствый неспешно к нему повернулся и со сдержанной усмешкой сказал:

– Если случится невозможное и мне понадобится твое участие, я скажу, что надо делать. А пока закрой рот и уймись, придурок. Такие опытные люди, как Кернден Зобатый, не забредают сюда за здорово живешь, под руку таким, как ты.

Он снова обратился к Зобатому:

– Так зачем ты пришел, да еще сам по себе, один? Надоело прислуживать этому мерзавцу Черному Доу, решил примкнуть к Ищейке?

– Да не сказать чтобы. Драться за Союз мне не очень-то нравится, при всем уважении к тем, кто это делает. У всех свои резоны.

– Я стараюсь не клеймить человека за один лишь выбор друзей.

– По обе стороны хорошего вопроса всегда есть и хорошие люди, – сказал Зобатый. – Взять меня: Черный Доу всего лишь попросил, чтоб я прошелся к Героям, постоял немного дозором и посмотрел, не направляется ли сюда Союз. Так что, может, ты избавишь меня от лишнего хлопот и подскажешь: Союз и вправду сюда направляется?

– Не знаю.

– Но ведь ты-то здесь.

– Я бы не стал придавать этому лишнего значения, – Черствый без особой радости оглядел свое воинство вокруг костра. – Меня сюда, как видишь, послали как бы и без особой цели. Ищейка сказал: пройдишь-ка до Героев, встань дозором да понаблюдай, не держит ли сюда путь Черный Доу или кто-нибудь из его прихвостней. Вот ты мне и скажи, нет ли у них такой мысли?

– Не знаю, – осклабил Зобатый.

– Но ведь ты-то здесь.

– А я бы не стал придавать этому излишнего значения. Так, один я со своей дюжиной. Был еще Бридиан Поток, да сломал сколько-то месяцев назад ногу, пришлось оставить его до починки.

Черствый снова поворошил костер, взметнулся сноп искр.

– У тебя стая всегда была спаянной. Вот и сейчас, небось, она разбросана вокруг Героев, с луками наготове.

– В каком-то смысле так.

Молодцы Черствого все как один шарахнулись, разинув рты. Их ввергал в оторопь невесть откуда исходящий голос – причем, что самое удивительное, женский. Изваяние Героя непринужденно, как стену какой-нибудь таверны, подпирала спиной Чудесница – руки скрещены на груди, меч в ножнах, лук за плечом.

– Э-ге-гей, Черствый!

Старый воин поморщился.

– Могла хотя бы натянуть тетиву, – укорил он, – а то совсем уж нас ни во что не ставишь.

Она кивком указала в темноту.

– Есть там кое-кто из ребят. Так что если кто-нибудь из ваших посмотрит не так, считай, что стрела торчит у тебя из физиономии. Ну что, лучше стало?

Черствый поморщился еще раз.

– И да, и нет, – ответил он. – А ты все у него в подручных ходишь? На подхвате, что ли?

Его воинство тарашилось на расщелины между камнями. Ночь разом отяжелела, задышала угрозой.

Чудесница почесала длинный шрам на бритой голове.

– Да вот, более выгодных предложений не поступает. Так и живем-поживаем, как старик со старухой: трахаться вот уж сколько лет не трахаемся, а только знай цапаемся.

– Вот и у нас с женой так было, пока не померла, – Черствый побарабанил пальцами по обнаженному мечу. – Правда, теперь я по ней скучаю. Я как только тебя увидел, Зобатый, так

сразу понял, что ты с компанией. Но уж коли ты все еще молотишь языком, а я все еще дышу, стало быть, ты настроен на то, чтоб разговор у нас все-таки состоялся?

– Ты меня прямо насквозь видишь, – отозвался Зобатый, – со всеми потрохами. В этом и была задумка.

– Часовые мои живы?

Чудесница, обернувшись, на свой манер залихватски свистнула, и из-за камня показался Скорри Легкоступ. Он обнимал за шею Родинку – парня с родимым пятном на щеке. Если б не нож, прижатый Родинке к горлу, их можно бы счесть за пару закадычных друзей.

– Прости, вождь, – сказал пленник Черствого. – Вишь, застигли-таки меня врасплох.

– Бывает.

В свет костра не вошел, а влетел – посредством подзатыльника – нескладный парень и, выгнувшись, распластался на траве, очевидно, запутавшись в собственных ногах. Сзади из темноты вышел Весельчак Йон – угрюмый бородач – с топориком в руке и тяжелым тесаком у башмака.

– Благодарю за это мертвых, – махнул горе-караульщику веткой Черствый. – Сын моей сестры. Обещал, что глаз с него не спущу. Убей вы его – тут мне и конец.

– Дрых лежал, – проворчал Йон. – Разве можно так в карауле?

– Видно, не ждал никого, – пожал плечами Черствый. – Тут на Севере в избытке, пожалуй, лишь холмов да камней. Вот он и не думал, что холм с камнями может кого-то привлечь.

– До холма-то мне дела нет, – подтвердил Зобатый, – только Черный Доу сказал прийти сюда...

– А когда что-то говорит Черный Доу... – послышался напевный, как у всех горцев, голос Брек-и-Дайна.

И он ступил на широкую прогалину, татуированной частью обширной физиономии к свету.

Красная Ворона снова взметнулся, но под хлопком Черствого по плечу опять сел.

– Да что с вами такое: все скачут и скачут.

Он обвел взглядом топорик Весельчака Йона, улыбку Чудесницы, живот Брека, нож Скорри, все еще не отнятый от горла Родинки, – словом, повторил примерно то же самое, что в начале встречи проделывал Зобатый.

– А Жужело из Блая с вами?

Зобатый степенно кивнул.

– Не знаю зачем, но он за мной так всю дорогу и ходит.

В свою очередь, из темноты выплыл низинный акцент Жужела:

– Шоглиг сказала... мою судьбу... покажет человек, что подавился костью.

Слова эхом отлетали от валунов, доносясь как бы отовсюду сразу. Прямо сценический персонаж этот Жужело; каждому странствующему герою положено такого иметь.

– А Шоглиг стара, как эти камни. Поговаривают, ее сам ад не принимает. И клинок не берет. Говорят, она видела рождение мира, узрит и его погибель. Вот женщина, которую любому мужчине надлежит слушаться, разве нет? Так, по крайней мере, говорят.

К костру Жужело подступился через пролом, оставленный рухнувшим Героем, и теперь стоял столбом – высокий и худой, незыблемый, как зима. Лицо его скрывала тень от капюшона, а за плечами коромыслом торчал Отец Мечей – сероватый металл рукояти поблескивал. Длинные руки Жужела свисали с ножен.

– Так вот, Шоглиг назвала время и место моей смерти, а заодно и как это произойдет. Повела шепотом и заставила поклясться хранить это в тайне, ведь волшебство, о котором кому-то сболтнешь, уже не волшебство. Поэтому я не могу вам рассказать ни где это произойдет, ни когда, но не здесь и не сейчас.

Он остановился в нескольких шагах от костра.

– А вот вы, парни...

Жужело чуть наклонил голову, стал виден кончик длинного носа, заостренный подбородок и узкий рот.

– Насчет вашего ухода Шоглиг ничего не сказала.

Он картинно замер. Чудесница, взглянув на Зобатого, закатила глаза.

Однако люди Черствого выслушивали все это не сто первый, а всего лишь первый раз, так что уши им еще никто не прожужжал. Один тихонько ткнул в бок соседа.

– Это, что ли, и есть Жужело? Жужело Щелкун – это он и есть?

Сосед ничего не ответил, лишь сглотнул, отчего на горле у него прыгнул кадык.

– Ну что, – с нарочитой непринужденностью сказал Черствый, – даю свою старую задницу на отсечение, лишь бы нам отсюда выбраться. Может, ты нас все же отпустишь?

– Не просто отпущу, – уточнил Зобатый, – а буду на этом настаивать.

– И оружие мы тоже прихватываем с собой?

– Я не хочу ставить вас в неловкое положение. Мне просто нужен этот холм.

– Или же он нужен Черному Доу, любой ценой?

– То на то и выходит.

– Что ж, милости просим, – Черствый медленно выпрямился, недужно крикнув, – суставы, несомненно, досаждали и ему. – Здесь такой же ветродуй, как и везде. Лучше уж сидеть внизу в Осрунге, ногами к камину.

Что ни говори, а в этом был определенный смысл. Даже неизвестно, кому эта рокировка больше на руку. Черствый задумчиво сунул меч в ножны, выжидая, когда его молодцы соберут причиндалы.

– Ну что, Зобатый, – сказал он, – весьма великодушно с твоей стороны. Не зря ты слышь образцом обходительности. Хорошо, когда люди по разные стороны могут договориться, каким бы гиблым ни было дело. Благородные манеры, где они теперь?

– Да, уж такие времена.

Зобатый дал знак Скорри, и тот отвел нож от шеи Родинки, а сам метнулся к огню, протягивая ладони. Родинка отошел, почесывая задарма подбриту щетину на горле, и взялся сворачивать одеяло. Зобатый, просунув большие пальцы за пояс, приглядывал за отходящими молодцами Черствого, как бы кто не начал запоздало корчить из себя героя. Выкрутасов скорее всего можно ожидать от Красной Вороны. Тот перекинул через плечо лук и стоял с нарочито грозным видом, в одной руке сжимая топорик, а другой держа щит с намалеванной красной птицей. Если он уже кидался с оружием, то вряд ли истекшие пять минут заставили его вдруг утихомириться.

– Кучка старых срак и какая-то шлюха, – процедил он. – И мы думаем пятиться, уступать этим вот без боя?

– Кому как, – рассудил Черствый, умещая на спине побитый щит. – Я вот думаю уступить, а эти парни думают сменить нас здесь. А ты, если тебе думать нечем, можешь остаться и сразиться с Жужелом из Блая. Своими силами.

– Во как?

Красная Ворона покосился на Жужело, тот ответил взглядом твердым, как камень Героев.

– Ну а что, – невозмутимо сказал Черствый, – коли у тебя руки чешутся на драку. А я потом струю твои обрубки на телегу и отошлю матушке со словами утешения: мол, он сам на это напросился. И любил тот чертов холм так, что захотел на нем и умереть.

Рука Красной Вороны перехватывала рукоятку топора.

– А?

– Вот тебе и «а». Или же ты спускаешься подобру-поздорову со всеми, благословляя Керндена Зобатого за то, что он честно-благородно нас предупредил и отпустил без стрел в заднице.

– Ну и ладно, – обиженно отворачиваясь, бросил Красная Ворона.

Черствый шумно выдохнул.

– Ох, молодежь нынче, – обратился он к Зобатому. – Неужто и мы такими были?

– Скорей всего, – пожал плечами Зобатый.

– Я что-то не припомню в себе такой кровожадности, как у них.

Зобатый вновь пожал плечами:

– Такие времена.

– Правда, правда, и еще раз правда. Ну что, костер вам оставить? Айда, ребята.

Воинство Черствого, подгоняя на ходу амуницию, нестройной цепочкой двинулось к южному краю холма, растворяясь поодиночке среди камней.

Прежде чем скрыться, племянник Черствого обернулся и показал напоследок Зобатому непристойный жест.

– Ничего, жульё, мы еще вернемся! – выкрикнул он, но тут дядя угостил его по бритой голове увесистой затрепиной.

– Ай! За что?

– А ты повежливей.

– Так мы ж на войне или где?

Черствый отвесил еще один подзатыльник, от которого племянник только крикнул.

– Погруби мне еще, засранец.

Зобатый невозмутимо выслушал брань юнца – с таким же успехом можно обижаться на порыв ветра – и, сглотнув кислую слюну, вынул пальцы из-за пояса. Ладони мелко подрагивали; пришлось потереть их друг о дружку, якобы от холода. Дело было сделано, и все вокруг шевелились и дышали, так что все обошлось, как, собственно, и надеялись.

Весельчак Йон по своему обыкновению был недоволен. Мрачный, как туча, он подошел и плюнул в огонь.

– А ведь может настать время, и мы пожалеем, что не накромяли этих ребят ломтями.

– Совесть мне тяготило бы не это, а как раз обратное.

С другого бока у Зобатого йоновским подпевалой всплыл Брек.

– Совесть воину только в тягость.

– А брюхо, по-твоему, нет? – уколол его Жужело.

Отца Мечей он воткнул в землю; даже такой каланче, как Щелкун, он доходил эфесом до горла. Жужело медленно крутил его и задумчиво любовался, как играют на крестовине рукояти отсветы костра.

– Всех нас книзу что-нибудь да тянет.

– Но-но, – горец, можно сказать, с отцовской гордостью выпятил нешуточный мамон. – У меня комплекция в самый раз. Не то что у тебя, доходяги.

– Вождь, – на освещенную прогалину ступил Агрик, с луком в руке и зажатой между пальцами стрелой.

– Что, ушли они? – спросил Зобатый.

– Проводил их мимо Деток вниз. Они сейчас переходят через реку, в сторону Осрунга. Атрок там за ними на всякий случай приглядывает. Так что если задумают повернуть обратно, мы будем знать.

– Думаешь, они все же вернутся? – спросила Чудесница. – А то Черствый, он ведь старой закваски. Зубоскалит, а сам, глядишь, возьмет и цапнет. Ты веришь этому старому ублюдку?

Зобатый хмуро покосился на темень.

– Да не больше, чем всем в наши дни.

– То есть ни на понюх? Ну так выставь часовых.

– Ага, – согласился Брек. – Только уж позаботься, чтоб наши остались целы.

Зобатый стукнул кулаком по ладони.

- Спасибо, что изъявил желание заступить первой сменой.
- Можешь брюхо прихватить себе в компанию, – съязвил Йон.
- Зобатый еще раз ткнул кулаком в ладонь.
- Молодец. Пойдешь вторым.
- От черт.
- Дрофд!
- Да, вождь?

Понятно, что кудрявый юнец в дюжине самый «зеленый»: вон как живо откликнулся.

– Бери оседланного коня и давай обратно, вверх по Йоузской дороге. Не знаю, кто там первый тебе попадется – скорей всего, кто-нибудь от Железноголового, или, может, из людей Тенвейза. Дай им знать, что мы у Героев наткнулись на дюжину Ищейки. Может, они здесь просто дозором шарятся, но...

– Да просто дозором, – Чудесница скусила на пальце запекшуюся кожицу ранки и сплюнула. – Союз еще на подходе, стягивается по частям с флангов, смыкается на местности. Было б только с кем.

– Скорее всего. Так что давай на лошадь и все равно передай.

– Прямо сейчас? – растерянно переспросил Дрофд. – По темноте?

– Нет, лучше следующим летом, – хмыкнула Чудесница. – Ну а когда ж еще, дурилка?

Давай: одна нога здесь, другой нет. Тут делов-то: скачи да скачи вдоль дороги.

Дрофд подавленно вздохнул.

– Ага, легко сказать.

– На войне, мальчик, все нелегко, – вздохнул и Зобатый.

Он бы лучше послал кого-нибудь другого, но они бы потом спорили до утра, почему отправили не новичка. Есть преграды, которые насквозь не пройти; лучше идти вдоль.

– Как скажешь, вождь. Увижу вас теперь не раньше, чем дней через несколько. Причем наверняка с раздолбанной задницей.

– Откуда такие познания? – Чудесница похлопала себя по бедрам. – У тебя что, Тенвейз в дружках ходит?

Послышался смех: раскатистый гогот Брека, квохтанье Скорри; Йон, и тот слегка потеплел, будто его щекотнули где надо.

– Все бы вам «хи-хи» да «ха-ха».

Дрофд состроил на прощание мину и пошел разыскивать лошадь.

– Я слыхала, помогает куриный жир, когда в зад кому вставляешь! – шкოდливо крикнула вслед Чудесница.

Ей вторило хихиканье Жужела; эхо разнеслось вокруг Героев и кануло в пустой темноте.

Когда возбуждение улеглось, Зобатый почувствовал, что выгорел дотла. Он опустился у огня, поморщившись от неотвязной боли в коленях. Там, где сидел Черствый, земля была все еще теплая. Скорри пристроился по ту сторону костра и взялся точить нож; ритмичный взвизг металла попадал в такт негромкого мотива, который высоким голосом выводил Скорри. Песня о Скарлинге Простоволосом, легендарном герое Севера, который сплотил когда-то, давным-давно, кланы и обратил в бегство войско Союза. Зобатый сидел и слушал, покусывая и без того изгрызенную кожу вокруг ногтей, и думал, что хорошо бы от этой привычки избавиться.

Жужело опустил меч и, присев на корточки, стал рыться в старой-престарой суме, где держал руны.

– Ну что, пораскинем? – спросил он, как обычно.

– Может, не надо? – вяло воспротивился Йон.

– Никак боишься, что скажут знаки?

– Да не этого я боюсь, а того, что ты нагородишь с три короба, а я потом лежи полночи и гадай, что ты там такое напорочил.

– А вот мы увидим.

С этими словами Жужело высыпал руны в пригоршню, поплевал и раскинул их у огня.

Зобатый невольно подался вперед, хотя толковать эти чертовы знаки не взялся бы ни за какие монеты.

– Ну, что там говорят твои руны, Щелкун?

– Руны мои, руны, – откликнулся Жужело нараспев, отодвигаясь и косясь как бы изда-лека. – Руны говорят, что... Быть крови.

– Да они у тебя всегда это говорят, – фыркнула Чудесница.

– А ну и что, – Жужело, завернувшись в плащ, сладко прильнул к мечу, как какой-нибудь герой-любовник, и закрыл глаза. – А с некоторых пор все равно еще чаще.

Зобатый хмуро оглядел силуэты Героев – забытых гигантов, упрямо стерегущих невесть что. Пустоту.

– Н-да, – пробормотал он. – Такие времена.

Миротворец

Он стоял у сводчатого окна – одна рука на камне, кончики пальцев безостановочно тарабанят, тарабанят, тарабанят. Стоял и хмурился – через весь Карлеон; через лабиринты мощеных улиц, нагромождение крутых черепичных крыш; через нависающие городские стены, возведенные еще отцом, черные от непогоды. Через просторы туманных полей, где серой рогастиной разветвлялась река, – и дальше, дальше, к далекой череде окружающих долину холмов. Как будто, нахмурясь должным образом, он мог проникнуть еще на два с лишним десятка миль пересеченной местности – и там пронзять, разить рапирой взора рассеянную армию Черного Доу. Там решалась судьба Севера.

Без него.

– Единственное, чего я хочу, это чтобы все поступали по моим указаниям. Неужели это так много?

Сефф, подойдя сзади, прижалась к его спине животом.

– От них требуется разве что немного здравого смысла.

– Ведь я за всех знаю, как надо, разве нет?

– А я знаю, что надо тебе, и говорю. Так что... да.

– Ощущение такое, будто горстка свинорылых мерзавцев на Севере просто не понимает, что у нас есть на все ответы.

Ее рука, скользнув по рукаву, прижала к камню неустанные пальцы.

– Им пока, видишь ли, не по нраву выходить с просьбой о перемирии. Но они это сделают. Вот увидишь.

– А до этих пор я, как все ясновидцы, остаюсь отвергнутым. Осмеянным. Изгнанным.

– До этих пор ты остаешься запертым в комнате со своей женой. Разве это так плохо?

– Единственное место, где я сам предпочел бы находиться, – слукавил он.

– Лже-ец, – прошептала Сефф, щекоча ему губами ухо. – Почти такой же лгун, каким тебя выставляют. Не здесь, а там тебе бы хотелось быть, подле брата, в боевых доспехах.

Ее руки скользнули ему под мышки, а оттуда на грудь, по коже побежали сладкие мурашки.

– Рубя головы южан грудями, корзинами, подводами, – продолжала она.

– Смертоубийство – мое любимое времяпрепровождение, ты же знаешь.

– Ты уже убил больше людей, чем Скарлинг.

– Будь моя воля, я бы и в постель ложился в доспехах.

– Здесь тебе препятствует тяга к моей атласной коже.

– Отрубленные головы скверны тем, что брызжутся, – он крутнулся, очутившись к Сефф лицом, и ленивым перстом ткнул ей в грудь. – Так что я предпочитаю быстрый укол в сердце.

– Как проколол мое. Ты мой фехтовальщик.

Он ойкнул, ощутив ее игривую руку у себя в паху, и отодвинулся по стенке, шутливо отстраняя шалунью.

– Ладно, ладно, смиряюсь с поражением! Я больше любовник, чем боец.

– Наконец хоть слово правды. Взгляни, что ты со мной сделал.

Положив руку на живот, Сефф с укоризной посмотрела на мужа. Впрочем, укор быстро сменился улыбкой. Супруги нежно соприкоснулись ладонями; он погладил Сефф по большому животу.

– Мальчик, – прошептала она, – я чувствую. Наследник Севера. Ты станешь королем, а уж тогда...

– Чш-ш, – он закрыл ей рот поцелуем. Кто знает, в каких местах у стен здесь расположены уши, да и вообще. – Или ты забыла, что у меня есть старший брат?

- Дурень набитый. Булавочная головка, и та умнее.
- Кальдер поморщился, но отрицать не стал. Он со вздохом поглядел на этот ее странный, чудесный, пугающий живот.
- Отец всегда говорил: нет ничего важнее семьи.
- Кроме власти.
- Между прочим, нет смысла спорить о том, чего у нас нет. Цепь моего отца носит Черный Доу. Вот о ком надо беспокоиться.
- Черный Доу не более чем одноухий разбойник.
- Разбойник, под пятой у которого весь Север, самые могущественные вожди повинуются ему.
- Могущественные вожди? – Сефф фыркнула ему в лицо. – Не смейся меня. Карлики с напыщенными именами.
- Бродд Тенвейз.
- Этот гнилой старый червь? При одной лишь мысли о нем меня тошнит.
- Кейрм Железноголовый.
- Я слышала, у него член как у мышонка. Оттого он всегда и хмурится.
- Глама Золотой.
- Еще мельче. С мышиный мизинчик. А у тебя есть союзники.
- У меня?
- А разве нет? Ты вспомни. Мой отец тебя любит.
- Кальдер скривился.
- Ненависти у твоего отца я, быть может, и не вызываю, только он вряд ли кинется рубить веревку, если меня вздумают вздернуть.
- Он достойный человек.
- Спору нет. Кол Ричи славится прямодушием, все это знают.
- Вот видишь: все.
- Только когда мы с тобой венчались, я был сыном короля Севера, и мир тогда выглядел иначе. Твой отец намечал себе в зятя принца, а никак не ославленного на весь свет труса.
- Она похлопала его по щеке чуть сильнее обычного, чтоб слышны были шлепки.
- Красавчик ты, мой трусишка.
- Красивые мужчины на Севере еще в меньшем фаворе, чем трусливые. Я не уверен, что твой отец доволен, каким местом ко мне повернулась удача.
- Да плевала я на это ее место. – Сефф сгребла его за рубашку и с неожиданной силой подтянула к себе. – Я бы ничего не стала менять. Ни-че-го.
- Да и я тоже. Просто я говорю, твой отец бы мог...
- А я говорю, что ты ошибаешься, – поймав руку мужа, она вновь приложила ее к животу. – Ты родня.
- Родня, – он не стал говорить, что родня, как и семья, может представлять собой как силу, так и слабость. – Всего набирается твой доблестный отец и мой безмозглый брат. Что ж, Север наш.
- Будет за нами. Я это знаю. – Сефф медленно отклонялась, отводя его от окна в сторону постели. – Доу, может статься, годится для войны, но войны не длятся вечно. Ты его превосходишь.
- Мало кто с этим согласится, – усомнился он, хотя слышать это приятно, особенно на ухо таким жарким, зазывным шепотом.
- Ты умнее, – щека жены потерлась о скулу, – гораздо умнее.
- Носом Сефф щекотала его по подбородку.
- Самый умный человек на Севере.
- Мертвые, как он обожал лесть.

– Продолжай.

– Выглядишь ты, конечно, куда лучше, чем он, – она погладила живот ладонью мужа, – красивейший мужчина Севера...

Он облизнул губы кончиком языка.

– Если б красивейший правил, ты бы уже была королевой Севера...

Ее пальцы занялись его поясом.

– Ты всегда находишь, что сказать, так ведь, принц Кальдер?..

В дверь снаружи грохнуло, и принц застыл; кровь мгновенно устремилась в голову, отлив от причинного места. Ничто так не приканчивает романтический настрой, как угроза внезапной смерти. Массивная дверь вновь содрогнулась под ударами. Раскрасневшиеся супруги спешно возились с одеждой – прямо-таки пара застигнутых родителями похотливых недорослей, а не взрослая супружеская чета, к тому же королевской крови. Вот тебе и доигрались в монархов. Дверной запор и тот не в их власти.

– Так засов же на вашей стороне! – сердито окликнул принц. – Вы что, черт возьми, не видите?

Скрежетнул металл, и дверь со скрипом отворилась. В проеме стоял человек, лохматой башкой чуть не касаясь арочного свода. Лицо с одного боку все как есть снесено, от угла рта шла густая чересполосица шрамов, переползая на лоб и бровь; в глазнице слепо поблескивал металлический шар. Если в штанах у Кальдера все еще ютился романтический флер, то этот глаз и шрамы развеяли его окончательно.

Чувствовалось, как рядом замерла Сефф – а ведь ей, в отличие от него, смелости не занимать, так что стойте и не трепещите, принц Кальдер. Кол Трясучка, пожалуй, наихудшее предзнаменование для кого угодно. Люди называли его псом Черного Доу – но втихомолку, а никак не в это вот самое лицо со следами ожогов. Человек, назначенный протектором Севера для самой что ни на есть черной работы.

– Тебя желает Доу.

От вида этой образины сквознячок страха продувал сердце любого завязатого храбреца, а голос Трясучки довершал остальное: хриплый змеиный шепот, продавающий, как заточенный рашпиль.

– А что такое? – осведомился Кальдер голосом безмятежным, как летнее утро, несмотря на то, что внутри все невольно оцепенело. – Он что, не может разбить Союз без меня?

Трясучка ни рассмеялся, ни нахмурился, а просто торчал истуканом, источающим глухую угрозу.

Кальдер как можно непринужденнее пожал плечами.

– Что ж, кто-то из двоих вынужден подчиняться. А что будет с моей женой?

Целым глазом Трясучка окинул Сефф. Будь в этом взгляде хоть что-нибудь – похоть, насмешка, презрение – ей-богу, было бы легче. Но на беременную женщину Трясучка взглянул как мясник на тушу, которую надлежит разделать, – с таким же равнодушием.

– Пусть остается. Доу хочет оставить ее заложницей. Чтоб никто ничего не выкинул. С ней ничего не делается.

– Чтоб никто ничего не выкинул?

Кальдер поймал себя на том, что стоит перед женой, закрывая ее собой, как щитом. Хотя какой щит спасет от такого, как Трясучка.

– Никто ничего.

– А если что-нибудь выкинет Черный Доу? Где мои заложники?

– Я буду твой заложник, – сказал Трясучка.

– Получается, если Доу нарушит слово, я могу тебя убить?

– Можешь попробовать.

– Гм.

Кол Трясучка на Севере был персоной весьма известной. Кальдер с ним, понятно, и рядом не стоял.

– Ты можешь дать нам минуту попрощаться?

– Отчего не дать, – Трясучка отодвинулся; из тени тускло поблескивал металлический глаз. – Что мы, змеи, что ли.

– У себя в змеюшнике, – кольнул исподтишка Кальдер.

Сефф ухватила его за руку; в распахнутых глазах читался страх вперемешку с жадным азартом. Как, впрочем, и у него самого.

– Будь осторожен, Кальдер. Смотри под ноги.

– На цыпочках ступать буду.

Эх, если бы. Трясучке, поди, велено перерезать ему по дороге глотку, а труп скинуть в болото. Можно биться об заклад.

Сефф большим и указательным пальцем взяла его за подбородок и властно потрясла.

– Я тебе говорю. Доу тебя страшится. Отец сказал, что использует малейшую попытку тебя убить.

– Да, Доу следует меня бояться. Кем бы я ни был, я все равно сын своего отца.

Глядя Кальдеру в глаза, Сефф еще раз дернула его за подбородок.

– Я люблю тебя.

– За что? Неужто не знаешь, какое я коварное, вероломное дерьмо?

– Ты лучше, чем тебе кажется.

Ему почти верилось в эти слова. К горлу подкатил непрошенный комок.

– Я тоже тебя люблю.

Он даже не лгал. А как он бушевал, как бесновался, когда отец объявил об их помолвке! Что?! Жениться на этой курносой, языкастой стерве? Не язык, а помело. Точнее, кинжал. Теперь же день ото дня она становилась ему все милее. Он любил уже и ее вздернутый нос, а еще больше язык. На других женщин и смотреть не хотелось. Он притянул жену к себе и, смаргивая слезы, еще раз поцеловал.

– Не волнуйся. Никто так не против моего повешения, как я сам. Буду обратно в твоей постели, ты и соскучиться не успеешь.

– В боевых доспехах?

– Если пожелаешь.

– И никакого вранья, пока будешь в отлучке.

– Ты меня знаешь.

– Да уж знаю, лгунишка, – успела она выговорить прежде, чем стражники закрыли дверь на засов.

Кальдер остался в сумрачном коридоре со слезливой мыслью, что жены своей он, может стать, больше никогда не увидит. В порыве неожиданной храбрости он поспешил за Трясучкой и, настигнув, хлопнул по литому плечу, такому чугунному, что сердце опасно дрогнуло, но деваться некуда.

– Ну смотри у меня, – на остатках пыла сказал Кальдер, – если с ней что-нибудь случится, даю слово...

– Ты уже словами своими вдоволь наразбрасывался, да толку-то.

Глаз Трясучки покосился на непрошеную руку Кальдера, и тот не замедлил ее аккуратно убрать. Смелость накатывала на него не сказать чтобы часто, и никогда не превышала пределов благоразумия.

– Кто так говорит – Черный Доу? Уж если есть кто на Севере, чьим словам в сравнении с моими грош цена, так это именно он, этот выродок.

Трясучка молча насторожился, но Кальдера уже несло. Вообще настоящая измена требует изрядных усилий.

– Думаешь, Доу поделится хоть чем-нибудь, если только у него это не вырвать зубами? Ха! Ничего тебе не достанется, при всей преданности. Более того: чем ты преданней, тем меньше получишь. Вот увидишь. Нет такого мяса, чтобы насытить эту голодную песью свору.

Трясучка чуть прищурил единственный глаз.

– Я не пес, – изрек он.

Одной этой фразы, брошенной с холодной яростью, хватило бы, чтобы заткнуть любого говоруна, но Кальдер через этот ухаб перемахнул.

– Я вижу, – перешел он на зазывный неистовый шепот, которому научился у Сефф. – Большинство людей не смеет ничего видеть из-за страха перед тобой, но я-то прозреваю. Ты боец, само собой, но и мыслитель тоже. В тебе есть нрав, рвение. Ну и гордыня, а почему бы нет?

Кальдер, а с ним и Трясучка, остановились в затененном закутке коридора, и Кальдер, подавив порыв съежиться, отпрянуть при виде жутковатых шрамов, доверительно подался вперед.

– Эх, мне бы на службу такого, как ты, уж я бы нашел достойное применение такому человеку. Не то что Черный Доу. Это я могу обещать.

Трясучка вкрадчиво поманил к себе; при этом на мизинце у него кроваво блеснул крупный рубин. Кальдеру не оставалось ничего иного, как придвигаться – все ближе, ближе, так близко, что становилось неуютно. Уже чувствовалось теплое дыхание Трясучки, хоть целуйся. Так близко, что жидковатая улыбка Кальдера искаженно отражалась в мертвом металле глаза.

– Тебя желает Доу.

Лучший из нас

Ваше высочайшее величество, мы всецело оправились от конфуза на Тихом Броде и перешли в наступление. Несмотря на злокозненность Черного Доу, лорд-маршал Крой неуклонно гонит его на север, все ближе к столице в Карлеоне. Мы теперь не более чем в двухнедельном переходе от города. Отбиваться беспрестанно у неприятеля не хватит сил. Рано или поздно Черный Доу неминуемо окажется у нас в руках, Ваше величество может на это надеяться. Не далее как вчера дивизия генерала Челенгорма выиграла небольшой бой у подножия холмов на северо-востоке. Лорд-губернатор Мид ведет дивизию на юг по направлению к Олленсанду, рассчитывая вынудить северян разделить войска и вести бой с невыгодных позиций. Я продвигаюсь с дивизией генерала Миттерика, держась неподалеку от ставки маршала Кроя. Вчера близ селения Барден северяне из засады напали на наш обоз, вынужденно растянувшийся из-за неважного состояния дорог. Но за счет бдительности и храбрости арьергарда они были отбиты с тяжелыми потерями. Осмелюсь ходатайствовать Вашему величеству насчет лейтенанта Кернса, проявившего особую доблесть и павшего в бою, оставив, как выяснилось, без попечения жену и малое дитя. Колонны наши в полном порядке. Погода благоприятствует. Войско марширует, и люди пребывают в приподнятом расположении духа.

Засим остаюсь преданнейшим и недостойным слугой Вашего величества

—
Бремер дан Горст, королевский обозреватель Северной войны.

Колонна пребывала в хаосе. Мутной пеленой висел дождь. Войско по уши вязло в грязи, и настроение у людей было откровенно гадкое. «А уж мое среди этой размазни – самое прескверное», – так думал Бремер дан Горст, пробиваясь через скопище заляпанных грязью солдат, которые копошились, как черви, в разбухших от сырости доспехах; пики, секиры и алебарды торчали на плечах как попало, во все стороны, угрожая товарищам. Спереди очутился неприятель, закупорив продвижение колонны наглухо, как пробка бутылку, а с тыла, чавкая по грязи, все подтягивались, наседали, напирали позади идущие, усугубляя и без того растущий в этой давке беспорядок на вконец раскисшей слякотной тропе, именуемой дорогой, и оттесняя поносящих все и вся соратников к деревьям. Горст опаздывал, а потому, теряя терпение, где понукал, а где и оттирал с дороги солдатню. Кое-кто, оскальзываясь, поворачивался, думая задать выскочке взбучку, но тут же замолкал, приглядевшись: Горста здесь знали.

Неприятель, преградивший путь армии его величества, оказался ее же собственной повозкой, наполовину съехавшей юзом со скользкой тропы в куда более топкое болотце. По вселенскому закону подлости, согласно которому, как ни старайся, все равно произойдет самое худшее, повозку вынесло аккуратно поперек дороги, задние колеса увязли по самую ось. Погонщик, рыча ругательства, нахлестывал почем зря двух измотанных, покрытых пеной лошадей, а с полдюжины замызганных солдат безуспешно возились с задком повозки. По обе стороны дороги в намокшей придорожной поросли топтались еще какие-то помощники, костеря изорванную о колючие кусты упряжь, спутанные вожжи, немилосердно хлещущие по глазам ветки.

Тут же неподалеку стояли трое молодых офицеров в некогда алых, а теперь буро-малиновых от заунывного дождя мундирах. Двое спорили, тыкая в повозку пальцами, третий же молчал и глазел, небрежно держа руку на золоченой гарде меча, застыв, как манекен в офи-

церском платье. Тысяча отборных солдат противника и та едва ли могла бы столь успешно блокировать продвижение армии.

– В чем дело? – требовательно осведомился Горст, в попытке, разумеется, тщетной, держаться солидно.

– Господин, обозу никак не место у этой тропы!

– Это вздор, господин! Пехота задерживается, в то время как...

«Конечно, важнее найти виновных, чем решение». Горст плечом потеснил офицеров и прохлюпал по грязи в самую трясиину. Он вклинился меж вконец грязных солдат и опустил руки в слякотную жижу, нашаривая ладонями ось, а подошвами ботфорт – опору понадежней.

– Тяни! – крикнул он вознице.

Он забыл придать голосу желанную весомость; получилось как петух прокукарекал. Щелкнул кнут. Лошади всхрапнули. Люди со стоном налегли. Чавкнула грязь. Горст напрягся от пят до макушки; струной натянулись мышцы. Мир потускнел. Горст крикнул, рыкнул, зашипел; ярость вскипела так, словно ее внутри, несмотря на сравнительно маленькое сердце, был непечатый край; казалось, стоит открыться какому-то кранику, и эту повозку, да и все вокруг, разнесет вдребезги. Колеса с жалобным скрипом подались, и повозка стронулась с места. Еще миг, и усилие пришлось на пустоту; отчаянная попытка устоять на ногах ничем не увенчалась, и Горст во весь рост плюхнулся лицом вперед, вместе с солдатами. Повозка рванулась – возница что есть силы сдерживал лошадей – и заколыхала себе дальше.

– Спасибо за помощь, господин, – покрытый слоем грязи солдат неуклюже попытался своей лапой очистить мундир Горста, но лишь размазал слякотные пятна еще безобразней. – Прощения прошу, господин.

«Смазывайте, как подобает, оси, болваны. Удерживайте телегу на дороге, ротозеи-придурки. Делайте, черт подери, что вам положено и как надлежит, нерадивые бездельники, вшивота. Или это так сложно?»

– Ничего, – пробормотал Горст, стряхнув услужливую лапу. – Ступай себе, благодарю.

Он одернул мундир. Отдаляясь под промозглой завесой дождя от повозки, он почти слышал, как в спину ему обидно посмеиваются и солдатня, и те офицеришки.

Лорд-маршал Крой, главнокомандующий войсками его величества на Севере, реквизировал себе под временную ставку самое заметное строение в округе, а именно приземистый сельский дом, поросший мхом так густо, что походил со стороны на застарелую навозную кучу. Беззубая старуха и ее древний супруг – до недавних пор, видимо, хозяева дома – сидели на пороге соседнего амбара, прильнув друг к другу под дырявым платком, и с сонным равнодушием наблюдали, как Горст шлепает по грязи к дощатой передней двери. Судя по всему, Горст их не впечатлил. Равно как и четверку часовых в накидках из промасленной мешковины, слоняющихся у крыльца. Равно как и сборище промокших офицеров в гостиной с низким потолком: при появлении Горста они выжидательно обернулись на дверь и все как один тут же скинули физиономиями, едва поняли, кто это.

– Гляньте-ка, Горст пожаловал, – съязвил один, как будто ожидал увидеть короля, а оказалось, что это мальчик для выноса горшков.

Здесь был представлен весь цвет армии. Центральное место занимал сам маршал Крой, он непоколебимо восседал во главе стола. Вид, как всегда, безукоризненный: свежевыглаженный черный мундир с жестким стоячим воротником, серебряные листики на котором смотрелись в тон стальным редющим седидам, уложенным на выпуклом черепе, можно сказать, во фронт. Рядом сидел его первый помощник, мелковатый полковник Фельнигг, чутко ловящий каждое начальственное распоряжение – спина выгнута, подбородок вздернут. Впрочем, учитывая, что подбородок у него был на редкость мелкий, вздернутость изображала в основном шею, запрокинутая так, что затылок упирался в воротник, а ноздри были обращены к потолку.

«Как не в меру заносчивый гриф, ждущий для кормежки подходящую падаль». Ему бы для этой цели генерала Миттерика – вот где можно разгуляться: крупный, дородный, с упитанным лицом, объемистые черты которого едва умещались на отведенном им природой месте. Если у Фельнигга подбородка почти не было, то у Миттерика он был массивен, да еще и с опрометчиво крупной выемкой посередке.

«Как будто у него из-под усищ свисает задница». Обычно он носил кожаные, почти до локтя краги – наверное, чтобы подчеркнуть воинственность, хотя у Горста почему-то напрашивалось сравнение с рукавицами селянина, которыми тот пускает ветры коровам при запоре.

Увидев заляпанный грязью мундир Горста, Миттерик возвел бровь.

– Опять героствуем, полковник Горст? – спросил он под чье-то подхихикивание.

«Запихай это в свой рот-задницу, коровий бурдюк тщеславия». Слова так и чесались на губах, хотя, что бы Горст ни высказал своим фальцетом, шутка непременно обернулась бы против него. Право, лучше лицезреть перед собой целую сотню северян, чем терпеть пытку разговором. Так что вместо слов Горст по обыкновению изобразил неловкую, униженную улыбку и, пристроившись в укромном уголке, скрестил на запачканном мундире руки, а гнев утопил в созерцании умозрительной картины: чванливые головы Миттерика и его свиты воздеты на пики армии Черного Доу – зрелище, быть может, не самое патриотичное, но упоительное, как раз по настроению.

«Что это за мир, в котором такие люди – если их вовсе можно назвать людьми, – смотрят свысока на таких, как я? Да я вдвое ценнее всех вас вместе взятых! И это лучшее, что может предложить Союз? Если так, то мы заслуживаем поражения».

– Не запачкав рук, не выиграешь войны.

– А?

Отвлеченный от мыслей Горст недовольно покосился. Рядом притулился Ищейка в поношенном плаще и со столь же поношенным, устало-смирненным лицом, потрепанным невзгодами, как непогодой.

Северянин с медленным вздохом стал отводить голову, пока та легонько не стукнулась об облупленную стену.

– А кто-то предпочитает оставаться чистеньким? И проиграть.

Союз с изгоем еще большим, чем он сам, Горста не прельщал. А потому он, как в наглухо пригнанные доспехи, углубился в привычное молчание и слушал, как перебрасываются репликами сидящие за столом офицеры.

– Так когда они подъедут?

– Скоро.

– И сколько их?

– Я слышал, трое.

– Да нет, только один. Одного члена закрытого совета, и того за глаза.

– Закрытый совет? – вырвалось у Горста сиплым взволнованным фальцетом.

Тошнотворным послевкусием всплыли в памяти гнусные старцы, в одночасье лишившие его звания. «Раздавить все мои чаяния, все мечты с такой же беспечностью, с какой мальчишка давит жука». А затем...

Вот его выводят в коридор, и массивные черные двери захлопываются перед ним, как крышка гроба. «Уже не Первый страж. Не рыцарь-телохранитель. А попросту говорящая фальцетом прибаутка с именем едва ли не нарицательным, означающим неудачливость и позор». Перед внутренним взором по-прежнему плыли кривые ухмылки, слышались гаденькие смешки. И бледное лицо короля – челюсти сомкнуты, взгляд направлен куда-то вбок. «Как будто растоптать, уничтожить самого верного, самого преданного слугу было для него не более чем досадным пустяком...»

– А который из них будет? – волновался Фельнигг. – Мы его знаем?

– Да какая разница, – досадливо отмахнулся Крой, оглядываясь на окно, за которым широко и шумно шел дождь. – Нам уже известно, что они скажут. Король требует большой победы, вдвое быстрее и вполнены.

– Нет, ну надо же! – запетушился Миттерик. – Черт бы побрал этих царедворцев: суют нос во все щели, даже к нам! Бьюсь об заклад, эти плуты из закрытого совета обошлись нам уже в такое множество жизней, какое даже наш заклятый враг не...

Громко стукнуло дверное кольцо, и в комнату тяжелой поступью вошел грузноватый старик – лысый, с короткой седой бородой. На первый, беглый взгляд верховной властью от него не веяло: одежда намочла и запачкалась немногим меньше, чем у Горста; деревянная палка со стальным набалдашником напоминала скорее посох, чем регалию власти. Тем не менее, даром что в комнату следом не вошел никто, кроме неприметного слуги, а численный перевес присутствующих здесь армейских чинов попросту подавлял, дыхание затаили именно последние – такую непререкаемую, владетельную уверенность и строгую властность источал старик. «Вид мясника, по-хозяйски присматривающего себе борова на бойне». Лорд Байяз.

Крой чуть заметно побледнел. Горст, пожалуй, впервые видел маршала в таком изумлении, да и не он один. Все собрание остолбенело, как, наверное, не онемело бы, вкатись сюда тележка с трупом Гарода Великого, который бы вдруг начал что-нибудь громогласно вещать.

– Господа.

Небрежно бросив кудрявому слуге посох, Байяз смахнул с лысой макушки капельки влаги и отряхнул ладони. Для своего поистине мифического статуса этот старик держался до странности непринужденно.

– Вот ведь погодка, а? Иногда я в Севере души не чаю, а иногда вот... не очень.

– Мы не ожидали...

– А откуда вам было? – Байяз хохотнул вроде как добродушно, но в добродушии этом чувствовался оттенок угрозы. – От дел я отошел. Вновь расстался со своим креслом в закрытом совете и последнее время тешил старческое слабоумие в библиотеке, подальше от дворцовых свар и интриг. Но война уже, можно сказать, почти у моих ворот, а потому было бы нерадиво с моей стороны не заглянуть и не отвесить поклон. С собой я привез деньги – насколько я понимаю, выплата жалованья у нас слегка подзатынулась?

– Самую малость, – согласился Крой.

– Ну вот. Еще чуть-чуть, и по большей части наносное понятие о солдатской чести и послушании быстро рассосется, не так ли, господа? Без золоченой денежной смазки громадная машина армии его величества скоро засбоит, а потом и вовсе встанет, как нередко случается в жизни, верно?

– Мы заботимся о благополучии наших людей, – сказал без особой уверенности маршал.

– А уж я-то! – воскликнул Байяз. – Смею вас заверить, я здесь исключительно с тем, чтобы помочь. Смазать, так сказать, колеса. Понаблюдать и, может статься, предложить при необходимости какой-нибудь совет. Командование, лорд-маршал, само собой, остается за вами.

– Само собой, – эхом отозвался Крой.

Прозвучало, впрочем, неубедительно. Шутка ли: ведь это же первый из магов – человек, возраст которого, по слухам, исчисляется сотнями лет и который владеет магическими силами; который, говорят, сам выковал Союз, возвел на трон короля и обратил в бегство гурков, повергнув при этом в прах добрую половину Адуи. По крайней мере, так говорят. «Мало кто известен нежеланием хоть во что-нибудь да вмешаться».

– Э-э... Смею вам представить генерала Миттерика, командующего второй дивизией его величества.

– Генерал Миттерик? Даже взаперти со своими книгами я слышал истории о вашей доблести. Сочту за честь.

– Нет-нет, что вы! – генерала распирало от истовости. – Это я, я сочту за честь!

– Можно и так, – веско изрек Байяз.

Крой в последовавшей тишине решительно бросился в атаку.

– А это мой первый помощник полковник Фельнигг. А вот это вождь тех северян, что противостоят Черному Доу и сражаются на нашей стороне; имя ему Ищейка.

– Вот как? – поднял брови Байяз. – Думается, у нас был общий друг, Логен Девятипалый.

Ищейка ответил спокойным взглядом – единственный человек в комнате, не выказавший перед Байязом благоговейного трепета.

– Если и есть кто на свете, способный провести великого уравнилителя, так это был – или есть – он. В любом случае, он для Севера большая утрата. Да что там, для всего мира! Великий человек, вспоминать о котором надлежит с прискорбием.

– Человек как человек, – пожал плечами Ищейка. – Есть в нем хорошее, есть плохое, как у всех. А насчет прискорбия, так это смотря у кого спросить.

– Справедливо.

Байяз печально улыбнулся и произнес на языке северян:

– А ты, я вижу, в подобных вещах реалист.

– Как и ты, – откликнулся Ищейка.

Сомнительно, чтобы кто-нибудь в этой комнате понял хоть слово. Горст, при всем знании языка, и то усомнился.

Крой между тем шел дальше.

– А вот это...

– Бремер дан Горст, разумеется!

Теплым рукопожатием Байяз потряс Горста по самые ботфорты. Для человека такого возраста и сана хватка была на удивление крепкая.

– Я видел, как вы фехтовали с королем. Сколько уж лет минуло – пять? Шесть?

Горст мог исчислить не только годы, но даже дни и часы.

«В жизни моей, подобной тени, гордиться приходилось разве что поддавками в фехтовальных поединках».

– Девять.

– Девять, подумать только! Надо же, десятилетия мелькают, как листья на ветру. Никто так не заслуживал титула, как вы.

– Я оказался во многом посрамлен.

Байяз подался ближе.

– Вы оказались биты, и это единственное, что принимается во внимание.

Он шлепнул Горста по предплечью, как если бы они поделились им одним известной шуткой; а выходило, что она известна только Байязу.

– Но не вы ли состояли в числе рыцарей-телохранителей? И разве не вы охраняли короля в битве при Адуе?

Горст почувствовал, что зарделся.

«Да, то был я, и всем это хорошо известно. А ныне я – не более чем злосчастный козел отпущения, использованный и брошенный, как какая-нибудь беспутная служанка, грубо употребленная сыном сиятельной особы. Я теперь...»

– Полковник Горст здесь у нас в качестве королевского обозревателя, – решил пояснить Крой, почувствовав заминку.

– Ах да, – Байяз, спохватившись, щелкнул пальцами, – еще бы. После того, что делалось в Сипани.

Горст вспыхнул; само название города хлестнуло, как пощечина. «Сипани...» Да, все просто – после того, как он четыре года назад почти безотлучно находился там, среди безумия Дома досуга Кардотти. Шаткой поступью крался сквозь дым, разыскивая в отчаянии короля. Добирался до лестницы, смотрел на лицо в маске... А затем долгий, еще более муторный путь назад, среди порочащих душу и тело бесчинств, позорных оргий. Лица в комнате внезапно поплыли нестерпимо яркими, смазанными кометами – при этом, как ни странно, с ухмылками. Горст открыл пересохший рот, но, как обычно, ничего не выговорил.

– Ничего, ничего, – маг похлопал Горста по плечу с уничижительным добродушием, как какую-нибудь одряхлевшую, полуслепую служебную собаку – дескать, на вот тебе кость, по старой памяти. – Может, дослужитесь еще и вновь завоюете благосклонность короля.

«Может, и дослужусь, тайная ты дырка от сраки. Если весь изойду кровью на Севере».

– Может быть, – сумел прошептать Горст.

А Байяз пододвинул стул и сел, сложив пальцы домиком.

– Ну что. Какова обстановка, лорд-маршал?

Крой, одернув полы мундира, подступил к огромной карте, такой большой, что края загибались, не помещаясь даже на самой широкой стене домишки.

– Дивизия генерала Челенгорма находится здесь, к западу от нас.

Бумага взвизгнула под метнувшейся указкой маршала.

– Он рвется к северу, поджигая поля и деревни в надежде, что тем самым втянет северян в сражение.

– М-м-м, – со скучным видом протянул Байяз.

– Тем временем дивизия лорда-губернатора Мида в сопровождении людей Ищейки прошла маршем на юго-восток, чтобы взять в осаду Олленсанд. Дивизия генерала Миттерика остается между этими двумя...

«Тук», «тук» указкой – методично, с безжалостной точностью.

– В постоянной готовности прийти на помощь той или другой. Маршрут обоза пролегает на юг в сторону Уфриса. Дороги здесь плоховатые, на самом деле не более чем тропы, но мы...

– Да-да, конечно, – Байяз пухлой рукой отмахнулся от доклада, как от чего-то, недостойного внимания. – Я здесь не затем, чтобы вмешиваться в тактику.

Указка Кроя растерянно застыла.

– Тогда...

– Лорд-маршал. А вы представьте, что вы, скажем, бригадир каменщиков, и работаете над башенкой грандиозного дворца. Мастер, чья приверженность ремеслу, опыт и внимание к деталям не вызывают ни у кого и тени сомнения...

– Каменщиков? – окончательно потерялся Крой.

– Тогда представьте, что закрытый совет – это архитекторы. И наше дело – не подгонка одного камня к другому, а план всего здания в совокупности. Стратегия, а не тактика. Армия – инструмент правительства и должна служить его интересам. А иначе какой в ней толк? Так, просто чрезвычайно дорогостоящая машина для... чеканки медалей.

Собрание неуютно зашевелилось. «Едва ли это любимая тема обсуждения у оловянных солдатиков».

– Стратегия правительства подвержена внезапным переменам, – ворчливо заметил Фельниг.

Байяз поглядел на него, как школьный наставник на тупицу, что тянет назад весь класс.

– Мир текуч, подвижен. Подвижными должны быть и мы. Однако с той поры, как началась военная кампания, дела пошли не лучшим образом. Вновь подняли голову крестьяне: военные, видите ли, подати, и так далее. Неуемные, вечно неуемные, – он забарабанил по столешнице. – Наконец завершен новый Круг лордов, открытый совет приступил к заседаниям, и

знати есть где выражать недовольство. И они его выражают. Нескончаемо. По всей видимости, их крайне раздражает медленный темп.

– Чертовы пустобрехи, – буркнул Миттерик.

«Зарубите на носу: более всего люди ненавидят в других то, что им ненавистно в себе».

Байяз вздохнул.

– Иногда мне кажется, будто я строю песчаные замки во время прилива. Гурки не сидят сложа руки, их козням нет конца. Но когда-то они были единственной силой, с которой приходилось бороться. А теперь есть еще и Змея Талина. Меркатто. – Байяз нахмурился, как будто само это имя было ему неприятно. – Пока наши армии барахтаются здесь, эта проклятая гадюка продолжает сжимать ядовитый хвост вокруг Стирии, ободренная тем, что Союз не может ничего ей толком противопоставить.

Собрание отозвалось нестройным, но патриотичным рокотом.

– Говоря попросту, господа, расходы на эту войну – в смысле потерь и денег, и престижа, и возможностей, – становятся чересчур велики. Закрытый совет требует скорейшего завершения кампании. Естественно, будучи солдатами, вы склонны излишне романтизировать тактику ведения войны. Но в боевых действиях толк есть лишь тогда, когда они обходятся дешевле других приемов и ходов. – Байяз сосредоточенным движением смахнул с подсохшего рукава соринку. – Вы вдумайтесь: это всего лишь Север. Я в том смысле – ну что вам стоит?

Воцарилась тишина, после чего, прокашлявшись, подал голос Крой:

– Вы говорите, закрытый совет требует скорого завершения... Они имеют в виду конец сезона?

– Конец сезона? Да нет, конечно.

Офицеры дружно и облегченно выдохнули. Как выяснилось, преждевременно.

– Имеется в виду, гораздо раньше.

Ропот постепенно перерастал в гомон: негодующие ахи, тихое чертыханье, ворчание под нос; уязвленная офицерская гордость одерживала верх над всегдашним штабистским раболепием, что бывает нечасто.

– Но нельзя же вот так!

Миттерик вдарил в сердцах крагой по столу; впрочем, тут же опомнился:

– То есть я хотел сказать, прошу прощения, но мы не можем...

– Господа, господа, – взялся урезонивать разошедшихся подчиненных Крой. «Лорд-маршал без резонерства не может». – Лорд Байяз... Черный Доу продолжает упорно уклоняться. Маневрирует, отходит, – Крой указал на карту, как будто там были нарисованы суровые обстоятельства, против которых не попрешь. – На его стороне стойкие местные вожди. Его люди прошли огонь и воду. Они знают местность, их поддерживают сородичи. Доу мастак на быстрые переброски, внезапные выпады. У нас уже был с ним однажды пренеприятный конфуз. Если рваться без оглядки в бой, то можно, знаете, и...

С таким же успехом он мог спорить с волнами прибою. Первый из магов пропускал его слова мимо ушей.

– Вы опять вдаетесь в детали, лорд-маршал. Каменщики, архитекторы, все такое прочее... Или вы меня не поняли? Король послал вас сюда драться, а не маршировать вокруг да около. У меня нет сомнения, что вы изыщете способ вызвать северян на решающую баталию. Ну а если нет, то... всякая война – лишь прелюдия к разговору, не так ли?

Байяз встал, а следом за ним под нестройный скрежет стульев и стук мечей и шпаг стали уныло подниматься штабисты.

– Мы... в восторге, что вы смогли нас навестить, – выдавил Крой, хотя по всему чувствовалось, что настроение у собрания прямо противоположное.

Байяза было не пронять.

– Вот и хорошо, потому что я остаюсь здесь наблюдать. Со мной прибыли кое-какие господа из Адуи. У них на руках устройство, и мне не терпится посмотреть, как оно работает.

– Сделаем все, что в наших силах.

– Превосходно, – Байяз милостиво улыбнулся. «Единственная улыбка в комнате». – Что ж, оставляю подгонку камней в ваших, – он выразительно посмотрел на нелепые краги Миттерика, – умелых руках, господа.

Офицеры хранили молчание, прислушиваясь, как поношенные башмаки первого из магов и его единственного слуги шаркают в сенях – совсем как дети, готовые откинуть одеяла, как только родители отдалятся на безопасное расстояние.

Едва закрылась передняя дверь, как сердитый ропот возобновился.

– Какого черта!

– Да как он смеет!

– К концу сезона? – неистовствовал Миттерик. – Да он рехнулся!

– Вздор! – вторил ему Фельниг. – Просто вздор!

– Чертовы интриганы!

Зато Горст улыбался, и даже не столько смятению Миттерика и иже с ним. Теперь им придется искать битвы.

«Уж не знаю, для чего пришли сюда они, а я для того, чтобы сражаться».

Крой усмирил разошедшихся подчиненных постукиванием маршальского жезла о стол.

– Господа, господа, прошу вас! Слово закрытого совета – это слово короля, так что нам остается лишь со всем рвением подчиниться. В конце концов, кто мы такие, как не каменщики, – под повисшее молчание он повернулся к карте, охватывая взглядом дороги, холмы и реки Севера. – Боюсь, нам придется забыть о благоразумии и сосредоточить армию для согласованного броска на Север. Ищейка?

Северянин подошел к столу и бойко отсалютовал:

– Мое почтение, маршал Крой!

Вышло немного комично, поскольку Ищейка был независимым союзником, а не мелкой подчиненной сошкой.

– Если мы всем войском выйдем на Карлеон, есть вероятность, что Черный Доу примет наконец бой?

Ищейка потер колючую щетину.

– Может, и да. Он не из особо терпеливых. И расклад для него не самый выгодный, учитывая, что вы последние несколько месяцев изрядно потоптались по его вотчине. Но он всегда был непредсказуемым мерзавцем, этот Доу.

Ищейка скривился от болезненного воспоминания.

– Одно я могу сказать: если он решит сражаться, то заранее вы об этом не узнаете. Он вам с ходу, со всей внезапностью вгонит в задницу кол. А так, можно и попробовать, – Ищейка осклабился, оглядывая собрание, – особенно кому по нраву кол в заднице.

– Лично мне не очень, но говорят, истинный генерал должен быть готов ко всему.

Крой провел указкой по дороге и постучал по карте.

– Что это за городишко?

Ищейка оперся о стол и прищурился, потеснив пару штабистов – те неуютно заерзали, что Ищейку, впрочем, ничуть не смутило.

– Это Осрунг. Старый городок среди полей, с мостом и мельницей, и людей здесь живет... жило в мирное время сотни три или четыре. Есть и каменные строения, но по большей части дерево. Вокруг высокий частокол. Раньше была чертовски добрая таверна... Хотя вы знаете, как все нынче переменялось.

– А этот холм? Вот здесь, где сходятся дороги из Олленсанда и Уфриса?

– Это Герои.

– Странное название для холма, – ворчливо заметил Миттерик.

– Назван так из-за кольца старых камней на вершине. Когда-то в древности под ними были похоронены воины, по крайней мере, так гласит молва. Оттуда очень хороший обзор. Я как раз посылал туда на днях дюжину, проверить, не показывался ли там кто-то из парней Черного Доу.

– И что?

– Да пока ничего, хотя причин для беспокойства нет. Если оттуда надавят, помощь рядом.

– Тогда это и есть нужное место.

Крой, чуть пригнувшись к карте, придавил к этой точке указку, словно мысленно нагнетая туда мощь армии.

– Герои. Фельнигт?

– Да, господин?

– Доставьте сообщение лорд-губенатору Миду, чтобы снимал осаду с Олленсанда и со всей поспешностью выдвигался на встречу с нами под Осрунгом.

Кто-то резко втянул воздух сквозь зубы.

– Мид расвирепееет, – предупредил Миттерик.

– Это за ним водится. А что делать?

– Я пойду обратно тем же путем, – сказал Ищейка. – Встречусь со своими молодцами и поверну их на север. Так что послание могу передать и я.

– Будет лучше, если его в личном порядке передаст полковник Фельнигт. Лорд-губернатор Мид... не расположен к северянам.

– Видимо, в отличие от всех, здесь присутствующих? – Ищейка, щеря в улыбке острые желтые зубы, оглядел цвет офицерства. – Ну ладно, тогда я поехал. Если повезет, увидимся на Героях через... сколько дней? Три? Четыре?

– Через пять, если погода не выправится.

– Так ведь Север. Ладно, пускай пять.

И Ищейка вслед за Байязом вышел из душной комнаты с низким потолком.

– Что ж, вышло, может, и не так, как нам хотелось, – Миттерик ткнул мясистым кулаком в мясистую ладонь, – но, может быть, мы им теперь кое-что покажем? Выволочем негодяев в чистое поле и наконец устроим им разгром!

Под натужный скрип ножек стула он встал.

– Всё, я поехал. Потороплю дивизию. Надо срочно выходить ночным маршем. Все на врага, лорд-маршал!

– Постойте, – Крой сидел за бюваром и окунал в чернильницу перо, собираясь писать приказы. – На ночь глядя не трогайте их с места. По таким дорогам, в такую погоду поспешность принесет больше вреда, чем пользы.

– Но, лорд-маршал, если мы...

– Я собираюсь ускорить темп, генерал, но не мчаться сломя голову к поражению. Мы не должны пинать людей излишне жестко. Не стоит ради боеготовности выматывать силы.

Миттерик натягивал краги.

– Дьявол бы побрал эти чертовы дороги!

Горст отодвинулся, давая генералу с вереницей адъютантов вый-ти, а сам молча представлял, как лично препровождает их из комнаты прямоиком в тартарары.

Крой за написанием рескрипта поигрывал бровями:

– Здравомыслие... избегает... битв.

Перо аккуратно плыло по бумаге.

– Кому-то надо будет передать это распоряжение генералу Челенгорму. Выдвинуться со всей поспешностью к Героям и занять холм, а также городок Осрунг и все подступы и переправы к реке, что...

Горст шагнул вперед:

– Я это сделаю.

Если дело дойдет до боя, дивизия Челенорма окажется в нем первая. «И я буду впереди самых передних рядов. Призраки Сипани я похороню в самой сердцевине».

– Никому я бы не доверил это так охотно, как вам.

Горст ухватился за бумагу, но маршал выпустил ее не сразу, а посмотрел испытующе; свернутый лист протянулся меж ними как мостик.

– Однако помните, что вы королевский обозреватель, а не воин.

«Я ни то и ни другое. Я мальчик на побегушках, и здесь нахожусь потому, что больше мне нигде нет места. Я письмоносец в мундире. Причем в мундире, если на то пошло, испачканном. Я мертвец, который все еще трепыхается. Ха-ха! Взгляните на этого стоеросового болвана со смешным голосом! Велите, пусть он вам спляшет!»

– Слушаюсь.

– Так что обозревать обозревайте, это никоим образом не возбраняется. Но уж будьте добры, никакой героики. Не как накануне под Барденом. Война – не место для героики. Особенно такая.

– Слушаюсь.

Крой выпустил лист и повернулся к карте, меряя расстояние циркулем из большого и указательного пальца.

– Если бы мы вас потеряли, король бы мне этого никогда не простил.

«Король меня здесь бросил и думать забыл, и никто не пожалеет, если меня изрубят на куски, а мозги разбросают по всему Северу. И прежде всего я сам».

– Слушаюсь.

На этом Горст вышел обратно в непогоду, где его и поразила молния.

До нее было рукой подать – вот она, осторожно ступает навстречу по раскисшей грязи двора. Ее улыбка на гнетущем фоне слякоти сияла, как солнце. Даже, можно сказать, обжигала. В сердце полыхнуло, сладко обдав жаром кожу; перехватило дыхание. Месяцы, проведенные в разлуке, не сказались решительно никак. Он все так же отчаянно, безнадежно ее любил.

– Финри, – прошептал он с благоговейным трепетом, как какое-нибудь заклятие, опрометчиво брошенное глуповатым чародеем из сказки, – какими судьбами?

Мелькнул призрачный страх, что видение сейчас поблекнет, растворится, уйдет бесплотным образом истомленного воображения.

– Да вот, взглянуть, где там отец. Он здесь?

– Строчит приказы.

– Как всегда.

Она оглядела мундир Горста и приподняла бровь – темно-каштановую, почти черную, разделенную дождем на волосинки.

– А вы, я смотрю, все в грязи играете.

Духа не хватало даже на смущение. В ее глазах он был повержен. К влажному лицу Финри прилипли прядки волос. Жаль, что не он. «Я думал, на свете не было и нет ничего прекрасней, чем ты, но теперь ты еще красивее». Смотреть на нее он не осмеливался, и одновременно не осмеливался отвести взгляд. «Ты самая красивая женщина в мире – нет, во всей истории. Нет, ты вообще самое красивое, что было и есть. Убей же меня, убей меня сейчас, сию минуту, чтобы лицо твое было последним, что я вижу».

– Вы... хорошо выглядите, – промямлил он.

Она посмотрела на промокший дорожный плащ, до пояса заляпанный грязью.

– Подозреваю, вы со мной не вполне искренни.

– Да я... Я никогда не притворяюсь.

«Я люблю тебя. Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю...»

– А у вас, Бремер, все хорошо? Могу я называть вас Бремером?

«Да ты можешь каблуками выдавить мне глаза – назови лишь снова меня по имени».

– Конечно, да. Я...

«Болен телом и душой, с уязвленной честью, ненавидящий мир и все в нем, я готов забыть все это, откинуть за ненадобностью, лишь бы ты была рядом».

– У меня все хорошо.

Она протянула руку, и Горст склонился поцеловать ее, как какой-нибудь сельский священник, которому выпала честь прикоснуться к одеянию святого... На пальце у Финри красовалось кольцо с синим сверкающим камешком. Внутри у Горста все оборвалось – так, что не продохнуть; впору рухнуть плашмя. Лишь неимоверным усилием воли он остался стоять.

– Это... – прохрипел он.

– Да, обручальное кольцо.

Могла ли она знать, что ему легче увидеть отрубленную голову, чем...

За привычную улыбку Горст схватился, как утопающий за последний пруттик. Губы шевельнулись, и он расслышал свое сипенье – этот гадкий, невыносимо бабский скрип.

– И кто же этот достойный?

– Полковник Гарод дан Брок.

В голосе нескрываемая гордость, не иначе как от любви.

«Что бы я отдал, лишь бы она так произносила мое имя? Да всё. Хотя что у меня есть, помимо людских насмешек?»

– Гарод дан Брок, – прошептал Горст; имя шелестело песком во рту.

Разумеется, он знал этого человека. Более того, они состояли в дальнем родстве – какие-то там кузены в четвертом колене. А несколько лет назад даже общались, когда Горст служил в страже у его отца, лорда Брока. А потом лорд Брок возымел виды на престол, но у него не получилось, и его изгнали, как изменника. К старшему его сыну король, впрочем, явил милость: лишил обильных земель, звонких титулов, но даровал жизнь. Как Горст жалел, что монарх тогда проявил милосердие!

– Он служит при ставке лорд-губернатора Мида.

– Ах да.

Брок был до тошноты смазлив, с непринужденной улыбкой и манерами победителя. «Ублюдок». О нем хорошо отзывались, даже за глаза, несмотря на постигший его отца позор. «Змей подколодный». Выбил в свет за счет храбрости и добродушия. «Гнусный прелюбодей». Он был всем, чем не был Горст. Стиснув дрожащий кулак, он представил, как этой вот самой рукой вырывает у Гарода дан Брока челюсть.

– Да-да.

– Мы так счастливы.

«Вот и прекрасно. А мне впору покончить с собой». Сожми она в тисках его член, боль и то не была бы столь невыносимой. Неужто этой женщине недостает ума увидеть его мучения? Наверное, какая-то ее часть знает и радуется его унижению. «О, как я люблю тебя. О, как я ненавижу тебя. О, как я хочу тебя».

– Мои поздравления, – выдавил Горст. – Обоим.

– Непременно передам мужу.

– Да.

«Да, да, скажи ему, чтобы он издох, чтобы сгорел, да поскорее». По лицу Горста блуждала нелепая ухмылка, а в горле клокотала желчь вперемешку со рвотой.

– Да.

– Мне пора к отцу. Наверное, скоро увидимся?

«О да. Очень скоро. Нынче же ночью, когда я буду метаться без сна на постели, сжимая член в кольцо из пальцев, представляя, что это твой рот...»

– Надеюсь.

Она уже проходила мимо.

«Для нее это не более чем мимолетная встреча со старым знакомым». Для него же, стоило ей отвернуться, и без того серый день померк, обратившись в ночь. «Меня закидывает землей, погребальный песок струится в рот». Стукнула, захлопнувшись за Финри, входная дверь, а Горст еще долго и недвижимо стоял под дождем. Нестерпимо хотелось рухнуть на колени и плакать, рыдать, реветь по рухнувшим надеждам; кататься в грязи, рвать на себе остатки волос. Хотелось кого-нибудь прирезать, изрубить, забить до смерти, неважно кого. «Может, себя?»

Но вместо этого он только шумно, с жалобным всхлипом сглотнул и побрел, чавкая по грязи, в постепенно сгущающийся сумрак.

В конце концов, ему надлежало доставить послание. Без всякой героики.

Черный Доу

«Тук», – ворота конюшни захлопнулись, как тюкает о плаху топор палача, и Кальдеру потребовалась вся знаменитая надменность, чтобы невзначай не подскочить. Военные совещания никогда не были его сильной стороной, особенно когда на них пруд пруди врагов. Как назло, на этом совете присутствовали трое из пяти боевых вождей Доу, причем, как иной раз с издевкой подстраивает судьба, именно те, кому Кальдер люб менее всего.

Глама Золотой, силач с огромными кулаками и тяжелой челюстью, выглядел героем с головы до пят: мужественный красавец, у которого все – и длинные волосы, и величавые усы, и даже ресницы цвета бледного золота. Что до благородного металла, то его на нем висело больше, чем на невесте в день свадьбы: на бычьей шее кручёное золотое ожерелье, на запястьях браслеты, толстые пальцы унизаны гроздьями перстней, а уж сам Глама – воплощение чванливости и себялюбия.

Кейрм Железноголовый смотрелся совсем по-иному. Лицо в рубцах шрамов являло такую дремучую угрюмость, о которую затупился бы любой топор; гвозди-глаза кололи из-под бровей-наковален; угольно-черные волосы и борода обкорнаны. Гламе он уступал ростом, но никак не обхватом, а был, пожалуй, даже шире – человек-глыба с поблескивающей под медвежьей шкурой кольчугой. Поговаривают, того медведя он удушил своими руками, наверное, тот не так на него посмотрел. Как Железноголовый, так и Золотой не выказывали к Кальдеру ничего кроме презрения, хотя, к счастью и облегчению для всех, друг друга они презирали все равно сильнее, как презирают друг друга день с ночью, и в этой их всепоглощающей междоусобице не оставалось места для ненависти к другим, более мелким противникам.

Что же касается ненависти, то в ее неиссякаемости не было равных Бродду Тенвейзу – гнусному, как инцест, выродку из тех, кому невтерпёж выставить себя напоказ, являясь из тени со зловещим, плотоядным вождением деревенского извращенца, наметившего в жертву пригожую молочницу. Скверный на язык, гнилозубый, мерзко пахнущий, да еще с безобразной сыпью на роже, всем видом он источал безраздельное самодовольство. У отца Кальдера он ходил в неизбывных врагах, дважды бывал им бит на поле брани, стоял перед ним на коленях и лишался всего, чего можно. Но, похоже, теперь, заполучив все обратно, Тенвейз лишь распалился и окончательно озверел, так что с легкостью готов был, невзирая на срок давности, весь избыток желчи выплеснуть уже не на Бетода, а на его сыновей, особенно на Кальдера.

И, наконец, возглавлял это разномастное сборище негодяев самопровозглашенный протектор Севера, Черный Доу собственной персоной. Он непринужденно восседал на троне Скарлинга, одну ногу подогнув под себя, а второй легонько постукивая по полу. На изборожденном морщинами и шрамами лице играла улыбка, но глаза прищурены – ни дать ни взять голодный кот, завидевший голубя. С некоторых пор Доу стал одеваться в изысканное шитье, а на плечи укладывал сверкающую цепь, которую носил когда-то отец Кальдера. Но за всем этим он не мог, да и не хотел скрыть истинной сути. Он как был, так и оставался душегубом, до самых кончиков ушей. Вернее, уха – правого, так как от левого у него осталось считай что одно название.

Словно в довершение к грозному имени и ухмылке, Черный Доу позаботился о том, чтобы его в избытке окружала сталь. С одного бока к трону Скарлинга прислонился длинный меч, с другого – боевой топор в выщербинах от долгого использования, и тот, и другой поблизости от свисающих с подлокотников рук с пальцами убийцы – исцарапанными, припухлыми, со ссадинами на суставах от смертоносной работы.

Возле плеча Доу в полумраке скрывался Треснутая Нога – его второй, главный телохранитель и лизоблюд, следующий за хозяином тенью. Он стоял, сунув большие пальцы за пояс с серебряными бляхами, а за спиной у него маячили двое карлов, поблескивая панцирями, щитами и обнаженными мечами; остальные рассредоточились на равных промежутках вдоль

стен и по обе стороны от двери. Пахло прелым сеном и конским потом, однако куда ощутимей воняло насилием, тяжелым, как смрад болот. И, словно этого недостаточно, чтобы Кальдер наделал в шитые по моде панталоны, над плечом у него торчал еще и Трясучка, привнося в общую атмосферу устрашающий холодок.

– Уж не бравый ли это принц Кальдер? – Доу оглядел вошедшего сверху донизу и снизу доверху, как какой-нибудь котяра оглядывает куст, который собирается пометить. – Добро пожаловать, друг наш, обратно в заваруху, каких еще не видел свет. Ну что, на сей раз будешь делать то, что тебе, язви тебя в душу, велят?

Кальдер отвесил куртуазный поклон.

– Ваш покорнейший слуга.

Он приторно улыбнулся, как будто эти слова не жгли ему губ.

– Господа Золотой, Железноголовый, – он почтительно кивнул каждому. – Отец всегда говорил: нет на всем Севере двух сердец более отважных.

Отец вообще-то говорил ему, что нет на всем Севере двух голов более тупых. Проку от лжи вышло не более, чем от брошенных в колодец денег. Глама с Железноголовым только обменялись неприязненными взглядами. Кальдер ощутил жгучую потребность, чтобы его здесь если не полюбили, то хотя бы не желали ему смерти.

– А где Скейл?

– Твой брат на западе, – ответил Доу, – воюет помаленьку.

Тенвейз, сплюнув сквозь прореху в бурых передних зубах, спросил:

– Так ты знаешь, малый, зачем тебя позвали?

– Ну а как же. Иначе зачем вокруг столько людей с мечами?

Кальдер с надеждой оглядел конюшню, но союзников здесь не наблюдалось. В конце концов взгляд Кальдера остановился на мрачной ухмылке Трясучки – зрелище еще более злое, чем улыбка Доу. Всякий раз, когда перед глазами опять представлялся этот шрам, складывалось впечатление, что он стал еще страшней.

– А как там Кол Ричи?

– Папаша твоей жены в дне ходу к востоку, – сказал Доу. – Собирает войско.

– Я удивлюсь, – хмыкнул Золотой, – если в него уже не загнали любого мальчика, способного поднимать двумя руками меч.

– Что ж, приходится подскребать все, что есть, – рассудил Доу. – Когда дело дойдет до боя, сгодится каждая свободная рука. Может статься, что и твоя.

– Да вы что! – Кальдер хлопнул по рукояти меча. – В таком случае вам придется удерживать меня на привязи! Я дожидаться не могу, когда же мы наконец начнем!

– Да ты хоть из ножен эту свою штуковину когда-нибудь вынимал? – съязвил Тенвейз, вытягивая шею для очередного плевка.

– Всего один раз. Хотел подбрить мохнашку твоей дочери, прежде чем к ней подступиться.

Доу прыснул со смеху. Гоготнул Золотой, Железноголовый едва заметно усмехнулся. Тенвейз поперхнулся плевком, слюна мутной струйкой потекла по подбородку. Но Кальдер не обращал внимания: надо во что бы то ни стало завоевать расположение тех, кто еще не окончательно превратился во врага; перетянуть на свою сторону хотя бы одного из этих закоснелых негодяев.

– Мне б такое на ум не взбрело, – Доу одобрительно крякнул, отирая пальцем глаз. – Честно сказать, мне тебя не хватало, Кальдер.

– Мне тебя тоже. Да я бы лучше навозом заведовал в конюшне, чем сидел и миловался в Карлеоне с женой. Ну, так чем займемся?

– Ты знаешь, – Доу большим и указательным пальцем крутил меч, серебряная метка у рукояти поблескивала. – Войной. Вылазка здесь, стычка там. Одни отрезают отставших, другие

пускают красного петуха по деревенькам. Словом, война. Брат у тебя бьет быстро, рубит с налету, южане и почесаться не успевают. Полезный, надо сказать, человек, этот твой брат. С жалом.

– Стыдно, что папаша твой расстарался лишь на одного сына, – поддел Тенвейз.

– Блажи, старый, блажи, – не остался в долгу Кальдер, – только смотри, весь на блажь не издрочись. А то обвиснешь к вечеру сморчком, как твой хер.

Тенвейз заерепенился, но Доу жестом велел ему умолкнуть.

– Ладно, хватит херами мериться. Нам войну воевать.

– И много ли на сегодня побед?

В ответ короткая нелегкая пауза.

– Битвы пока не было, – буркнул Железноголовый.

– Этот Крой, – в тон ему бросил через конюшню Золотой, – который заправляет войском Союза.

– Маршал, так его называют.

– Да хоть как его называй, а мерзавец он осторожный.

– Трус сраный, при каждом шаге оглядывается, – проворчал Тенвейз.

– В осторожности ничего трусливого нет, – пожал плечами Доу. – Я бы при их численности, правда, действовал иначе, но...

Он вновь ухмыльнулся Кальдеру.

– Как говаривал твой отец, в войне учет идет лишь победам. Об остальном слагают песни дураки. Так что Крой действует неторопливо, надеясь истощить наше терпение. Знает, что нам, северянам, оно по большому счету не свойственно. Армию свою он разбил на три части.

– Три ба-альшие части, черт бы меня побрал, – вставил Железноголовый.

Золотой впервые не стал возражать:

– Тыщ по десять мечей в каждой, и это не считая обозников с возницами.

Доу подался вперед, как дед, поучающий внука тонкостям рыбалки:

– Челенгорм у них к западу. Храбрый, но вялый и на промахи горазд. По центру Миттерик. Самый, пожалуй, из них толковый, но склонный к безрассудству. Я слышал, любит лошадей. На востоке Мид. Солдатом его не назовешь, и северяне ему по нраву, как свинье мясник. А это чревато потерей чутья. Есть у Кроя и кое-кто из северян, в основном дозоры, но и бойцы среди них тоже встречаются, да к тому же недюжинные.

– Люди Ищейки, – уточнил Кальдер.

– Подлый изменник, – процедил Тенвейз, готовясь сплюнуть.

– Изменник? – Доу на троне Скарлинга болезненно дернулся, сжав подлокотники до белизны в суставах. – Ты старый, паршивый тупой козел! Да он единственный человек на Севере, который никогда не переметывался со стороны на сторону!

Тенвейз медленно сглотнул готовый к запуску плевок и отстранился в тень.

Доу обмяк.

– Позор лишь в том, что сторона эта не та. Только и всего.

– Ну так что, скоро нам выходить, – рассудил Золотой. – Мид, может, и не солдат, но Олленсанд-то у него в осаде. Стены у города хорошие, только неизвестно, как долго они...

– Осаду Мид снял вчера вечером, – сказал Доу. – Он направляется обратно к северу, а вместе с ним и почти вся свора Ищейки.

– Вчера? – Золотой нахмурился. – А откуда ты...

– У меня свои способы.

– А я что-то не слышал.

– Вот потому я и отдаю приказы, а ты их выполняешь.

Железноголовый млел, видя, как срезали соперника.

– Мид повернул обратно на север, да к тому же в заметной спешке. Мне думается, он хочет сомкнуться с Миттериком.

– С чего бы вдруг? – спросил Кальдер.

– Такая неуклонная осмотрительность все эти месяцы, и вдруг решение рвануть с места?

– Может, осторожность их утомила. Или тех, кто принимает у них решения. Во всяком случае, они идут.

– Что, в общем-то, может дать нам возможность застать их врасплох, – глаза Железноголового вспыхнули, как у проголодавшегося при виде жаркого на вертеле.

– Если они ищут битвы, – рассудил Доу, – грех им ее не дать. У нас кто-то есть на Героях?

– Кернден Зобатый со своей дюжиной, – подсказал Треснутая Нога.

– Народ надежный, – пробормотал Кальдер.

Лучше быть на Героях с Кернденом Зобатым, чем среди этих мерзавцев. Сил негусто, зато хоть поржать можно вволю.

– Час-другой тому получил от него весточку, – поделился Железноголовый. – Его люди наткнулись на дозор Ищейки и выпроводили их с холма.

Доу какое-то время глядел себе под ноги, потирая губы кончиком пальца.

– Трясучка?

– Да, вождь? – раздался свистящий шепот.

– Скачи к Героям, передай Зобатому, что холм мне нужен. Пускай держат. А то, неровен час, какие-нибудь собаки от Союза вздумают прибрать его к рукам. А чтобы не попасть к ним в лапы, переправься, наверно, через реку у Осрунга.

– Удобное место для битвы, – высказался Тенвейз.

Трясучка колебался – Кальдер уловил: роль мальчика на побегушках Трясучке не вполне по нраву. Он бросил на него взгляд – мельком, напомнить о сказанном недавно в закутке коридора; полить, так сказать, водицей посеянные семена.

– Ваше слово, вождь, – и Трясучка выскользнул за дверь.

В свою очередь зябко поежился Золотой.

– У меня от него прямо мурашки по коже.

Доу на это лишь шире осклабился:

– А ему только того и надо. Железноголовый?

– Да, вождь?

– Поедешь с войском во главе, вниз по Йоузской дороге. Острием копья.

– В Йоузе мы будем завтра к вечеру.

– Надо живее.

Железноголовый нахмурился, а Золотой, соответственно, разулыбался. Впечатление такое, будто они сидели на весах или качелях: нельзя смахнуть одного, не взметнув при этом другого.

– Золотой, а ты отправляешься по Броттунской дороге и соединяешься с Ричи. Сомкнете с ним ряды, как только он закончит возиться со своей вербовкой. Иногда старику приходится давать шпоры.

– Слушаюсь, вождь.

– Тенвейз, готовь фуражиров, а заодно и людей к выходу. Будешь со мной в арьергарде.

– Слушаюсь.

– Все маршируйте со своими молодцами споро, но ухо чтоб держать востро. Будьте готовы дать южанам встряску, но только чтоб не наоборот. – Доу еще раз ощерил в улыбке зубы. – Если у вас клинки еще не заточены, сейчас, думаю, сделать это самое время.

– Эйе! Да! – хором грянули трое вождей-северян, состязаясь меж собой в нарочитой кровожадности.

– Н-да. Тогда и я «эйе», – присоединился и Кальдер, сопроводив возглас глумливой усмешкой.

Мечом он столь филигранно, быть может, и не владел, зато по части ухмылок на Севере с ним мало кто мог потягаться. На этот раз, впрочем, ухмылка прошла досадно незамеченной. Треснутая Нога, наклонившись, прошептал что-то Доу на ухо.

Протектор Севера откинулся на троне, заметно посмурнев.

– Ну так просите, черт вас дерит!

Двери тяжело открылись; со вздохом влетел ветер, вороша клочки соломы на полу конюшни. Кальдер вгляделся в густеющий вечер, дивясь причуде изменчивого в этот час света: ему показалось, что фигура заслоняет дверной проем едва ли не до стропил. Вот она, чуть нагнувшись, сделала шаг, вот опять выпрямилась в полный рост. Получилось поистине грандиозно, тем более что при ее появлении воцарилась тишина; лишь пол гудел под поступью. А впрочем, отчего не быть грандиозным, если ты размером со скалу.

– Я Стук Врасплох, – объявил вошедший.

Это имя Кальдер знал. Стук Врасплох называл себя вождем Сотни Племен; всё, что к востоку от Кринны, считал своей землей, а всех живущих на ней – своей собственностью. Кальдер слышал, что этот вождь якобы гигант, но всерьез к досужим слухам не относился. Север и так полон дутыми авторитетами с надутым самомнением и еще более раздутой репутацией. На поверку они, как правило, оказывались не в пример меньше своего имени. А вот этот действительно производил впечатление, более резкое в силу внезапности. Слово «гигант» применительно к Стуку Врасплоху вызывало образ великана, неведомо как перешагнувшего из эпохи героев в нынешний суетный век. Великан вздымался над Доу и его именитыми вождями, уходя бородатой, с проседью головой куда-то под стропила. Глама Золотой рядом с ним казался не более чем напыщенным карликом, а Треснутая Нога со своими карлами – набором оловянных солдатиков.

– Мертвые, – пробормотал Кальдер, – вот это здоровяк.

Кстати сказать, Черный Доу при виде гиганта не выказал никаких чувств, а уж тем более благоговейного трепета. Он непринужденно развалился на троне Скарлинга, ногой все так же притопывая по соломе, а руки свесив с подлокотников. Рот по-прежнему щерился волчьим оскалом.

– А я все ждал, когда же у меня... послышится твой стук. И не думал даже, что ты в эдакую даль заявишься самолично.

– Альянс надлежит скреплять лицом к лицу, мужчине с мужчиной, булат к булату, кровью к крови.

Вопреки ожиданию, вместо сказочного рыка фольклорных чудищ великан изрекал слова негромким и даже не очень низким голосом, с медлительной раздумчивостью.

– Лицом к лицу, говоришь? – переспросил Доу. – Кровью? Изволь, я готов. Ну что, по рукам?

– По рукам.

Стук степенным движением поднес массивную длань ко рту и надкусил кожу между большим и указательным пальцами, после чего поднял ее на обозрение; на месте укуса проступила кровь. Доу в ответ провел ладонью по мечу, обагряв его. Порывисто поднявшись с трона Скарлинга, он сунул руку в лапищу великану. Какое-то время они стояли, и кровь стекала по предплечьям. У Кальдера эта сцена пресловутой мужественности не вызывала ничего, кроме безразличного презрения и легкой опаски.

– Ты поступил верно, – расцепившись с великаном, Доу неторопливо возвратился на трон; на руке оставался кровавый отпечаток чужой ладони. – Теперь ты, думаю, можешь привести сюда через Кринну своих людей.

– Я их уже привел.

Золотой с Железноголовым переглянулись, очевидно, не в восторге при мысли о варварах, валом валящих через Кринну, а то и, страшно сказать, через их собственные земли.

– В самом деле? – сощурился Доу.

– По эту сторону вод они могут биться с южанами!

Стук обвел непроницаемо черными глазами конюшню, а заодно всех, кто в ней находится.

– Я пришел сюда биться! – рявкнул он так, что эхом отозвалось от крыши.

Он топнул, и тяжелой волной прокатилась его ярость – сжались кулачищи, вздулась грудь и вздыбились невероятные, поистине чудовищные в эту секунду плечи.

Кальдер невольно задумался, как и чем можно совладать с подобным исчадием. Каково вообще остановить такого выродка на всем ходу? Тут одним весом может расплющить. А каким оружием его сразить? Собравшиеся наверняка прикидывали примерно то же самое, и, судя по всему, утешительный вывод не напрашивался никому.

Кроме Черного Доу.

– Вот и славно. Этого я от тебя и хочу.

– Я хочу биться с Союзом!

– Места хватит с лихвой.

– Я хочу схлестнуться с Жужелом из Блая!

– Этого обещать не могу. Он на нашей стороне, да к тому же немного не от мира сего.

Хотя могу попросить выйти против тебя на турнире.

– Хочу сразиться с Девятипалым!

У Кальдера зашевелились волосы. Носителя этого имени восемь лет как нет на свете, а при одном его упоминании даже это сборище головорезов почтительно склоняет головы.

Доу больше не щерился.

– Ты упустил возможность. Девятипалый давно ушел в грязь.

– Я слышал, он жив и стоит за Союз.

– Ты ослышался.

– Я слышал, что он жив, и хочу его прикончить.

– Не знаю, получится ли это теперь.

– Я величайший из воинов в Земном круге.

Стук сказал это без всякого фанфаронства, как сделал бы, скажем, Глама Золотой. И без угрозы, как это вышло бы у Кейрма Железноголового с его сжатыми кулаками и пронизывающим взглядом. Он просто утверждал истину.

Доу рассеянно почесал шрам на месте уха.

– Это Север, – сказал он. – Суровых воинов здесь пруд пруди. Парочка присутствует здесь. Так что заявление достаточно смелое.

Стук распахнул необъятный, подбитый мехом плащ и стряхнул его с плеч, оголившись до пояса, как готовый к состязанию борец. На Севере шрамы столь же популярны, сколь и клинки. Каждому, считающему себя мужчиной, желательно иметь по паре и тех, и других. На громадном, перетянута жилами теле Стука, напоминающем старую дубовую колоду, живого места не было. Он был испещрен, истыкан, издолблен всевозможными шрамами, которых хватило бы для бахвальства целой когорте прославленных бойцов.

– Под Йевеальдом я сражался с Псовым племенем, меня пронзило семь стрел, – похожим на палицу указательным пальцем он провел по розоватым вмятинам, разбросанным по ребрам. – Но я продолжал биться и навалил из их тел целую гору, и присвоил их землю, заодно с женщинами и детьми.

Доу вздохнул, как будто полуголый гигант торчал у него на совещаниях настолько бесшумно, что успел утомить.

– Может, пора подумать о щите?

– Щиты? Они для трусов, что за ними прячутся. Раны – свидетельство силы.

Великан ткнул большим пальцем в звездообразный шрам на плече, заходящий на спину; левая рука, пестрая, как дубовая кора, бугрилась комьями и наплывами.

– Страшная ведьма Фаниан окатила меня жидким огнем, а я прямо так, пока горело, оттащил ее к озеру и утопил.

– Наверно, вначале надо было все же потушить огонь, – прозорливо заметил Доу.

Стук пожал плечами, отчего ожог пошел бороздами, как вспаханное поле.

– Оно унялось как раз когда она умерла.

Он указал на рваную отметину, лысой полосой рассекающую кожу на волосатой груди; один сосок начисто отсутствовал.

– Братья Смирту и Веорк вызвали меня на поединок. Они сказали, что поскольку росли вместе в одной утробе, то их следует считать одним человеком.

– И ты на это повелся? – фыркнул Доу.

– Я не ишу причин не сражаться. Смирту я разрубил надвое топором, а череп его брата раздавил вот этой вот рукой.

Он медленно сомкнул кулачище, добела сжав пальцы, гигантская мышца на руке вздулась.

– Нелицеприятное зрелище, – сказал Доу.

– В моей стране нелицеприятные сцены смерти у мужчин в чести.

– Сказать по правде, здесь то же самое. Более того, любой, кого я называю врагом, достоин гибели от твоих рук в любую минуту. Тот же, кого я считаю другом... Ты уж дай мне знать, прежде чем удостоить его нелицеприятной смерти. Скажем, мне бы очень не хотелось, чтобы ты по случайности прибил принца Кальдера.

Стук огляделся.

– Это ты Кальдер?

– Я, – отозвался Кальдер, подавив невольный порыв сказать, что это не он.

– Второй сын Бетода?

– Он самый.

Великан, мотнув космами, медленно кивнул чудовищной головой.

– Бетод был великий человек.

– Великий тем, что заставлял других людей сражаться за себя, – Тенвейз, всосав воздух сквозь гнилые зубы, в очередной раз сплюнул. – А сам боец был, можно сказать, неважнецкий.

Голос великана неожиданно смягчился.

– И почему все по эту сторону Кринны столь кровожадны? – спросил он с кроткой задумчивостью. – Ведь жизнь – не одна лишь борьба.

Нагнувшись, он двумя пальцами подхватил с пола плащ.

– Я буду в условленном месте, Черный Доу. Если только... Никто из сих человечков не желает сразиться?

Золотой, Железноголовый и Тенвейз все как один принялись разглядывать самые дальние закутки конюшни. Кальдер, не в пример им, преодолел мучительный страх и с улыбкой встретил взгляд великана.

– Я бы, может, и сразился, но у меня правило: никогда не обнажаться, даже наполовину, если только рядом не присутствует женщина. Что, конечно же, стыд и позор, ведь у меня с задней стороны есть что-то вроде шрама, это, пожалуй, всех бы впечатлило.

– О нет, с тобою, сын Бетода, я сражаться не могу, – великан, прежде чем отвернуться, искушенно ухмыльнулся. – Ты создан для другого.

Кинув плащ на исполосованное шрамами плечо, он пригнулся и шагнул под высокую притолоку; карлы отворили створки дверей, и те хлопнули от поднятого Стуком порыва ветра.

– А что, ничего себе молодец, – с улыбкой сказал Кальдер. – Весьма мило с его стороны, что не вздумал показывать шрамы еще и на своем хере.

– Проклятушие варвары! – прошипел Тенвейз, что в его устах было не особо и ругательно.

– Подумать только, величайший воин в мире, – спесиво хмыкнул Золотой.

Хотя когда великан стоял рядом, спеси в нем что-то не чувствовалось.

Доу задумчиво поскреб щеку.

– Мертвые знают, политик из меня не ахти какой, но союзников, как известно, надо брать, пока дают. А верзила таких размеров остановит преогромную тучу стрел.

Тенвейз с Золотым расплылись в угодливых улыбках, а Кальдер углядел здесь и более глубокий смысл.

– Ну что, задача ясна? Так давайте, приступайте.

Железноголовый с Золотым на выходе смерили друг друга враждебными взглядами. Тенвейз сплюнул Кальдеру под ноги, но тот в ответ только усмехнулся, дав себе зарок, что смеяться будет последним, когда поганый старый негодяй рано или поздно обмишурится. Доу стоял, глядя, как закрываются двери, со среднего пальца на пол по-прежнему капала кровь.

– Распри, распри, ох уж эти чертовы распри, – сказал он со вздохом. – Почему никто не может меж собой ладить, уживаться мирно? А, Кальдер?

– Отец в свое время говорил: отправь троих северян в одну сторону, и они кинутся друг дружку резать прежде, чем ты скажешь, кто за кем идет.

– Хм! Умен был, сволочь, этот Бетод, что бы про него ни говорили. А вот войну, начав, остановить не смог. – Доу пошевелил измазанными в чужой крови пальцами. – Когда руки испачканы кровью, отмыть их нелегко. Это мне Ищейка однажды сказал. А руки у меня в крови, сколько себя помню.

Кальдер с опаской прищурился, но оказывается, это всего лишь Треснутая Нога бросил из темноты платок Доу; тот, подхватив, взялся обматывать порезанную руку.

– Небось, поздновато отмываться?

– Все одно кровь еще лить да лить, – отмахнулся Треснутая Нога.

– Пожалуй, что так.

Доу забрел в пустое стойло и, задрав голову, сладостно закатил глаза. Кальдер услышал, как солону орошает моча.

– Ну... так... вот.

Если они хотели, чтобы он почувствовал свою незначительность, то им это удалось. Кальдер не исключал возможности, что его убьют. Но, похоже, им все равно, и это уязвляло гордость.

– Есть ли какие-то указания лично мне? – осведомился он.

– Тебе? – Доу обернулся через плечо. – А на кой? Ты все равно ими или подотрешь или пропустишь мимо ушей.

Возможно, и так.

– Тогда зачем за мной посылали?

– Да вот братец твой все уши прожужжал, что ум у тебя самый приткий на всем Севере. А мне уже тошно слушать, как он говорит, что не может без тебя.

– Я слышал, Скейл где-то возле Устреда?

– В двух днях верхом. И едва я узнал, что Союз пришел в движение, тут же послал за ним, чтобы он шел на сближение с нами.

– Тогда во мне толку особого нет.

– Я бы так не сказал... – струйка притихла, – ну чего ты, черт тебя дерит? – и возобновилась снова.

Кальдер скрежетнул зубами.

– Может, наведаюсь к Ричи. Посмотрю, как у него там с набором.

«А может, если получится, и уговорю его помочь мне протянуть хотя бы этот месяц».

– Ты же свободен, как птица?

Ответ был известен им обоим. Свободен, как голубь, ощипанный и нанизанный на вертел.

– Все как при твоём отце, право. Всяк волен делать все, что ему заблагорассудится.

Верно, Нога?

– Верно, вождь.

– Волен-то волен, но только так, как я ему, собаке, укажу!

Карлы Доу заржали, будто услышали необычайно удачную шутку.

– Передашь Ричи от меня привет.

– Непременно, – Кальдер повернулся к дверям.

– Слышь, Кальдер! – окликнул Доу, стряхивая капельки. – Смотри только, не наделай мне делов.

– Каких делов? Что-то не соображу.

– А таких. А то с одной стороны южане, которых надо бить, да еще всякие там выродки вроде Жужела из Блая. А тут еще это его хренейшество Стук-Перестук, штырь бы ему в дышло... Да еще мои люди друг дружке дорогу переходят... Словом, не жизнь, а сплошная заноза в заднице. Терпеть не могу, когда кто-то тайком, за спиной, плетет что-то свое. Пытается под меня копать, да еще в такое время... Так что смотри, если что, башки тебе к херам не сносить!

Последнее он проорал, выпучив глаза. Ни с того ни с сего в нем полыхнула ярость; жилы на шее вздулись. Все настороженно притихли. А Доу, выпустив пар, опять сделался безмятежным, аки агнец.

– Понял меня?

Кальдер сглотнул, пытаясь не выдать страха.

– Суть уяснил.

– Ну вот и славно. – Доу зашнуровал гульфик и ощерился, как лиса при виде незакрытого курятника. – А то ужас как не хотелось бы трогать твою жену. Она ж такая красотуля. Хотя, понятно, и не такая, как ты.

Молчаливую ярость Кальдер скрыл за очередной усмешкой.

– Оно понятно, куда ей до меня.

Он прошел между скалящимися карлами и вышел под вечернее небо, неотвязно думая, как бы вернее поквитаться с Черным Доу и вернуть похищенное у отца.

Что за война?

– Красиво, правда? – спросил Агрик с улыбкой во все веснушчатое лицо.

– Ничего, – рассеянно буркнул Зобатый.

Он раздумывал, как использовать это место и как бы его мог использовать враг. Старая привычка – еще со времен Бетода, когда они вели кампании и рассуждали о земле. И о том, как превратить ее в оружие.

Ценность холма, на котором стояли Герои, дураку понятна. Он грибом выросал над плоской долиной – одинокий и странно гладкий, будто рукотворный. От него шпорами ответвлялись два выступа – один на запад, с иглой из камня на конце, получившей название Палец Скарлинга, а другой на юго-восток, с кольцом более мелких камней на макушке, известных как Детки. По мелкому дну долины петляла река. На западе она огибала золото ячменных полей и терялась в зеркальных блюдах болот, а далее текла под рассыпающимся мостом, за которым сейчас приглядывал Скорри Легкоступ – мостом, с редкостной неизобретательностью названным Старым. Вода, серебристо посверкивая на галечных отмелях, с журчанием омывала подножие холма. Где-то там, среди чахлой осоки и плавника, удил сейчас рыбу, а скорей всего, клевал носом, Брек.

По другую сторону реки, к югу, поднималась Черная пустошь – мешанина желтой травы и бурого папоротника, с каменистыми осыпями и оврагами, по дну которых белой кипенью бежали родники. Восточнее над рекой стоял Осрунг – кучка домишек около моста и большая мельница, в окружении высокого частокола. Столбики дыма из труб уходили в синеву неба, а оттуда в никуда. Все как обычно, ничего примечательного, и никаких следов ни Союза, ни Черствого, ни кого-то от Ищейки. Трудно поверить, что идет война.

Хотя, исходя из опыта, которого у Зобатого было хоть отбавляй, война почти полностью состоит из тоски и скуки – обычно в холоде и сырости, голоде и хвори. И из ужаса, да такого, что обосраться можно. А ведь надо еще таскать на себе доспехи и навешанный на них металл. И донимало немое изумление, как его угораздило врать в это черное дело да так из него, черт возьми, и не вырасти. Быть может, это талант, или же отсутствие таланта к чему-то другому. Или его подхватило и унесло ветром, который возьми да занеси его сюда. Зобатый уставился вверх, где в глубокой синеве неба плыли клочковатые облака, а с ними воспоминания: одно, другое.

– Красота-то какая, – еще раз мечтательно вздохнул Агрик.

– Под солнышком все смотрится красивей, – сказал Зобатый. – А был бы сейчас дождь, так ты бы назвал эту лощину самой поганой дырой на свете.

– Может быть, – Агрик, блаженно прикрыв глаза, подставил лицо солнцу, – но ведь дождя нет.

Это правда, причем необязательно радостная. У Зобатого была давняя пагубная склонность сгорать на солнце, так что весь вчерашний день он как по часам смещался вместе с тенью вокруг самого рослого Героя. Сильнее жары Зобатый недолюбливал только холод.

– Эх, не знаю, что отдал бы за крышу, – вздыхал он. – Чертовски доброе приспособление прятаться от погоды.

– А мне так и дождь, если в меру, нипочем, – сказал Агрик.

– Это ты еще молод. Вот поживешь с мое – тогда узнаешь, каково в таком возрасте сутками торчать под открытым небом, в погоду и непогоду.

Агрик пожал плечами:

– К той поре, вождь, я все же рассчитываю обзавестись крышей.

– Правильно мыслишь, – проворчал Зобатый, – хотя соплив еще мне перечить.

Он достал побитый окуляр, которым разжился у мертвого офицера Союза, найденного замерзшим среди зимы, и опять уставился в сторону Старого моста. Ничего. Проверил отдели – ничего. А вот на дороге в Олленсанд вроде как вспархивает какое-то пятнышко – оказалось, мошка по ту сторону стеклышка, так что оснований бить тревогу нет.

– Что ж, в хорошую погоду хоть местность просматривается лучше.

– А мы Союз высматриваем? Да эти негодяи и на дохлую лошадь не всползут. Напрасно беспокоишься, вождь.

– Кому-то ж надо.

Хотя в словах Агрика был определенный смысл. Беспокоиться чересчур или не беспокоиться вовсе – две стороны одной монеты, но Зоба почему-то всегда клонило именно к первому, то есть к чрезмерному волнению. Поэтому при всяком движении он дергался и норовил призвать к оружию: было ли то кружение птиц в небе; овцы, пасущиеся на пустынных склонах; крестьянские повозки, ползущие по проселочным дорогам. Недавно Весельчак Йон с Атроком затеяли упражняться на топорах – так от внезапного лязга металла Зобатый чуть не опростался в штаны. Да, оно так: беспокойство избыточное. Стыд в том, что в сердце его никак не унять.

– Зачем мы здесь, Агрик?

– Мы, здесь? Ну как. Ты же знаешь. Сидеть на Героях, смотреть, не появится ли Союз, а если появится, сообщить Черному Доу. Дозор, разведка, как всегда.

– Это мне известно. Я же сам тебя в этом наставлял. А ты скажи, зачем мы здесь?

– Как бы смысл жизни и все такое?

– Да нет же, нет! – Зобатый хватал руками воздух, как будто никак не мог уцепиться за истинный смысл слов. – Почему мы здесь?

Агрик, наморщив лоб, мучительно соображал.

– Ну это... Девять Смертей убил Бетода и взял его цепь, и сделался как бы королем Севера.

– Верно.

Тот день отчетливо помнился Зобатому: труп Бетода, простертый в луже крови; толпа, ревущая имя Деятипалого... Несмотря на солнце, его пробрал озноб.

– И?

– Черный Доу пошел тогда на Девять Смертей и забрал цепь себе.

Агрик спохватился, что говорит крамолу, и завилал:

– Ну а как же иначе. Кто бы стерпел такого отъявленного сумасброда, как Деятипалый, над собой королем? Однако Ищейка назвал Доу изменником и клятвопреступником, а большинство кланов к югу от Уфриса склонились на его сторону. А короля Союза, видите ли, связывали с Деятипалым узы дружбы по каким-то там безумным походам. Вот и вышло, что Ищейка и Союз решили пойти на Черного Доу войной, и вот мы все здесь.

Агрик откинулся на локти, прикрыв глаза, довольный собой.

– Какое четкое понимание интриги текущего противостояния.

– Спасибо, вождь.

– А именно, как завязалась распря между Черным Доу и Ищейкой, и почему Союз встал на сторону Ищейки. Хотя дело скорее в том, кто чем владеет, нежели кто у кого ходит в друзьях.

– Ну да. Вот ты и здесь.

– Но почему здесь мы?

Агрик снова, насупившись, сел. Тукнул по дереву металл: это брат сделал выпад на щит Йона и тут же поплатился за опрометчивость.

– Я ж сказал: бери вбок, дурачина! – сурово поучал Йон.

– Ну, это... – мучился Агрик. – Наверно, мы стоим за Доу, потому что Доу, каким бы лиходеем ни был, тоже стоит за Север.

– Да? А что такое, по-твоему, Север? – Зобатый похлопал по земле. – Леса, холмы и реки – за них он, что ли, стоит? Зачем он тогда заманивает неприятеля, чтоб тот их сжигал, загаживал, вытаптывал?

– Ну, я в смысле, не только земля. Главное – здешний народ, я его имею в виду. Ты же понимаешь: Север.

– Народ, говоришь? А сколько племен и кланов, самых разных, здесь обитает? Многим из них на Черного Доу решительно наплевать, а уж ему на них – тем более. Народ как жил, так и живет лицом к земле, лишь бы ему дали спокойно свои крохи с наделов собирать.

– Эйе. В смысле, ну да.

– Так как Черный Доу может стоять разом за всех?

– Ну, – Агрик поерзал, – не знаю. Наверно, оно...

Он косился вниз на долину и не заметил, как сзади подошла Чудесница.

– Тогда почему мы вообще здесь?

От подзатыльника, крепкого и внезапного, он аж хрюкнул.

– Сидеть на Героях, балбес, – пояснила Чудесница, – смотреть, не явится ли Союз. Дозором, разведкой, как всегда, болван. Что за дурацкий вопрос.

Агрик обиженно мотнул головой.

– Всё! Теперь из меня слова не вытянете.

– Обещаешь? – еще и переспросила Чудесница.

– И зачем мы вообще здесь... – бормотал себе под нос Агрик.

Потирая затылок, он пошел взглянуть, как упражняются Йон с Атроком.

– Лично я знаю, зачем здесь я, – медленно воздев длинный указательный палец, произнес из лежачего положения Жужело.

В зубах у него в такт словам колыхалась травинка. Казалось, он спит, лежа на спине, под головой вместо подушки уместив меч. Хотя Жужело на вид спал всегда, а на самом деле, как выяснялось, неизменно бодрствовал.

– Потому что Шоглиг сказала: человек с застрявшей в горле костью...

– Выведет тебя к твоей судьбе, – закончила за него Чудесница. – Слышали уже, сколько можно?

– Мало мне заботы о восьмерых жизнях, – с досадой вздохнул Зобатый, – так нет же, обязательно нужно, чтоб на шею давила еще и судьба безумца.

Жужело успел сесть и сдвинуть капюшон.

– Возражаю. Я ни в коей мере не безумец. А просто... вижу вещи на свой лад.

– Безумный лад, – не преминула кольнуть Чудесница.

Жужело тем временем встал, отряхнул зад покрытых немислимыми пятнами штанов и взвалил меч в ножнах на плечо. Меланхолично перемялся с ноги на ногу и, почесывая в гильфике, сказал:

– Не мешает поморосить. Лично вы на моем месте оросили бы реку или дали струю по тем величавым камням?

Зобатый призадумался.

– Лучше реку. А то на те камни струю как-то... непочтительно.

– Думаете, боги бдят?

– Откуда тебе знать.

– И то верно, – Жужело, переместив травинку из одного угла рта в другой, пошел спускаться с холма. – В реку так в реку. Заодно, может, пособлю Бреку с рыбалкой. Шоглиг, бывало, одними причетами выкликала рыбу из воды. Я так и не уловил, в чем там фокус.

– Ты лучше рыбе своим лесорезом головы секи! – крикнула вслед Чудесница.

– Так, наверное, и поступлю, – Жужело, не оборачиваясь, устроил на шее Отец Мечей, от рукояти до кончика в средний рост человека. – Давно я что-то им никого не сек.

Неплохо, если бы сеча не состоялась вовсе. Оставить долину такой, как есть, без мертвых тел, было пределом мечтаний Зобатого, по крайней мере сейчас. Если вдуматься, странноватая мечта для бывшего солдата. Они с Чудесницей молча стояли бок о бок. А позади лязгала и вжикала сталь: Йон отмахивался от Атрока, кидая его наземь с подзуживанием:

– Да ты хоть чуток кисть напрягай, а то лезешь как без стояка на бабу!

На Зобатого вдруг нахлынула ностальгия. Последнее время такое отчего-то случалось с ним все чаще и чаще.

– Кольвен любила, когда солнышко светит.

– Да неужто? – Чудесница изогнула бровь.

– Всегда надо мной подтрунивала, что я прячусь в теньке.

– И что?

– Надо было на ней жениться, – пробормотал он.

– Ну надо так надо. Чего ж не женился?

– Так ведь ты ж не велела, кроме всего прочего.

– Да и верно. Ох, бойка была на язык. Хотя на тебя и мой не сказать чтобы действует.

– Это ты к месту. Видно, струхнул тогда руки у нее просить.

Да нет, не струхнул. А просто не терпелось поскорей в путь-дорогу, завоевывать доблесть и славу. Сложно представить, чтобы в те годы кто-то этим не грезил.

– Сам толком не знал, чего мне хочется. Понимал лишь, чего не имею, но смогу добыть мечом.

– Думаешь о ней иногда? – спросила Чудесница.

– Да не сказать чтоб часто.

– Ври давай.

Зобатый разулыбался: вот ведь ведьма, знает его как облупленного.

– Считаю, наполовину. Так, иной раз мысль мелькнет. А сам уж и лица-то ее толком не помню. Хотя думается иной раз, как бы жизнь обернулась, если б я вместо этой дорожки выбрал ту.

Сидел бы себе на завалинке с трубочкой да шурился улыбочиво на солнце, что уходит за воду. Он вздохнул.

– А впрочем, как видишь, выбор сделан. Как там, интересно, твой муженек?

Чудесница протяжно вздохнула.

– Да наверно, готовится урожай собирать. Дети ему в помощь.

– Жалеешь, что не с ними?

– Иногда.

– Врешь поди. Сколько раз в этом году их навещала? Два, кажется?

Чудесница, сдвинув брови, оглядывала безмолвную долину.

– Бываю, когда могу. Они это знают. Я для них не загадка – видят насквозь.

– И по-прежнему с тобой мирятся?

Она пожала плечами:

– Так ведь выбор сделан.

– Вождь! – с той стороны холма спешил Агрик. – Дрофд вернулся! Да не один.

– Во как! – Зобатый поморщился, по нечаянности дав лишнюю нагрузку на колено. – И кого это он притащил?

Вид у подчиненного был такой, будто он сел на репейник.

– По обличию вроде как Трясучка.

– Трясучка? – рывком обернувшись, рыкнул Йон.

Распаленный Атрок воспользовался случаем и коленом заехал ему по самым орехам.

– А-у-у-у, гад ползучий... – выпучив глаза, задыхающимся голосом выдавил Йон.

При иных обстоятельствах все бы расхохотались, однако само упоминание Трясучки сводило веселье на нет. Зобатый пошел через травянистый пятак, втайне надеясь, что Агрик ошибся, хотя это вряд ли. Надежды у Зобатого имели обыкновение умирать в корчах; что же до Трясучки, такую образину ни с кем не спутаешь. Он взбирался на Героев по крутой тропке с северной стороны холма. Зобатый наблюдал за ним неотрывно, как пастух за приближением грозовой тучи.

– Вот черт, – буркнула Чудесница.

– Точно, черт, – согласился Зобатый.

Трясучка оставил Дрофда смотреть за лошадьми у древней стены и остаток пути проделал пешком. Взобравшись, он оглядел Зобатого, Чудесницу, прихватил взглядом Весельчака Йона. Здоровая половина лица у Трясучки отекала; на левой, изуродованной чудовищным ожогом, выделялся неуязвимый металлический глаз. Более зловещего типа трудно себе и представить.

– Зобатый, – прохрипел он.

– Трясучка. Чего тебя сюда принесло?

– Доу послал.

– Это я понял. Вопрос, зачем.

– Передать, чтобы ты держал этот холм и смотрел за Союзом.

– Это он мне уже говорил, – вышло несколько резче, чем Зобатый рассчитывал. – Тебя-то зачем посылать?

– Проверить, как ты справляешься, – пожал плечами Трясучка.

– Что ж, спасибо за заботу.

– Благодарю Доу.

– Непременно.

– Ему это понравится. Союз уже видел?

– Только Черствого, он сидел здесь четыре дня назад.

– Знаю я этого старого хрена. Упрямый. Может и вернуться.

– Если надумает, то через реку, насколько я знаю, лишь три переправы.

Зобатый указал поочередно:

– Вон там, к западу, у болот, Старый мост, потом еще новый возле Осрунга, и еще здесь внизу, по отмелям у холма. Мы за всеми приглядываем, и долина отсюда как на ладони. Овцу, если вздумает переправиться, и то можно разглядеть.

– Насчет овечек Черного Доу беспокоить, думаю, не надо. – Трясучка навис над ним жуткой физиономией. – А вот если покажется Союз, лучше не мешкать. А то, может, споем, пока заняться нечем?

– Ты запевай будешь? – поддела неумная Чудесница.

– Ни в коем разе. А то ненароком разойдусь, и тогда меня не остановить.

Он зашагал через поляну; Атрок с Агриком поспешно посторонились. Не их вина: Трясучка из тех, кого, словно коконом, окружает пространство, в которое лучше не соваться.

Зобатый медленно повернулся к Дрофду:

– Ну ты дал маху.

Тот беспомощно воздел руки:

– А что я мог сделать? Сказать, что его компания мне не нужна? За два дня езды с ним бок о бок, да еще за две ночевки рядом у костра награду впору давать. Он же тот свой глаз вообще не закрывает. Как будто всю ночь на тебя смотрит. Я лично, клянусь, за все это время глаз не сомкнул.

– Да он же у него незрячий, дуралей, – сказал Йон. – Давай я на тебя бляхой своего ремня смотреть буду.

– Да знаю я, но все равно, – Дрофд оглядел товарищей, и голос у него дрогнул: – А вы вправду думаете, Союз сюда нагрянет?

– Да ну, – отмахнулась Чудесница, – ерунда все это.

Она так глянула на Дрофда, что он ссутулился и побрел, перечисляя себе под нос, что еще выше его сил. Чудесница подошла к Зобатому и негромко спросила:

– Ты думаешь, Союз в самом деле придет сюда?

– Сомневаюсь. Хотя ощущение скверное.

Прислонясь к Герою, он хмуро глядел вслед Трясучке. Долину внизу заливало солнце.

– А прислушиваться к своему мамону я давно научился, – добавил Зобатый, растопырив пятерню на животе.

– Еще бы, – фыркнула Чудесница, – при таком-то брюхе.

Старые руки

– Танни.

– А?

Он приоткрыл один глаз, куда тут же колкой спицей, прямиком в мозги, вонзился луч солнца.

– Эйть!

Он зажмурился. В пересохшем рту словно ночевал табун коней, к тому же дохлых.

– А-а...

Он приоткрыл другой глаз и разглядел темный силуэт, маячащий почему-то сверху. Силуэт в огнистом ореоле лучей подался ближе.

– Танни!

– Да слышу, ч-черт.

Он попробовал сесть, и мир колыхнулся, как корабль в бурю.

– Ыгх.

Тут он понял, что лежит в гамаке. Попытка выпутать ноги увенчалась тем, что они лишь сильнее увязли в сетке. Он едва не перевернулся вместе с гамаком, но каким-то образом почти сумел принять сидячее положение, сглатывая несносный позыв к рвоте.

– Первый сержант Форест? Вот красота. А сколько вообще времени?

– Да уж давно пора тянуть ляжку. Где ты раздобыл эту обувь?

Танни озадаченно посмотрел вниз. На ногах у него красовались восхитительно надраенные кавалерийские ботфорты, да еще с золочеными пуговками и галунами. Солнце сияло на них так, что больно глядеть.

– О, – Танни вымучил улыбку, смутными урывками припоминая вчерашнее. – Вишь, выиграл у одного офицера, как его там...

Он мутно уставился на дерево, к которому был привязан гамак.

– Чегой-то вылетело.

Форест удивленно покачал головой.

– Ну и ну. У кого-то в дивизии все еще хватает глупости резаться с тобой в карты?

– Маленькое преимущество военного времени, сержант. Людей в дивизии постоянно убывает, а на смену им поступает уйма новых картежников.

Только за последние две недели их полк с больничным обозом покинуло два десятка человек.

– Так точно, Танни, так точно, – на покрытом шрамами лице Фореста заиграла скабрзная ухмылка.

– Неужто пополнение? О нет, – взмолился Танни.

– Именно что да.

– О нет, нет, трижды нет!

– Нет, да. Сюда, ребята!

И они подошли. Четверо. Новобранцы, свеженькие, только с корабля – судя по виду, из Срединных земель. Еще накануне целованы в порту мамашами, зазнобами, а то и теми, и другими вместе. Мундиры отглажены, ремни навощены, бляхи надраены – словом, все готово к доблестному солдатскому житью-бытью. Форест церемонно указал на Танни, как хозяин балагана на любимого шута, и взялся за обычную вступительную тираду:

– Парни! Вот вам знаменитый капрал Танни, один из старейших сержантов в дивизии генерала Челенгорма. За плечами у него Старикландское восстание, война с гурками, последняя Северная война, осада Адуи, нынешняя заваруха, да еще и служба в мирное время, от которой более возвышенный ум неминуемо пришел бы в упадок и разрушение. Но он, Танни,

драпал и мчался вперед, гнил в распутице; его пронимали холода и охаживали северные ветры; он вынес испытания харчами, винными погребками и ласками южанок, тысячами переходами, многолетним суровым рационом его величества, и даже, пусть и без рвения, но борьбой за то, чтобы стоять – вернее, сидеть – здесь перед вами. Четырежды – вы вдумайтесь! – он бывал сержантом Танни, а раз так и вовсе первым сержантом полка, но всегда и неизменно он, подобно смиренному голубю в родную голубятню, возвращался в прежний чин. И вот теперь он, как всегда, держит гордое звание знаменщика его августейшего величества неукротимого Первого кавалерийского полка! За все это он достоин высокого доверия, – при этом слове полулежащий Танни глухо застонал, – обеспечивать снабжение полка, а еще доставлять в обе стороны послания нашего почтеннейшего главного командира, полковника Валлимира. На службу к которому вы, ребята, сим и поступаете.

– О, ч-черт тебя дерит, Форест.

– И тебя его же когтями, Танни. Ну что, ребята, почему бы вам не отрапортовать нашему капралу?

– Клайг, – подал голос круглолицый парень с большущим ячменем на глазу, из-за которого, видимо, лямка ремня была у него перекинута не через то плечо.

– Прежнее занятие, Клайг? – осведомился Форест.

– Хотел быть ткачом, господин сержант. Но в подмастерьях проходил всего с месяц, потом хозяин отдал меня в рекруты.

Танни в очередной раз скривился. Пополнение последнее время поступало такое, что устыдиться впору и пустому бочонку.

– Уорт, – представился второй, тощий и долговязый, с землистым оттенком кожи. – Был в ополчении, а отряд распустили, так что всех нас призвали кого куда.

– Я Ледерлинген, – назвался рослый поджарый парень. – Был сапожником.

Большого о превратностях поступления на службу его величеству он не сообщил, а голова у Танни раскалывалась так, что допытываться он не стал. Какая разница, как его сюда угораздило – знай, бедуй теперь со всеми.

– Желток, – веснушчатый паренек-недомерок с большим ранцем виновато шмыгнул носом. – Осужден за воровство, хотя на самом деле я ни при чем. А судья сказал, или в солдаты идешь, или пять лет тюрьмы.

– Как бы нам не пожалеть об этом выборе, – незлобиво проворчал Танни, даром что плутовству с шулерством сам мог поучить кого угодно. – А Желтком почему кличут?

– Э-э... не знаю. Папашу, видно, так звали.

– Думаешь небось, что ты в яйце лучшая часть? А, Желток?

– Да нет, – замялся рекрут, осторожно покосившись на соседей. – С чего бы.

– Смотри, парень, приглядывать за тобой буду, – прищурился Танни.

От такой несправедливости у Желтка затряслись губы.

Форест двусмысленно улыбнулся.

– Ну что, ребята, давайте держитесь за капрала Танни. Он вас от беды убережет. Если и бывал когда солдат, умеющий уклониться от опасности, так это именно капрал Танни. Да, и не вздумайте с ним усаживаться за карты! – крикнул он через плечо, отходя от небрежно натянутого куска парусины, служащего палаткой.

Танни набрал воздуха и, шатаясь, поднялся. Новобранцы, как могли, вразнобой встали во фронт. Точнее, трое из них; Желток присоединился с опозданием.

– Да хорош передо мной тянуться, – снисходительно махнул рукой Танни. – А то обблую вас тут ненароком.

– Просим прощения, господин!

– Да не господин я вам, а капрал Танни.

– Просим прощения, капрал Танни!

– А теперь послушайте. Я не хочу, чтобы вы были здесь, и вы не хотите здесь быть...

– Я хочу, – сказал Ледерлинген.

– Ты? Хочешь??

– Добровольцем пошел, – в голосе юноши слышалась нотка гордости.

– До-бро-воль-цем? – невпопад по складам выговорил Танни, как какое-нибудь неведомое иноземное слово. – А такие вообще бывают? Ну да, выходит, бывают. Так вот усвой: чтобы при мне никаких добровольных поползновений. Ни на что.

Кривым пальцем он обвел новобранцев, собирая в заговорщицкий кружок.

– В общем, считайте, ребята, что вам крупно повезло. В армии его величества я на каких только должностях не побыл, в том числе и на этой, – Танни указал пальцем на свернутое знамя в чехле, засунутое для вящей сохранности под гамак. – Это, так сказать, почетная нагрузка. Так вот, я ваш начальник, это правда. А на самом же деле я хочу, парни, чтобы вы считали меня, ну... добрым дядей, что ли. Чтобы у вас здесь было все, что душе угодно. Все, что сверх. Все, что вносит в постылое армейское житье хоть какую-то отраду.

Танни подался ближе и с намеком поиграл бровями.

– Словом, всё такое. Обращайтесь ко мне за этим по-свойски, без стеснения.

Ледерлинген неуверенно приподнял даже не руку, а скорее палец.

– Да? – переспросил Танни.

– Мы же это, как бы кавалерией считаемся?

– Точно, солдат. Считаться считаемся.

– Так нам, наверно, лошади полагаются?

– Превосходный вопрос, да к тому же с недюжинным пониманием тактики. Видишь ли, из-за нестыковки в управлении наши лошади находятся в Пятом полку, что в расположении дивизии Мида. А будучи полком пехотным, использовать их по назначению там толком не умеют. Я слышал, тот полк нынче вышел на соединение с нами, которое, мне сказали, должно произойти со дня на день. Сказали, понятное дело, не вчера, но из раза в раз повторяют. А пока мы, силою обстоятельств, полк, как бы это... безлошадных лошадиников.

– В смысле, пешеходов? То есть пехотинцев? – спешно исправился Желток.

– Можно сказать и так, только мы здесь... – тут Танни многозначительно постучал пальцем по кумполу, – мыслим как кавалерия. По-иному, чем лошади. С изобретательностью, свойственной, в отличие от лошадей, любому в нашем славном подразделении. А потому спрошу для затравки: чего бы вы желали помимо? Сверх? А?

На это руку поднял Клайг.

– Э-э, господин, то есть капрал Танни... Не знаю насчет «помимо», но лично я был бы очень не против поесть.

– О-о, – расплылся в понимающей улыбке Танни, – вот это точно помимо. То есть сверх.

– А здесь что, н-не кормят? – растерянно, с боязливым заиканием спросил Желток.

– Почему же. Разумеется, его величество обеспечивает своих верных солдат дежурным рационом. Это безусловно. Но это не совсем то, что человек действительно хотел бы употреблять в пищу. Когда же вам наконец надоест употреблять в пищу то, чего не хочется, милости прошу ко мне.

– Видимо, за определенную плату? – скис Ледерлинген.

– За разумную плату. За монетку Союза. А можно и монетку Севера. Стирийскую, гуркхульскую, какую угодно. А не хватает наличности, так я готов рассматривать все разновидности обмена. Сейчас, например, в ходу оружие мертвых северян, новое и не очень. Или же можно оплачивать услуги трудовой, так сказать, повинностью. Ведь всем есть что выменивать, а потому всегда можно прийти к какому-нибудь...

– Капрал? – послышался сдавленный, высокий, почти женский голос.

Но за спиной у Танни, когда он обернулся, стояла отнюдь не женщина. Статный, рослый человек в черном, забрызганном от неистовой скачки мундире с полковничьими шевронами на рукавах; на поясе небольшой арсенал стали, короткой и длинной – сугубо деловой, без всякой вычурности. Короткий ежик волос, на висках сбрызнутый серебром, на макушке плешь. Тяжелые брови, широкий нос, квадратные челюсти; темные глаза уставлены на Танни. То ли короткая мускулистая шея, то ли побелевшие костяшки на стиснутых кулаках, то ли мундир в обтяжку, сидящий как на гранитном постаменте, то ли сама незыблемость его фигуры создавала впечатление грозной, внушающей почтительный страх силы.

Танни мог ограничиться непринужденным приветствием, но вместо этого непроизвольно вскочил и вытянулся во фрунт.

– Господин полковник! Капрал Танни, честь имею, знаменосец его величества Первого полка!

– Это ставка генерала Челенгорма?

Взгляд вновь прибывшего скользнул по рекрутам, словно проверяя, не насмеются ли над его писклявым голосом. Танни, впрочем, знал, когда смеяться можно, а когда не следует: сейчас момент для этого был крайне неподходящий. Он указал через груды мусора и раскиданные по долине палатки на сельский дом, из трубы которого в яркое небо поднимался черный дым.

– Генерала вы отыщете там, господин полковник! В доме, господин полковник! Возможно, он еще в постели, господин полковник!

Офицер коротко кивнул и, наклонив голову, решительно двинулся прочь, всем видом показывая, что запросто пройдет на своем пути сквозь все и вся.

– Кто это был? – пробормотал кто-то из парней.

– Я так думаю, это, – Танни секунду-другую помолчал, – был Бремер дан Горст.

– Тот, что фехтовал с королем?

– Да, и его телохранитель до конфуза в Сипани. Поговаривают, он все еще шпионит для него.

Появление столь значительной персоны не сулило ничего хорошего. Вообще это не к добру, держаться вблизи заметных персон.

– А здесь он что делает?

– Да кто его знает. Но я слышал, он жуткий бретер и драчун.

– А разве для солдата это плохо? – недоуменно спросил Желток.

– Нет, черт возьми! Но поверь мне, я видел далеко не одну потасовку, и скажу: войны сами по себе достаточно суровая штука, чтобы люди посреди них еще и дрались.

Горст тем временем вошел во двор и вынул что-то из кармана. Сложенную бумагу. Судя по виду, рескрипт. Кивнув на ходу караульным, он шагнул в дом. Танни почесал внезапно взбунтовавшийся живот. Что-то не то, и дело не в одном лишь выпитом с вечера вине.

– Господин?

– Капрал Танни.

– Я... Мне...

Уорту, судя по всему, зверски не терпелось в отхожее место. Признаки налицо: неуклюжее перетаптывание с ноги на ногу, потливая бледность, чуть заметная затуманенность во взоре. Словом, бедняге уже ни до чего.

– Пшел!

Танни ткнул большим пальцем в сторону выгребных ям. Бедолага на полусогнутых засеменил к ним испуганным кроликом.

– Только смотри мне, мимо не нагадь!

Подняв палец, Танни менторским тоном обратился к остальным:

– Затвердите назубок: всегда – слышите? – всегда оправляйтесь только в строго отведенных местах! Это незыблемое правило солдатского этикета, куда более важное, чем вся эта ерунда насчет шагистики, чистки оружия или построения на местности.

Даже на столь солидном расстоянии был слышен длинный и протяжный, похожий на рык, стон Уорта, сопровождаемый громовым пердежом.

– Рядовой Уорт вступает в первую схватку с самым отъявленным врагом. Коварным, безжалостным, полужидким.

Танни хлопнул по плечу ближайшего рекрута – оказалось, Желтка. Тот аж присел.

– Рано или поздно каждый из вас, вне всякого сомнения, будет вынужден сразиться с отхожими местами. Так что храбрость, ребята, и еще раз храбрость! А пока мы ждем, возвратится ли Уорт с победой или падет и изойдет на поле брани, не изволит ли кто-нибудь из вас приятельски перекинуться с вашим капралом в карты?

Выудив словно из ниоткуда колоду, он поиграл ею перед удивленными глазами новобранцев (в случае с Клайгом глаз был один); впечатление смазывала канонада Уорта.

– Играем пока на интерес. А там посмотрим. Чего уж там, ведь терять особо... Оп-ля.

Из ставки появился генерал Челенгорм – в незастегнутом мундире, растрепанный, пунцовый, как свекла, орущий. Сказать по правде, крикливости генералу было не занимать, но сейчас он чуть ли не впервые кричал что-то осмысленное. Следом за ним шел Горст, нахотеленный и притихший.

– Так-так-так.

Челенгорм дотопал до какой-то точки, затем, словно одумавшись, крутнулся на каблучках, никому особо не адресуясь, рявкнул, завопил с пуговицей, сердито хлопнул по чьей-то угодливо метнувшейся помочь руке. Из дома во все стороны спугнутыми с куста птицами порскнули штабные офицеры; неразбериха быстро распространялась по лагерю.

– Вот черт, – определил Танни, на ходу накидывая на плечи лямки, – чую, скоро в поход.

– Так мы ж только что прибыли, капрал? – проямлил Желток, еще не успевший снять ранец.

Танни, подхватив лямку, накинул ее обратно Желтку на плечо и развернул его в сторону генерала. Челенгорм потрясал кулаком перед лицом офицера презентабельного вида, а другой рукой безуспешно пытался застегнуть пуговицы на мундире.

– Вот вам, рядовые, великолепная иллюстрация армейского уклада: цепочка от командира к командиру, где каждый вышестоящий начальник срет на голову подчиненному. Нашего отца, всеобщего любимца и командира полковника Валлимира сейчас обгаживает генерал Челенгорм. Полковник Валлимир, в свою очередь, будет ронять кал на офицеров, и так по нисходящей. Поверьте, не пройдет и двух минут, как сюда примчится первый сержант Форест и раздвинет ягодицы над моей злосчастной головой. Догадываетесь, чем это обернется для вас?

Клайг неуверенно поднял руку.

– Вопрос был риторический, болван.

Рука рекрута опустилась.

– За это тебе нести мой ранец.

У Клайга поникли плечи.

– Ладерлугер!

– Ледерлинген, господин капрал.

– Да хоть как. Ты у нас, что ли, доброволец? Значит, ты вызвался нести другую мою поклажу. Желток?

– Да, господин? – отозвался тот, пошатываясь под весом собственного ранца.

– Понесешь гамак, – сказал Танни со вздохом.

Новые руки

Бек поднял топор и с рыком махнул, расколов чурбан, словно голову солдата Союза. При этом он представлял себе на месте щепок обломки костей и кровь, вместо журчания ручья – гомон восторженной толпы, а вместо листьев на траве – прекрасных дев, павших к его ногам, понятное дело, тоже от восторга. Себя же Бек воображал великим героем, каким был его отец, снискавший высокое имя, честь и славу на поле брани, да еще и увековеченный в балладах. Сомнения нет, родитель был самым что ни на есть жестокосердным вырождаком на всем, черт его дер, Севере. Во всяком случае, умел таковым выглядеть.

Дрова он скидал в кучу и нагнулся за новой чуркой. Затем, выпрямившись, вытер рукавом пот со лба и хмуро поглядел через долину, напевая вполголоса песнь о сече при Рипнире. Где-то там за холмами сражается войско Черного Доу; вершат великие дела и слагают новые песни. Бек поплевал на ладони, мозолистые от колуна, плуга, косы, заступа и, стыдно сказать, стиральной доски. Эту долину с ее обитателями он ненавидел всеми потрохами. Ненавидел эту ферму и работу на ней. Ведь он создан для битв, а не для колки дров.

Послышались шаги; по крутой тропке от дома поднимался брат. Никак вернулся из деревни. Он что, всю дорогу бегом бежал? Топор Бека взметнулся в небо, и очередной череп южанина разлетелся в щепки. Фестен долез до верха и остановился, уперев трясущиеся ладони в дрожащие колени. Он тяжело дышал, круглые щеки пошли пунцовыми пятнами.

– Что за спешка? – спросил Бек, нагибаясь за очередным чурбаком.

– Там... там... – с трудом стоя на ногах, выговорил вконец запыхавшийся Фестен, – там в деревне люди!

– Что за люди?

– Карлы! Карлы Ричи!

– Чего? – Бек даже забыл опустить топор.

– Того! И у них там набор идет, в войско!

Бек бросил топор на кучу наколотых дров и зашагал к дому, настолько торопливо, что ветер посвистывал в ушах. Фестен, не поспевая за братом, трусил сзади.

– Что ты надумал? – тщетно допытывался он.

Бек не отвечал.

Мимо курятника, мимо тупо жующих коз, мимо пяти больших пней, иссеченных и зазубренных за годы ежеутренних упражнений Бека во владении клинком. Через продыmlенную темноту жилища с остриями пыльного света, пронзающими плохо пригнанные ставни. По голым половицам и старым, с пролысью мохнатым шкурам. Возле сундука Бек опустился на колени, откинул крышку. С легким нетерпением выкинув что-то там из одежды, он наконец нежно, трепетно дотронулся пальцами и поднял его – то единственное, что было важно.

Мягко блеснуло в полумраке золото, и пальцы Бека, лаская, легли на рукоять. Ощувив четкость очертаний, он выдвинул из ножен фут отполированной стали. Улыбку задумчивой нежности вызывал этот шорох, от которого сладко ёкало в груди. Сколько раз он вот так улыбался, шлифуя, затачивая, полируя, в мечтах о дне, который наконец настал. Бек вернул меч обратно в ножны, обернулся и... замер.

В дверях, молча на него глядя, стояла мать. Черной тенью на фоне неба.

– Я возьму отцовский меч, – хмуро сказал он.

– Его убили этим мечом.

– Этот меч мой. Хочу – беру.

– Кто ж тебе мешает.

– Ты меня не остановишь, – Бек с решительным видом скидывал что-то в мешок. – Ты сказала, этим летом!

– Сказала.

– И не можешь мне запретить!

– А я пытаюсь?

– В моем возрасте Шубал Колесо семь лет как участвовал в походах!

– Ай молодец.

– И мне пора. Давно пора!

– Я знаю.

Она молча смотрела, как сын укладывает лук со снятой тетивой и несколько стрел.

– Ближайшие месяц-два ночи будут холодными. Возьми мой плащ, он почти неношенный. Это застало Бека врасплох.

– Я... Не, мам, оставь его лучше себе.

– Мне будет спокойней от того, что он при тебе.

Спорить не хотелось, чтобы не вспылить. Подумать только: весь из себя большой и храбрый, готовый сразиться с тысячей тысяч южан, а боится женщины, которая произвела его на свет. Бек без пререканий стянул со шпенька материн зеленый плащ и, накинув на плечо, направился к двери.

Фестен торчал во дворе и волновался, не понимая толком, что происходит. Бек потрепал его по рыжим вихрам.

– Ну что, теперь ты здесь за мужчину. Коли дрова, веди хозяйство, а я тебе что-нибудь привезу из военных походов.

– Того, что нам нужно, там нет, – сказала мать, глядя на него из тени – не сердито, как бывало, а с грустью.

Бек до этого не сознавал, насколько перерос мать. Ее макушка едва доставала ему до плеча.

– Поглядим.

Он в два шага сошел с крыльца под поросший мохом свес крыши, однако не смог не обернуться.

– Ну, я пошел.

– Повремени минутку, Бек, – мать встала на цыпочки и поцеловала его в лоб, прикоснувшись губами легко, как ветерок.

Притронулась к щеке, улыбнулась:

– Мой сын.

К горлу подкатил тугой комок, и Бека вдруг охватило чувство вины перед матерью, а еще радость от наконец обретенной свободы, и злость за месяцы промедления, и печаль разлуки, и волнение – словом, все разом. Его распирало от сумбура чувств.

Неловко коснувшись напоследок материнской руки, он повернулся и, беззвучно плача, зашагал вниз по тропинке, напрямик на войну. Возможно, тем самым путем, которым когда-то уходил отец.

Набор в войско проходил совсем не так, как представлялось Беку.

Шел нудный косой дождь, не сказать чтобы проливной, но вынуждающий шуриться и сутулиться. Изрядно подмок и боевой настрой. Все как-то серо, буднично. Подошедший, а по большей части согнанный люд растекся постепенно в чавкающую грязью, глухо ропщущую толпу. Многие, по впечатлению Бека, были совсем еще детьми, некоторые не то что битвы или хотя бы поединка, а и соседнего села в жизни не видели. Остальные, наоборот, выделялись сединой и возрастом. Картину дополняли несколько калек. По краям сборища опирались на копыя или сидели верхом скучающие карлы Ричи; новые рекруты впечатляли их ничуть не

больше, чем Бека. И вообще это до обидного мало соответствовало его ожиданию увидеть благородное братство воинов, в которое он мечтал влиться со своими геройскими устремлениями.

Он покачал головой, одной рукой плотно сжимая у шеи материн плащ, другую держа под ним, на теплой рукояти отцова меча. Нет, с этим сбродом ему не по пути. Быть может, Скарлинг Простоволосый и сделал из толпы войско, способное побить Союз, но об этой ораве безнадёжных вряд ли сложат возвышенную сагу. На глазах у Бека неверным шагом отчалило вновь созданное подразделение, впереди которого шагали двое мальчишек, несущих одно копьё. О наборе воинства без оружия песен обычно не поют.

Наверное, из-за бесконечных грез наяву, Бек ожидал, что набор будет проводить лично Кол Ричи – воин, участвовавший едва ли не во всех известных сражениях; человек, который представляет собой воплощение славных воинских традиций. Вот он, Бек, попадает на глаза Ричи, или же вдруг получает от него увесистый хлопок по плечу: «Вот это парень, который нам нужен! Гляньте-ка на этого удалца! А ну, кто годится ему в пару?» Но Ричи здесь и близко не было. Как и кого-нибудь, кто понимал бы, что происходит. На секунду подумалось о проделанном пути по слякотным тропам; может, лучше вернуться в свою лачугу. К рассвету можно и добраться...

– Никак примкнуть желаешь?

Перед Бексом стоял невысокий плечистый человек, седовласый и с седой щетиной, с палицей на поясе – судя по всему, бывалый. Он опирался в основном на одну ногу, как будто другая принимать на себя вес туловища отказывалась. Иметь перед таким вид олуха не хотелось. Да и мысль о том, чтобы отчалить, лучше отложить до худших времен.

– Я пришел сражаться.

– Хорошо сказано. Меня зовут Поток, я возглавлю это вот стадо, когда его собьют в кучу.

Он указал на невзрачный рядок мальчишек, из которых некоторые имели при себе плохонькие луки или топоры и ножи, а иные так и вовсе ничего, кроме одежды, да и та в плачевном состоянии.

– Хочешь чего-то большего, чем болтовня о великих походах, – становись в строй.

– А что, и встану.

У Потока был вид человека, отличающего меч от пилы, а строй возле него, с какой стороны ни глянь, одинаково плох. Потому Бек – грудь колесом, плечи расправлены – бравой походкой подошел и бесцеремонно втерся сзади, торча в строю как кукушонок над щеглятами.

– Я Бек, – первым назвал себя он.

– Кольвинг, – проямлил один из ребят, толстощекий, на вид лет тринадцати, не больше, испуганно поглядывая по сторонам круглыми глазами.

– Стоддер, – жуя что-то вяленое, отчего вид у него был воровато-виноватый, сообщил второй, с отвислой, как у кретина, мокрой губищей.

– А я Брейт, – девчачьим голосом сказал мальчуган еще мельче Кольвинга, в нищенских лохмотьях и с дыркой в башмаке, сквозь которую проглядывал грязный большой палец.

Бек проникся было к нему жалостью, но от оборвыша шло такое амбре, что сочувствие исчезло само собой. Брейт протянул тощую руку, но Бек не взял. Он приглядывался к замыкающему – юнцу постарше, с луком через плечо и шрамом на темной брови. Может, со стенки сверзился, хотя шрам придавал ему грозность, на которую этот задавака определенно не имел права. Эх, вот бы самому иметь шрамик, ну хоть один.

– А тебя как звать?

– А меня Рефт.

Он плутовски усмехнулся, что Бека уязвило еще больше. Он что, вздумал подтрунивать?

– Эй, что-то смешное?

Рефт обвел рукой окружающее их многолюдье.

– А нет, что ли?

– Ты чего, не надсмехаться ли надо мной вздумал?

– Да зачем ты мне, дружок. Вас тут вон сколько.

Непонятно, то ли этот малый над ним подшучивал, то ли он и впрямь выглядел дураком, или же это все от досады из-за несбывшихся надежд, но в Беке вспыхнул гнев.

– Ты смотри, следи за своим поганым языком, а не то...

Но Рефт его не слушал. Он уставился Беку через плечо, как, впрочем, и остальные. Бек обернулся и с изумлением увидел над собой всадника на рослом скакуне – породистом, с красивым седлом и поблескивающей начищенной сбруей. Человеку – остроглазому, с холеной кожей – на вид было лет тридцать. Струилась роскошная шегольская накидка с подпушкой и богатым меховым воротником, в сравнении с которой материн плащ, ее единственное достоинство, смотрелся рубищем. О том, как выглядело тряпье оборванцев в строю, лучше помолчать.

– Вечер добрый, – голос у всадника приятно гладкий, а выговор совсем не северный.

– Вечер, – ответил выскочка Рефт.

– Добрый, – сказал Бек.

Уж кому, а Рефту он уступать не собирался.

Чуть склонившись в великолепном седле, всадник улыбнулся, как будто они были старыми приятелями.

– Ребятки, не подскажите, где здесь бивуак Ричи?

Рефт ткнул пальцем туда, где на фоне гаснущего неба темнели купы деревьев, освещенные отблесками костров.

– Вон там, кажись, на подъеме, с подветренной стороны деревьев.

– Премного благодарен.

Всадник кивнул каждому, даже Брейту с Кольвингом, цокнул языком и тряхнул поводья. Он надменно улыбался, как будто сказал что-нибудь остроумное и смешное, хотя непонятно, что.

– Что это за выжига? – спросил Бек, едва лишь всадник отъехал подальше.

– Не знаю, – полусшепотом ответил Кольвинг.

Бек скривился.

– Да откуда тебе. Я и не тебя, между прочим, спрашивал.

– Извини, – мальчуган зажмурился, как в ожидании оплеухи. – Я так.

– Наверно, это великий принц Кальдер, – подал голос Рефт.

Губы у Бека скривились еще сильнее.

– Чего? Сын Бетода? Да теперь он и не принц вовсе.

– Ну а сам-то он, наверно, себя таковым считает.

– Он ведь, кажется, женат на дочери Кола Ричи? – писклявым голосом спросил Брейт. – Видно, приехал отвесить поклон папаше.

– Или обманом вернуть трон своего отца, – съязвил Рефт, – судя по тому, какая ходит молва.

– Ага, – усмехнулся Бек, – так Черный Доу его туда и пустил.

– Крест у него за это на спине вырежут, да и все, – облизывая после еды пальцы, сказал Стоддер. – Черный Доу, он как раз так и поступает с трусами и предателями.

– Точно, – с авторитетным видом кивнул Брейт. – Своими руками поджигает их факелом и смотрит, как они отплясывают.

– По нему я плакать не буду.

Бек мрачно зыркнул вслед Кальдеру, все еще гарцующему впереди. Если и есть на свете образец прямоты и твердости, то в этом мерзавце воплощалась полная его противоположность.

– На бойца он что-то не тянет.

– Да? – Рефт с ухмылкой оглядел плащ Бека, из-под которого торчал кончик ножен. – А ты, что ли, боец? Не обязательно кичиться.

С этим Бек смириться не мог. Полу плаща он закинул за плечо, чтобы была возможность для замаха, и встал со сжатыми кулаками.

– Ты меня трусом назвал?

Стоддер посторонился. Кольвинг уткнулся боязливым взглядом в землю. Застыл с беспомощной улыбкой Брейт. Рефт спокойно пожал плечами, ни на что не нарываясь, но и не пятясь.

– Я тебя еще не так хорошо знаю, чтоб говорить, кто ты. Ты в битве бывал, в строю?

– В строю не доводилось, – бросил Бек.

Втайне он понадеялся, что это будет истолковано как намек на участие в боевых стычках, хотя на самом деле, кроме нескольких толковищ на кулачках с деревенской ребятней, он сражался разве что с пнями.

– Тогда откуда тебе знать себя? Человек себя не знает, покуда не обнажены клинки и он не стоит плечом к плечу с товарищами в ожидании вражьего натиска. Может, ты будешь рубиться, как сам Скарлинг. А может, сдрейфишь и дашь деру. На словах всякий крут, а на деле...

– Покажу я тебе натиск, падаль!

Бек шагнул вперед, поднимая кулак. Кольвинг со всхлипом прикрыл лицо, как будто удар угрожал ему. Рефт отступил на шаг, одной рукой приоткрывая плащ. Выглянула ручка длинного ножа. До Бека дошло, что когда он откидывал полу, показалась рукоять отцова меча, которая сейчас как раз под рукой. Дошло до него и то, как высоки сделались ставки – казалось бы, из ничего. Такое вряд ли может закончиться, как обычная колготня меж деревенскими драчунами. В глазах Рефта стоял страх и вместе с тем запальчивость. Внутри оборвалось, рука дрогнула; Бек даже позабыл, где он и что собирается делать...

– Эй, эй, а ну-ка! – из толпы, подволакивая ногу, спешил Поток. – Ну-ка прекратить!

Бек медленно опустил кулак – честно говоря, несказанно радуясь стороннему вмешательству.

– Ишь чего! Рад, рад видеть в вас пламень, но его еще жечь – не пережечь в схватках с южанами, насчет этого не беспокойтесь. Завтра с утра в поход, и лучше, если маршировать вы будете с нерасквашенными мордами. – Поток просунул между Беком и Рефтом кулачище в седых волосах и множестве застарелых ссадин.

– А вот чем могу угостить, ежели не научитесь вести себя как подобает, уяснили?

– Да, вождь, – рыкнул Бек, строптиво косясь на Рефта, а у самого сердце стучало в ушах так, что перепонкам впору лопнуть.

– Понятное дело, уяснил, – откликнулся Рефт, смыкая полы плаща.

– Первое, что боец должен усвоить, это когда ему не драться. А теперь сюда, оба.

Ребята впереди успели куда-то деться; от их недавнего присутствия осталась лишь полоса жидкой грязи возле стола под протекающим навесом из парусины. За столом с кислым видом сидел и ждал седобородый старик – однорукий; сложенный пустой рукав пришит к груди. Единственной рукой он держал перо. Имена рекрутов, судя по всему, вносились в большую книгу. Как видно, новые веяния, с бумагомаранием и всем, что с ним связано. Отец Бека заниматься этим вряд ли стал бы, да и Бек тоже. В чем смысл борьбы с южанами, если перенимаются их обычаи? Бек хмуро прошел под навес, чавкая по слякоти.

– Имя?

– Мое?

– А чье еще, черт тебя дерит?

– Бек.

Седобородый нацарапал это пером на бумаге.

– Откуда?

– Хутор вон там, вверх по долине.

– Возраст?

– Семнадцать годов.

– Перезрел уже, – однорукий неодобрительно покачал головой. – На несколько лет припозднился, парень. Где ж ты был?

– Матери помогал по хозяйству.

Сзади кто-то фыркнул. Бек рывком обернулся, ожечь взглядом. На лице Брейта рассасывалась глуповатая улыбка, а сам мальчуган пялился на раздрызганные башмаки.

– У нее еще двое малышей на руках, так что я оставался вместе с ней их поднимать. Тоже мужская работа.

– А теперь вот ты от нее отвлекся.

– Как видишь.

– Имя твоего отца?

– Шама Бессердечный.

Седая голова ошеломленно дернулась.

– А ну без шуточек, малый!

– Зачем они мне, старик. Повторяю, Шама Бессердечный – мой отец. Вот его меч.

Клинок вышел из ножен со звучным металлическим шелестом. Сердце взыграло от его сладостного веса в руке; Бек стоял, воткнув кончик меча в стол. Секунду-другую старик, как замороженный, смотрел на золотисто-зеркальный, закатный блеск клинка.

– Ай да неожиданность. Что ж, малый, будем надеяться, что ты выкован из того же металла, что и твой отец.

– Это так.

– Увидим. Вот тебе первое жалованье, парень, – и он вдавил Беку в ладонь мелкую серебряную монетку.

– Следующий! – возгласил он, снова взявшись за перо.

Вот и все. Не селянин, а солдат Кола Ричи, готовый сражаться против Союза за Черного Доу. Сунув меч в ножны, Бек угрюмо стоял в густеющей тьме под набирающим силу дождем. Девчонка с рыжими волосами, побуревшими от влаги, раздавала грог тем, кто уже отметился. Бек с полным правом получил свою долю и, залив жгучую жидкость в плотку, небрежно отдал кружку и смотрел, как заносят имена Рефта, Кольвинга и Стоддера. На их отношение ему наплевать. Свое имя он утвердил. Ничего, скоро мы покажем, кто здесь трус. А кто герой.

Ричи

– Уж не муженек ли это моей дочери! – воскликнул Ричи, скаля при свете факелов щербатые зубы. – Чего ступаешь на цырлах, малый?

– Так ведь грязь, – заметил Кальдер.

– А ты боишься сапожки испачкать?

– Как-никак, стирийская кожа, талинской работы.

Кальдер поставил ногу на камень у огня, чтобы приближенные Ричи как следует разглядели.

– Обутки, и те привозные, – проворчал Ричи, будто горюя по всему, что есть доброго на свете. – Мертвые! Да ты глянь на себя: и как мою умницу-дочь угораздило втюриться в эдакий портняжный манекен!

– И как мясницкая плаха, подобная тебе, сумела родить такую красавицу, как моя жена?

Ричи ослабился; заулыбались и его люди. Огонь, потрескивая, выхватывал из полутьмы морщины и рубцы на грубых, опаленных битвами лицах.

– Да вот сам до сих пор дивлюсь. Хотя и не так, как ты: я-то знал ее мать.

Пара названных бывалого вида ухмыльнулись; глаза затуманились воспоминанием.

– Да я и сам был пригож, пока жизнь не угостила своими харчами.

Двое бывалых хмыкнули. Стариковские шуточки, всё о том, как славно жилось в былые времена.

– Харчами, – один из них, крякнув, повел головой.

– Можно словом перекинуться? – спросил Кальдер.

– Все для моего зятя. Ребята?

Приближенные Ричи поднялись, иные не без труда, и, по-прежнему похмыкивая, убрели в темень. Кальдер подыскал местечко у костра и опустился на корточки, руки протянув к огню.

– Трубку будешь? – предложил Ричи, пуская завитушки дыма из своей.

– Нет, благодарю.

Даже среди якобы друзей надо иметь ясную голову. Нынче и так приходилось ступать ощупью, да еще по чертовски узкой тропе. Не хватало оступиться: больно глубок по обе стороны обрыв, а на дне никакой подстилки.

Ричи пустил пару буроватых дымных колечек.

– Как там моя дочь? – спросил он, проводив взглядом их плавный отлет.

– Она – лучшая женщина на этом свете, – ответил Кальдер, не лукавя.

– Какой ты. Всегда находишь, что сказать. Возразить нечем. А как мой внучок?

– Все еще немножко маловат для помощи против Союза, но растет день ото дня. Слышно, как стучится ножкой.

– Просто не верится. – Ричи, покачивая головой, смотрел в огонь, задумчиво почесывая седую щетину. – Я, и вдруг дед. Гм! Как будто вчера я и сам был еще ребенком. А с утра смотрел, как стучится в живот матери Сефф. Все так быстро проскальзывает мимо. Скользит, как листики по воде, а ты и не замечаешь. Цени эти моменты, сынок, смакуй их, вот мой тебе совет. Они и есть жизнь. Все, что происходит сейчас, пока ты в мыслях ждешь чего-то там еще. Я слышал, Черный Доу желает твоей смерти?

Кальдер тщетно попытался не подать вида, что ошеломлен столь резкой сменой темы.

– Кто так говорит?

– Черный Доу.

Что ж, ничего странного. Хотя подобная прямота не проливала бальзама на и без того истерзанную душу Кальдера.

– Ему видней.

– Похоже, он направил тебя сюда, чтобы было легче тебя прикончить – если не ему самому, то кому-то, кто надеется перед ним таким образом выслужиться. Доу наверняка думает, что ты начнешь плести козни, настраивать людей против него, пытаться вытянуть из-под него трон. А он тебя в этом уличит и по справедливости повесит, чтоб никто и не возроптал.

– Думает, что дал мне нож, которым я не премину зарезаться?

– Что-то вроде того.

– А может, я осторожней, чем он предполагает?

– Надеюсь, что так. Я лишь хочу сказать: если у тебя на уме пара-тройка интрижек, то знай, что он держит нос по ветру и ждет не дождется, когда ты оступишься. И будет без устали идти за тобой тенью, пока не появится основание приказать Трясучке заточить о твою башку топор.

– Только не все этим будут довольны.

– Верно, недовольных и без того уже пол-Севера. Слишком уж обременительной становится война. Да еще и поборы давят. Война в здешних краях, оно понятно, добрая традиция, а вот подати испокон веку не в чести. Доу нынче не следует перегибать палку с местными, и он это знает. Хотя уповать на терпимость Черного Доу – дураком быть. Он не из тех, кто следит за каждым своим словом и шагом.

– Но а я-то наоборот?

– В разумной осмотрительности, парень, нет ничего постыдного. На Севере всегда в фаворе здоровенные тупые жлобы из тех, что бродят по колено в крови. О таких тут слагают песни. Хотя всем известно, что в одиночку они ничего не добиваются. Нам нужны другие. Мыслители. Вроде тебя, твоего отца. Впрочем, на таких у нас всегда недород. Хочешь, дам совет?

Кальдеру было бы куда более по нраву, сунь старик этот самый совет себе в задницу. Он прибыл сюда за людьми, за мечами и холодными жесткими сердцами, готовыми на измену. А впрочем, он давно уяснил, что людям в большинстве ничто так не любо, как то, чтобы их слушали. Особенно тем, за кем сила. А Ричи у Доу – один из пяти боевых вождей, и силы за ним на сегодня больше всего. Так что Кальдер сделал то, в чем его невозможно превзойти – то есть соврал:

– Именно за твоим советом я и пришел.

– Тогда оставь все, как есть. Вместо того чтобы переть против неодолимого течения, рискуя сгинуть в холодной пучине, присядь на бережку, повремени. Кто знает, может, настанет час, и волны сами выбросят на берег то, что ты хотел.

– Ты думаешь?

После кончины отца Кальдер привык, что волны выбрасывают на берег исключительно дерьмо. Ричи придвинулся ближе и заговорил тише:

– Трон Скарлинга под Черным Доу не сказать чтобы прочен, потому что он всех и вся вокруг себя знай обирает да обижает. Из остальных он пока самый лучший, но помимо этого трухлявого мухомора Тенвейза по-настоящему преданных людей у него считай что и нет. Не то что в свое время у твоего отца. Да и те, кто есть нынче, кто они вообще? Взять тех же Золотого с Железноголовым: тьфу!

Ричи с презрением плюнул в огонь.

– Оба переменчивей погоды. Народ Черного Доу боится, но это лишь до поры, пока он способен внушать страх. А если все так и будет тянуться, и никакой тебе драки... Людям есть чем заняться и помимо того, чтобы сидеть здесь почем зря голодом да срать остатками провизии. У меня за один прошлый месяц столько народу разбежалось по домам собирать урожай, что дай бог покрыть за счет этого вот набора. Доу решительно необходимо вступить в бой, и чем скорее, тем лучше. Если же этого не произойдет или он проиграет сражение, то все может в секунду перевернуться.

Ричи с самодовольным видом пососал трубку.

– А если он вступит в сражение с Союзом и выиграет?

– А если так, – старик, выпустив дым, покосился на уголья костра, – то догадаться немудрено. Если он выиграет, то будет всеобщим героем.

– Осмелюсь заметить, не для меня, – теперь черед подвинуться с доверительным шепотком наступил для Кальдера. – Пока мы отнюдь не на берегу. Что, если Доу попытается меня убить или даст какое-нибудь заведомо провальное задание, а то и просто поставит биться туда, где я обречен на гибель? Будут ли у меня хоть какие-то друзья с тыла?

– Для меня ты, так или иначе, муж моей дочери. Мы с твоим отцом сошлись на этом еще тогда, когда вы с Сефф ходили под стол пешком. Я с гордостью принял тебя тогда, когда мир был у твоих ног. Хорош же я буду, ежели отвернусь от тебя сейчас, когда мир навалился тебе на плечи! Нет уж. Ты родня.

Ричи, крепко хлопнув Кальдера увесистой ладонью по плечу, снова показал щербатый зуб.

– Не знаю, кто как, а я поступаю как встарь.

– С прежней прямоотой?

– Точно так.

– И меч за меня обнажишь?

– Разрази меня гром, нет, – чуть сжав плечо Кальдера, старик убрал руку. – Я лишь сказал, что не обнажу его против тебя. Если мне суждено сгореть, я сгорю, но чего ради я должен сам себя поджигать.

Кальдер в душе того и ожидал, хотя все равно разочаровался. Сколько бы разочарований ни подкидывала жизнь, каждое новое жалит.

– Ну а ты куда думаешь податься, парень?

– Да вот, думаю встретиться со Скейлом, помочь ему с тем, что осталось от отцова воинства.

– Мысль хорошая. Брат твой силен, как бык, и такой же храбрый, только мозги у него, я погляжу, тоже бычьи.

– Что есть, то есть.

– Весточка пришла от Доу. Он собирает войско в кучу. Завтра с утра все выходим на Осрунг. К Героям.

– Тогда, скорее всего, там со Скейлом и увидимся.

– Вот это будет, вне всякого сомнения, встреча, – Ричи махнул узловатой лапицей. – Береги спину, Кальдер.

– Постараюсь, – без особой радости отозвался тот.

– Да, и еще.

Ох уж это пресловутое «еще»: каждый приберегает напоследок что-то, в любом случае не самое приятное.

– Ну?

– Одно дело, если жизни лишишься ты. Но заложницей за тебя осталась моя дочь, причем добровольно. Не вздумай выкинуть что-нибудь, что может обернуться во вред ей или ребенку. Я этого не стерплю. Это я сказал Черному Доу, повторяю и тебе: я не стерплю.

– Да как ты мог такое подумать! – возмутился Кальдер с жаром, которого от себя не ожидал. – Не такой же я негодяй, каким меня выставляют!

– Я знаю, что не такой, – Ричи метнул на него колкий взгляд из-под кустистых бровей. – Во всяком случае, не совсем.

От бивуака Кальдер отъехал с бременем тревоги, подобным мешку камней. Когда самое большее, что обещает родной тесть, это не участвовать в твоём убийстве, для понимания дерьмовости положения много ума не надо.

Доносилось нестройное пение – кто-то фальшиво тянул старые песни о давно умерших и тех, кого эти умершие когда-то убили. От костров становища слышался пьяный смех; там шли возлияния по неизвестному поводу. В темноте звонко стучал молот; у наковальни в снопах искр виднелась фигура кузнеца. Всенощнаяковка, цель которой – вооружить новых рекрутов Ричи. Спешно готовятся клинки, топоры, наконечники стрел – все, что способно убивать. От визга точила ноют зубы. Непонятно, что такого люди находят в оружии. Если вдуматься, лагерь новобранцев – не самое подходящее место для пребывания принца, пусть даже в изгнании. Кальдер остановился, напряженно вглядываясь в темноту. Где-то здесь он привязал лошадь...

Неподалеку чавкнула грязь; Кальдер, нахмурившись, оглянулся через плечо. Два расплывчатых силуэта во тьме, щетинистая харя... Каким-то образом он сразу же все понял. И бросился наутек.

– О ч-черт!

– Держи его!

Он метнулся в никуда, бездумно.

– На помощь! – провопил он невесть кому. – Помогите!

От ближнего костра оглянулись трое, отчасти с любопытством, отчасти с раздражением из-за того, что их отвлекают. За оружием никто не потянулся. Им было глубоко наплевать. Людям вообще это свойственно. Они не знали, кто к ним взывает, а если б и знали, то не почувствовали бы ничего, кроме тихой ненависти – да если бы даже и тихой любви, то все равно не пошевелили бы пальцем. До него никому не было дела.

Преследователи остались позади. Легкие жгло, в боках кололо; Кальдер скатился с одного склона, взлетел на другой, продрался сквозь хлещущие по лицу кусты, не заботясь о сохранности стирийских сапожек – какие тут сапожки, когда горло клещами сжимает страх. Неожиданно из сумрака мутным бледным пятном проступило чье-то лицо.

– Помогите, – задыхаясь, выдавил Кальдер, – помогите мне.

Кто-то сидел под кустом, кажется, справлял большую нужду.

– Чего? – подал он голос.

И Кальдер протопал по грязи мимо, окончательно оставляя огни становища Ричи за спиной. Оглянувшись на бегу, он увидел лишь колышущуюся черноту. Но преследователи, судя по всему, не отстали, они где-то поблизости. Вот внизу блеснула вода, изысканный стирийский сапожок Кальдера во что-то угодил, запутался, и Кальдер, потеряв равновесие, кувыркнулся и полетел подбородком вперед. Он со всхлипом грянулся оземь и еще какое-то время скользил. При этом Кальдер барахтался, пытаясь высвободиться из хватки, опутавшей его на манер смиренной рубашки.

– А ну прочь с меня, мерзавцы!

На поверку это оказалась его же накидка, потяжелевшая от мокрой грязи. Кальдер, как стреноженный конь, заковылял дальше и понял, что поднимается по береговому откосу, а убийцы спускаются сверху. Кальдер попробовал повернуться, но свалился в речку и, ловя ртом воздух, стал бороться с пленившей его холодной водой.

– Надо ж было такого стрекача задать, гы! – гудело в ушах вперемешку с громовым пульсом.

Почему-то у всех негодяев в конце фраз обязательно звучит это пакостно-насмешливое «гы». Отчего им все время так смешно?

– Ага. Поди-ка сюда.

Судя по звуку, кто-то из них вытащил клинок из ножен. Кальдер вспомнил, что меч есть и у него, и потянулся за ним немеющей от холода рукой, одновременно пытаясь выбраться из ледяной воды. Получилось лишь частично, до колен. Убийца стал надвигаться, но внезапно распластался поперек ручья.

– Ты чего? – недоуменно спросил второй.

Кальдер удивленно прикинул, когда же это он успел выхватить меч и пронзить негодяя, но оказалось, что оружие по-прежнему путается в складках накидки. Кальдеру никак не удавалось его высвободить.

– Че-чего?

Казалось, язык во рту разбух.

Призрачно мелькнул как из ниоткуда взявшийся силуэт. Кальдер взвизгнул, прикрыв руками лицо. Мимо что-то прошелестело, пронесся будто порыв ветра, и второй убийца опрокинулся на спину. Первый негодяй в это время с влажным стоном пытался подползти к берегу. Кто-то подошел к нему, вешая лук на плечо, вынул меч и, не сбавляя шага, проткнул лежащего. Приблизившись, спаситель застыл ступком мрака на темном фоне. Кальдер смотрел на него сквозь растопыренные пальцы. Молчание нарушал лишь плеск воды вокруг занемевших от холода колен. Кальдеру подумалось о Сефф, о собственной неминуемой смерти.

– Принц Кальдер, если не ошибаюсь? Вот уж на кого не ожидал нарваться при эдаких обстоятельствах!

Кальдер медленно отвел от лица ладони. Голос определенно знакомый.

– Фосс Глубокий?

– А кто ж еще.

Облегчение взмыло фонтаном. Хотелось не то хохотать, не то изойти рвотой.

– Это мой брат тебя послал?

– Нет.

– Скейл все эти дни занят-презаянт, – пробубнил Мелкий, деловито докалывая лежащего ножом.

– Занят сверх меры, – кивнул Глубокий, наблюдая за братом с туповатым равнодушием, как какой-нибудь землекоп за докапывающим яму напарником. – Вылазки, то да сё. Война, стало быть. Вся эта старая песня, мечи да марши. Для Скейла она что мать родна. Все не может всласть наиграться. А коли чувства утоленности нет, то оно уже и не появится.

– Это точно.

Мелкий доколол наконец убийцу и распрямился. Под вышедшей луной кинжал и рука по локоть липко блестели черной кровью.

Кальдер старался на них не глядеть, подавляя позыв к рвоте.

– Так откуда вы, черт вас дерит?

Глубокий протянул руку, за которую Кальдер не преминул ухватиться.

– Мы слыхали, ты вернулся из изгнания, а учитывая внимание к твоей особе, решили, что не мешало бы за тобой присматривать. На случай, если кому взбредет дурное в голову. А то, знаешь...

Кальдер, борясь с зыбкостью темного мира, все еще не отпускал предплечье Глубокого.

– Как хорошо, что вы надумали появиться именно сейчас. Еще минута, и мне... пришлось бы разделаться с этими мерзавцами самому.

Кровь прихлынула к голове, а содержимое желудка к горлу, и принц, согнувшись, облевал свои и без того не вполне чистые стирийские сапожки.

– Н-да, совсем скверно могло обернуться, – угрюмо рассудил Глубокий.

– Если б ты только мог высвободить меч из-под этого вот щегольского наряда, тем выродам, может, действительно бы не поздоровилось, – Мелкий спускался по склону, волоча что-то. – А вот этого мы схватили. Он у них стерег лошадей.

Он пихнул к Кальдеру паренька, лицо которого в рассеянном полусвете было, как веснушками, забрызгано грязью.

– Славная работа, – Кальдер рукавом отер неприятно кислый рот. – Отец всегда отзывался о вас как о своих наилучших людях.

– Забавно, – ухмыльнулся Мелкий. – А мне так помнится, он звал нас наихудшими.

- Как бы там ни было, но даже не знаю, как вас благодарить.
- Золотом, – подсказал Мелкий.
- Ага, – поддержал брата Глубокий, – золотом и впрямь годится.
- Будет вам золото.
- Не сомневаюсь. За это мы тебя, Кальдер, и любим.
- За это, а еще за остроту языка, – сказал Мелкий.
- И за пригожее лицо, и за красивую одежду, и за ухмылку, которую иному хочется вбить в харю кулаком.

– А еще за наше глубочайшее почтение к твоему отцу, – Мелкий мелко же поклонился. – За это, но прежде всего, понятно, за золотишко-мелочишко.

- А с мертвяками что делать? – спросил Глубокий, ткнув убитого носком башмака.

В голове у Кальдера постепенно прояснялось. Уже не так стучало в ушах, кровь отливала от висков, давая возможность мыслить. Прикидывать, чего и как можно достичь. Эти трупы можно предъявить Ричи, тем самым попробовав его взъярить. Если на то пошло, попытка убить мужа родной дочери, да еще в собственном стане, выглядит оскорбительно. Особенно для человека чести. А можно оттащить их к Черному Доу, бросить к его ногам и воззвать к справедливости. Хотя оба расклада по-своему рискованны, тем более что нельзя сказать наверняка, кто за этим стоит. Взвешивая следующий шаг, возьми за правило поначалу ничего не предпринимать и следи, во что это выльется. Так что лучше, пожалуй, попросту отправить этих мерзавцев вниз по течению, сделать вид, что ничего не было, – пусть враги гадают, в чем же дело.

- Пусть себе плывут, – кивнул он на реку.
- А этот? – Мелкий ножом указал на третьего.
- Кальдер, поджав губы, встал над пареньком.
- Кто вас послал?
- Да я так, с лошадьми, – промямлил тот.
- Говори лучше как есть, – посоветовал Глубокий. – Не заставляй нас тебя резать.
- Меня и заставлять не надо, – вставил Мелкий.
- Не надо, говоришь?
- Да нисколько, – Мелкий схватил паренька за шею и сунул нож ему под нос.
- погоди, погоди! – заметался юный коневод. – Мне сказали, Тенвейз! Брод Тенвейз!
- Мелкий выпустил его, а Кальдер со вздохом цокнул языком.
- Ах он гнилье долбаное.

Тут впору не удивляться, а совсем наоборот. Может, его попросил Доу, или же старик сам решил все обстряпать. В любом случае, юнец этого не знает, и толку от него никакого.

Мелкий крутанул нож, и тот сверкнул в лунном свете молочным блеском.

- Ну что, пришьем и лошади за компанию?

Кальдер чуть было не кивнул – дескать, давай, да и дело с концом. Быстрее, проще, надежнее. Хотя с некоторых пор он все чаще задумывался о милосердии. Когда-то давно, будучи еще молодым остопом, или, по крайней мере, остопом более молодым, чем теперь, он приказывал убивать забавы ради, по своей прихоти. Полагая, что будет выглядеть за счет этого сильнее. Думал, что вызовет этим гордость у отца. Но гордости, как выяснилось, не вызвал. «Прежде чем отправлять человека в грязь, – усталым разочарованным голосом сказал ему после одного такого случая отец, – убедись, что он не принесет тебе пользы живым. Иные рубят головы лишь потому, что им это по плечу. У них недостает ума понять, что ничто не вызывает столько силы, сколько милосердие».

Паренек смотрел полными смертной тоски глазами. Вот из них, блеснув, скатилась слезинка, за ней другая. Кальдер, как ничего другого, жаждал силы, а потому думал о милосердии. Он прижал язык к треснувшей губе: ух ты, жжет.

– Убей его, – велел он, отворачиваясь.

Паренек напоследок коротко, с удивлением вякнул. Почему-то смерть, даже неминуемая, всегда удивляет людей. То ли они считают себя особенными, то ли рассчитывают на помилование – дескать, обойдется. Но в том-то и дело, что особенных не бывает.

Мелкий спихнул труп с берега. Дело сделано. Кальдер пошел взбираться по откосу, костеря намокшую накидку, насквозь грязные сапожки, разбитые губы. Интересно, а сам он в роковой момент тоже будет удивляться? Не исключено.

Единственно верное

– Это правда? – спросил Дрофд.

– А?

– Да вон.

Юнец кивнул в сторону Пальца Скарлинга, что гордо красовался на пригорке. Было около полудня, а потому тени он отбрасывал совсем мало.

– Правда, что под ним погребен Скарлинг Простоволосый?

– Да нет, наверно, – усомнился Зобатый, – с чего бы.

– А разве его не из-за этого называют Пальцем Скарлинга?

– А как его еще называть? – встряла Чудесница. – Хером Скарлинга, что ли?

Брек приподнял густые брови.

– Раз уж ты упомянула, то мне он напоминает немного...

Дрофд перебил:

– Не, я про то, а зачем его так звать, если он там не похоронен?

Чудесница поглядела на него как на самого отпетого болвана на всем Севере, а если и не самого, то на верном пути к этому званию.

– Возле хутора моего мужа – моего хутора – течет ручей, известный как Скарлингов Отпрыск. Их таких по Северу, наверное, с полсотни. Так там как пить дать ходит легенда, что он утолил жажду его чистыми водами, прежде чем произнести какую-нибудь там речь или двинуться на врага, как оно в славных песнях поется. А он если там и появлялся – ну хотя бы на расстоянии дневного перехода, – то не более чем помочился туда, да и то не сходя с коня. Вот что значит быть героем: все хотят отщипнуть от тебя кусочек.

Она кивнула на Жужело, который, закрыв глаза, с молитвенно сложенными руками стоял на коленях перед Отцом Мечей.

– Лет через пятьдесят по хуторам, глядишь, объявится с дюжину Жужеловых Отпрысков, вблизи которых он никогда и не бывал, а всякие пентюхи будут на них с увлажненными глазами показывать и спрашивать, а не под ними ли похоронен достославный Жужело из Блая?

Чудесница отошла, покачивая коротко стриженной головой. Дрофд поник плечами.

– Да я ж, черт возьми, так, только спросил. Думал, эти глыбы потому Героями и именуются, что под каждой погребен герой.

– Да кому какое дело, кто где погребен? – пробормотал Зобатый, припоминая многочисленные погребения, на которых ему доводилось присутствовать. – Человек, когда его зарывают в землю, обращается в прах. Прах и истории о нем. А у историй с людьми зачастую бывает мало общего.

Брек согласился:

– И с каждым новым изложением быть все больше превращается в небыль.

– Правда?

– Взять, допустим, Бетода, – сказал Зобатый. – Если верить молве, так он был едва ли не самым лютым злодеем на всем Севере.

– А разве нет?

– Смотря кого об этом спросить. У врагов он, понятно, был не в чести, и мертвецам ведомо, как он нещадно их губил. Но глянь на все его деяния: получается, дел-то он сделал поболее, чем сам Скарлинг Простоволосый. Сплотил Север. Построил дороги, по которым мы маршируем, добрую половину городов. Положил конец распрям между кланами.

– Начав войну с южанами.

– Это так. У каждой монеты две стороны. Но суть, я тебе скажу, одна: людям нравятся простые рассказы.

Зобатый разглядывал ногти.

– Но сами люди не просты.

– Не то что ты, да, парень? – Брек хлопнул Дрофда по спине, едва не опрокинув.

– Зобатый! – резко окликнула Чудесница.

Все обернулись. Зобатый подскочил, то есть распрямился с наибольшей для себя скоростью, и заспешил к подручной, морщась от прострелов в трескучем, как костер, колене.

– Куда смотреть?

Он попеременно прищурился на Старый мост, поля и огороженные пастбища, реку с оврагами и покатые пустоши, прикрывая от ветра слезящиеся глаза.

– Вон там, у брода.

Теперь он их видел; кровь отхлынула к ногам. Точки не крупнее мурашей, но это люди. Бредут по отмелям, выискивают, куда ступить, норовят к берегу, северному. Берегу Зобатого.

– Так-так, – произнес он.

Для Союза число маловато, но идут с юга, значит, молодцы Ишейки. То есть, вероятнее всего...

– Черствый вернулся.

Тьфу, не хватало еще за спиной змеиного шепота Трясучки.

– Да еще и друзьями успел обзавестись.

– К оружию! – вскрикнула Чудесница.

– А? – растерянно переспросил Агрик с кухонным горшком в руках.

– К оружию, олух!

– Гадство!

Агрик с братом заметались, перекрикиваясь и роняя впопыхах на мятую траву то одно, то другое из ранцев.

– Сколько ты насчитала? – Зобатый хлопывал себя в поисках запропадившегося куда-то окуляра. – Вот черт. Ну куда он мог...

Окуляр, оказывается, притискивал к глазу Брека.

– Двадцать два, – буркнул он.

– Ты уверен?

– Уверен.

Чудесница поскребла длинный шрам на макушке.

– Двадцать два. Двадцать два. Двадцать... два.

С каждым новым повтором число становилось все хуже. Каким-то особенно гадким. Слишком велико, чтобы схлестнуться без громадного для себя риска, и одновременно чересчур мелкое, чтобы... при выгодном расположении на местности и удачном сочетании рун... а что, может, и выгорит... Словом, слишком мелкое, чтобы просто удрать и не держать ответа перед Черным Доу, почему отступили. Сражаться меньшими силами проще, чем потом разъяснить Доу причину отхода.

– Вот черт.

Зобатый покосился на Трясучку и углядел, что тот целым глазом косится в ответ. Знает, собака, поскольку прикидывает то же самое и приходит к тому же выводу, только ему все равно, сколько людей у Зобатого поляжет за этот холм в грязь. А вот ему, Зобатому, не все равно. А с каких-то пор, может, еще не равней. Черствый со своими молодцами выбрались из реки, их замыкающие втянулись под побуревшие яблони между отлогим берегом и подножием холма. Не иначе, идут к Деткам.

Меж Героями показался Йон, запыхавшийся на подъеме, с большущей охапкой хвороста.

– Побродить пришлось, но вот насобирал... Что?

– К оружию! – рявкнул Брек.

– Черствый вернулся! – в тон ему добавил Атрок.

– Дерьмо!

Йон кучей бросил хворост, чуть на него не упав, и кинулся за снаряжением. «Ох уж этот клич, – подумалось Зобатому, – всякий раз сердце ёкает». Но такова доля вождя. Хочешь жребий полегче – ступай в плотники: риску там от силы отсеченный по неосторожности палец, но уж никак не жизнь товарища. Всю свою бытность воином Зобатый придерживался понятий о том, как надо поступать, даром что они устаревали. Принимаешь ту или иную сторону, находишь вождя, обзаводишься нужными людьми и тогда уже держишься за них, куда бы ни склонялась чаша весов. В свое время он стоял за Тридуба, пока того не сразил Девять Смертей. Потом Зобатый стал служить Бетоду и был с ним до конца. Теперь вот сражался за Черного Доу, который велел во что бы то ни стало удерживать этот холм. Такая уж у воина планида. Приходит время, когда надо бросить руны, и в бой. Это единственно верное, что остается.

– Единственно верное, – процедил он сам себе.

А может, это сделал тот, кто все еще жил в нем под наслоением тревог, брюзжания и пустых грез о всяких там закатах; тот остроглазый ублюдок, что скорее пустил бы кровь всему Северу, чем отступил хоть на шаг; тот самый, что застрял у всех в зобу.

– К оружию! – прорычал он. – Шевелись! К бою!

Едва ли стоит напоминать, что вождю надо брать не только руками, но еще и горлом. Йон рылся по выюкам, спешно доставая себе кольчугу, а Бреку панцирь. По другую сторону готовил к бою копьё Скорри: напевая под нос, он стаскивал чехол из пропитанной мешковины с блестящего острия. Чудесница споро натягивала на лук тетиву, напевно тенькающую под сильными пальцами. Жужело все так же недвижно, сведя перед собой ладони, склонялся с закрытыми глазами над Отцом Мечей.

– Вождь, – Скорри кинул вождю меч на обшарпанном поясе.

– Благодарю, – сказал Зобатый.

Хотя на деле благодарности особо не чувствовал. Застегивал пояс, а в памяти вереницей проносились иные времена – яркие, лихие. А еще иной отряд, давно канувший в грязь, развеявшийся в прах. Мертвые, что это, как не близкая старость.

Дрофд с минуту растерянно озирался, то смыкая, то размыкая руки, пока не получил тумака от проходящей мимо Чудесницы; тогда он взялся неверными пальцами перебирать в колчане дротики.

– А ну, вождь, – Чудесница подала Зобатому щит.

Рука скользнула в лямку, кулак сжал ручку – все это привычно, как разношенный башмак на ноге.

– Спасибо.

Зобатый поглядел на Трясучку, который, скрестив руки на груди, наблюдал, как дюжина изготавливается к бою.

– Ну а ты, парень? В передний ряд?

Трясучка усмехнулся. Улыбка вышла кривой из-за шрама.

– Хоть передний, хоть какой, – сказал он и отошел к кострищу.

– Можно его прикончить, – жарким шепотом сказала Чудесница Зобатому на ухо. – Ну и что, что он весь из себя спесивый. Стрелу в шею, и готово.

– Он же здесь всего лишь с посланием.

– Ну так пристрелить этого посланника к чертям, не хороша разве мысль? – только наполовину в шутку сказала подручная. – Зато обратно везти послание некому будет.

– Здесь он или нет, у нас одна забота: удерживать Героев. Воинство мы или кто? Подумаешь, драчка – ничего, не обделаемся.

На этих словах Зобатый чуть не поперхнулся: сам-то он обдывался постоянно, особенно в запале боя.

– Драчка, говоришь? – зло переспросила Чудесница, вынув и затолкнув обратно в ножны тесак. – Это трое-то к одному? Да и так ли он нам нужен, этот бугор?

– И не трое к одному, а скорее два с половиной, – заметил Зобатый.

Как будто это меняло дело.

– Если подступит Союз, холм этот – ключ ко всей долине, – добавил он, убеждая больше себя, чем Чудесницу. – Так что лучше постоять за него сейчас, пока мы наверху, чем сдать, а потом пытаться отвоевать обратно. Так что решение это единственно верное.

Видя, что остроязыкая спутница открыла рот, Зобатый вскинул руку, пресекая возражения:

– Единственно! Верное!

– Ну, как знаешь, – строптиво выдохнула Чудесница, до боли стискивая ему руку. – Биться так биться.

И отошла, зубами натягивая на предплечье щиток.

– А ну готовьтесь, лежебоки! К бою!

Атрок с Агриком – оба в шлемах, – с рычанием лупились щитами, нагнетая друг в друга боевой дух. Скорри, копьё используя как подпорку, откалывал ножом ломтики громовухи и отправлял в рот. Наконец-то встал с земли Жужело и, по-прежнему не открывая глаз, улыбался голубому небу и ласковому солнышку. Подготовка к бою ограничилась у него скидыванием плаща.

– Без доспеха, – укорил его Йон, который помогал Бреку влезть в панцирь. – Тоже мне, черт тебя дерит, герой выискался. Хоть бы нагрудник, дурак, одел.

– Доспех, нагрудник, – вслух медитировал Жужело, пальцем бережно оттирая с рукояти меча пятнышко, – все это часть состояния ума, в котором человек принимает возможность... быть пораженным.

– Какого х-хера! – выдохнул Йон, рывком затягивая на Бреке ремни – тот аж крикнул. – Что ты несешь?

Чудесница похлопала Жужело по плечу и прислонилась к нему, картинно согнув и поставив на носок ногу.

– И сколько лет ты дожидаешься смысла от этого вот чудила? Да он же бредит наяву.

– Мы все тут, разрази гром, бредим, о женщина! – высказался Брек, раскрасневшийся от втягивания живота и ожидания, когда Йон наконец застегнет ему на спине пряжки. – Иначе зачем нам биться за какой-то холм с грудой старых камней?

– У войны с безумием много общего, – философски, но не очень разборчиво заметил жующий Скорри.

Йон наконец справился с последней пряжкой и выпрямил руки, чтобы Брек натянул на него кольчугу.

– Бредить-то ты бредишь, а напяливать доспехи, черт возьми, не забываешь.

Воинство Черствого миновало сады. Здесь от остальных отмежевались две тройки – одна отправилась на запад вдоль подножия холма, другая на север. Понятно, обходят с флангов. Дрофд выпученными глазами следил то за их продвижением, то за приготовлением своих к схватке.

– И как только они могут шутить? Отпускать эти чертовы остроты?

– Каждый человек изыскивает храбрость по-своему, – пояснил Зобатый.

Хотя, раздавая советы новичкам, он не становился храбрее. Он ухватил Дрофда за руку и крепко сжал.

– Просто дыши, парень.

Дрофд судорожно, со всхлипом вдохнул и протяжно выдохнул.

– А и вправду, вождь. Дышать.

– Ну что! – Зобатый обернулся к остальным. – Две тройки обходят нас с флангов, ну и еще десяток с небольшим идет в лоб.

Точное число он упустил, наверное, надеясь таким образом скрыть отнюдь не выигрышное соотношение сил. Возможно, и от себя самого.

– Атрок, Агрик, Чудесница, выдвигайтесь вперед на расстояние выстрела. Дрофд, ты иди тоже, будешь пускать стрелы, пока неприятель взбирается на подъем и растягивается по склону. Как только они приблизятся к камням, набрасываемся.

Дрофд шумно сглотнул. Мысль о броске его не вдохновляла. Мертвым ведомо, Зобатый и сам с куда большим удовольствием провел бы день за иным занятием.

– Сомкнуться вокруг нас кольцом у них не хватит численности, да и высота за нас. Мы можем выбирать, кого из них первым бить наповал. При удаче можно их сломить и обратить вспять, пока они не взобрались, ну а если следующая горстка все же осмелится напасть, сразимся и с ней.

– Бить наповал! – прорычал Йон, поочередно обменявшись со всеми рукопожатиями.

– Ждем мой клич и кидаемся сообща.

– Сообща! – Чудесница со шлепком стиснула ладонь Легкоступу, а другой рукой ткнула его в предплечье.

– Я, Трясучка, Брек и Йон будем и за перед и за центр.

– Есть, вождь, – отозвался Брек, все еще возясь с кольчугой Йона.

– Да ну тебя! – Йон, нетерпеливо поигрывая топором, вырвался у Брека из рук.

Трясучка с нехорошей ухмылкой высунул язык.

– Затем Атрок и Агрик откатываются по флангам.

– Есть! – грянули оба в унисон.

– Скорри, если кто раньше времени будет закруглять фланг, ткни, чтоб не спешил. Когда мы сомкнемся, будешь драться с тыла.

Тот в ответ что-то промычал – словом, расслышал.

– А ты, Жужело, будешь у нас орех в скорлупе.

– Сравнение неудачное, – заунывно сказал аскет и высоко поднял прислоненный к камню Отец Мечей, тот засиял на солнце. – Я как бы... это... ну как его... чудная по нежности часть между орехом и скорлупой.

– Чудная-юдная, – буркнула Чудесница.

– Уж какой там частью себя ни назови, – махнул рукой Зобатый, – только будь на месте, когда орех расколется.

– А я никуда не денусь, пока вы не предъявите мне мою судьбу, – Жужело, откинув капюшон, поскреб вспотевшие волосы, – в точности как обещала Шоглиг.

– Скорей бы дожидаться, – вздохнул Зобатый. – Вопросы есть?

В ответ лишь шевеление травы под ветром, хлопки ладоней и довольное кряхтение Брека, совладавшего наконец с застежками кольчуги Йона.

– Вот и хорошо. А то повторить все это сызнова у меня вряд ли получится. Знайте, для меня честь биться плечом к плечу с вами. Как и таскаться с вами по всем погодам и непогодам, по дорогам и бездорожьям Севера. Главное, помните, что сказал мне однажды Рудда Тридуба: давайте порешим мы их, а не наоборот!

Чудесница широко улыбнулась:

– Лучший, черт возьми, совет о войне, какой мне доводилось слышать.

Между тем подступало основное воинство Черствого, всем скопом – неспешно, с расстановкой, вверх по длинному склону в сторону Деток. Уже не точки, далеко не точки. И не мураши, а люди, влекомые целью; блики играли на заостренном металле.

Сзади на плечо Зобатому легла тяжелая рука; от неожиданности он чуть не подскочил, но это оказался всего лишь Йон.

– Одно словцо, вождь.

– Какое именно? – спросил Зобатый, хотя ответ знал заранее.

– Да как обычно. Если мне суждено погибнуть...

Зобатый кивнул, спеша его прервать:

– Я разыщу твоих сыновей и отдам твою долю.

– И?

– И расскажу, каким ты был.

– Точно все?

– Точно все.

– Хорошо. Только без прикрас, а то знаю я тебя, старый лиходея.

Зобатый махнул на заношенный плащ.

– Когда ты последний раз видел, чтобы я приукрашал хотя бы себя?

На губах Йона мелькнула улыбка.

– Что правда, то правда, вождь: давненько.

Он отошел, оставив Зобатого размышлять, кто и что будет наказывать, когда в грязь отправится он сам? Ведь его семья, в сущности, здесь.

– Парламентеры, – оповестила Чудесница.

Оставив своих людей у Деток, по травянистому склону взбирался Черствый – безоружный, с открытой улыбкой, обращенной к Героям. Зобатый вынул меч, ощутив в руке пугающий и обнадеживающий вес, а еще остроту от ежедневной обработки точилом добрых полтора десятка лет. Жизнь и смерть длиною в локоть металла.

– Что, сразу росту прибавляет? – с ухмылкой спросил Трясучка, вращая топор – зловещего вида изделие с тяжелой, клепаной острыми клепками рукоятью и тускло поблескивающим, в зазубринах лезвием. – Мужчина всегда должен иметь при себе оружие, хотя бы для ощущения.

– Невооруженный мужчина – все равно что дом без кровли, – бросил Йон.

– И тот, и другой в конце начинают протекать, – докончил за него Брек.

Черствый благоразумно остановился вне досягаемости стрелы, по колено в траве.

– Э-ге-гей, Зобатый! Ты, никак, все еще там?

– Увы, да.

– И хорошо ли спится?

– С пуховой подушкой было бы лучше. Ты мне, случайно, не захватил?

– Эх, жаль, не догадался, хоть свою отдавай. Трясучка там не у тебя?

– Точно, у меня. Да еще две дюжины карлов с собой привел.

Зобатый брякнул это так, на всякий случай, но Черствый лишь заулыбался.

– Добрая хитрость, но неудачная. Никого там у него нет. Давненько не виделись, Трясучка! Как ты там?

Трясучка лишь пожал плечами.

– Во как, – поднял брови Черствый. – Всего-то?

Еще одно пожатие плеч. Казалось, упади само небо, Трясучка и бровью не поведет.

– Ну как знаешь. Слышь, Зобатый, как поступим? Вернешь обратно мой холм?

Зобатый плотнее обхватил рукоять меча, чувствуя, как горят вокруг ногтей обгрызенные заусенцы.

– Да я бы, пожалуй, еще денек-другой тут посидел.

Черствый нахмурился. Такой ответ ему слышать не хотелось.

– Послушай, Зобатый, ты мне давеча дал возможность уйти, и вот теперь я плачу тебе тем же. По справедливости: честь по чести, добром за добро. Но ты, наверно, обратил внимание, что со мной нынче с утра подошел кое-кто из друзей, – он ткнул пальцем в сторону Деток. – А потому спрашиваю еще раз: отдашь мой холм?

Последняя возможность. Зобатый, со стоном вздохнув, прокричал:

– Боюсь, что нет, Черствый! Придется, видно, тебе сюда подниматься и его у меня отнимать!

– Вас там сколько наверху – девять? Против двух дюжин?

– Ничего, и не такое выстаивали!

Хотя, сказать по правде, столь скверного расклада Зобатый не припоминал.

– Раком выстаивали, что ли? Так это смотря под кем стоять! – Черствый, опомнившись, сменил тон с гневного на взвешенный. – Послушай, ну зачем нам этот раздрай! Ведь мы...

– Так ведь мы воюем! – Зобатый запоздало спохватился, что последнее слово вырвалось с большей ожесточенностью, чем он рассчитывал.

Даже на расстоянии было заметно, что улыбка сошла у Черствого с лица.

– Ну, будь по-твоему. Я-то думал, ты воспользуешься возможностью, которую сам мне давал. Только и всего.

– Спасибо, ценю. Весьма любезно с твоей стороны. Но уйти не могу.

– Стыд-позор, со всех сторон.

– Эйе. Так уж выходит.

Черствый набрал воздуха в грудь, вроде как собираясь что-то сказать, но молча замер. То же самое сделал и Зобатый. А за ним его воинство, глядя с вершины холма. И люди Черствого, вззирающие на холм снизу. На Героях воцарилась тишина, которую нарушали лишь дыхание ветра, беспечный щебет птиц да жужжание пчел. Хрупкий миг затишья перед беспощадной схваткой. Вот Черствый закрыл рот и, повернувшись, зашагал по крутому склону к Деткам.

– Я могла его пристрелить, – пробормотала Чудесница.

– Знаю, что могла, – кивнул Зобатый. – А ты знала, что пустить стрелу не сможешь.

– Знала. Я так, к слову.

– Может, он сейчас подумает-подумает да передумает, – сказал Брек без особой, впрочем, уверенности.

– Уже нет. Ему все это по душе не больше, чем нам, но на попятную он уже раз пошел.

И людей у него теперь больше.

Последнее Зобатый произнес чуть ли не шепотом.

– Так что надеяться не приходится.

Черствый дошел до Деток и исчез среди камней.

– Всем, у кого нет луков, отойти назад к Героям и ждать.

Затишье тянулось нестерпимо долго. Притупившаяся было боль в колене у Зобатого опять давала о себе знать. Сзади доносились разгоряченные голоса: Брек с Йоном, согласовав линию обороны, спорили о пустяках. Неприятель не показывался. Война большей частью состоит из скуки, а порой из ужаса, от которого можно обосраться. Зобатый не мог отделаться от ощущения, что такой момент сейчас настанет; можно сказать, грянет с высоты.

Агрик воткнул возле себя в землю несколько стрел, их оперение затрепетало, как болотный камыш. Сам Агрик покачивался на каблуках, почесывая скулу.

– Может, он до темноты ждать будет?

– Не будет. Если ему прислали людей, значит, этот холм нужен Ищейке. То есть Союзу. Он не станет рисковать – вдруг к нам до вечера подойдет подмога.

– Значит... – замер в нерешительности Дрофд.

– Значит, сейчас двинутся.

Словно по воле злого рока, стоило Зобатому сказать «сейчас», как из тени Деток выступили люди. Они на ходу построились в два четких ряда: впереди стена в дюжину щитов, за ней поблескивают копыя второго ряда, а по бокам, под защитой щитов, – лучники.

– Старая школа, – определила Чудесница, закладывая стрелу.

– А чего еще ожидать от Черствого. Он сам старая школа.

Собственно, как и Зобатый. Два старых дуралея-недобитка, чудом уцелевшие в прежние времена, собираются порвать друг друга в клочья. А что, и правильно. Старый конь борозды хоть и не выправит, но и не испортит – вспашет как надо. Зобатый огляделся, пытаясь высмотреть две тройки, что отделились от всех. Пока ни одной не видно. Ползут, наверное, в высокой траве или затаились, выжидая.

Агрик, насупясь, натянул тетиву.

– Когда надо будет пускать стрелу?

– Как только сможешь во что-нибудь попасть.

– В кого именно?

– А в любого, кого можешь снять.

Наверно, лучше сказать прямо, назвать вещи своими именами:

– В любого, кого можешь убить.

– Сделаю, что могу.

– А не сможешь, мне только в радость.

– И то ладно.

Агрик пустил стрелу, в основном пристрелки ради. Она порхнула над головами идущих на приступ; те нестройно пригнулись. Первая стрела Чудесницы звонко впилась в чей-то щит; от неожиданного удара человек завалился, порушив всю стену. Впрочем, она и так держалась непрочно, как ни старался Черствый. Кто-то по этой чертовой крутизне взбирался проворней, кто-то отставал. Дрофд тоже выстрелил – его стрела прошла безнадежно высоко и затерялась где-то на подлете к Деткам.

– Черт! – ругнулся юнец, нетерпеливой дрожащей рукой вытаскивая другую стрелу.

– Полегче, Дрофд, полегче, – дал совет Зобатый. – Дыши.

Хотя дыхание не так уж легко давалось ему самому. До стрел Зобатому дела не было. Сложно предугадать, а тем более заметить, как и когда они посыплются на тебя с неба. Не очень-то страшные на вид, на кончике они вполне могут нести смерть. Зобатому вспомнилось, как он видел их целую тучу, они сыпались на их ряды под Иневардом, будто град или стая рассерженных птиц. И бежать от них некуда. Оставалось лишь уповать. Вот сейчас одна словно парила навстречу, и Зобатый отошел за ближайшего Героя, прикрывшись щитом. Невесело наблюдать, как эти тростинки, кренясь, несутся вниз, и прикидывать, не подхватит ли какую-нибудь из них в последнее мгновение ветер, и напрямик в тебя. Эта вот чиркнула о камень и безобидно отлетела в сторону.

Человек, ее пославший, опустился на одно колено, возясь с колчаном, а заграждение из щитов продвинулось дальше по склону. В живот ему угодила стрела Атрока. Рот у человека широко открылся, вынутая из колчана стрела выпала из рук, а секунду спустя донесся вопль, переходящий в вой. Возможно, этот крик означал для обороняющихся некоторое улучшение расклада, но все равно был неприятен на слух. Зобатому не хотелось бы вскоре самому так вот завывать.

Стена из щитов дрогнула, из-за нее выглядывали люди, прикидывая, оказать ли товарищу помощь или продолжать натиск, или же гадая, кто будет следующим. Черствый выкрикивал приказы, понукал, выравнивал ряд, но тут над самыми головами штурмующих пронеслась стрела Чудесницы, отчего строй опять сломался. У людей Зобатого союзницей была высота, они могли стрелять сверху быстро и по прямой. Людям Черствого приходилось пускать стрелы вверх по дуге, где их неминуемо разметывал ветер. Хотя это еще ничего не значит. Исход боя решают не стрелы.

Зобатый дал Дрофду выпустить еще одну стрелу, после чего схватил за руку:

– А ну назад к остальным.

Паренек рывком обернулся; вид такой, будто сейчас завопит. Не иначе, ярость битвы. Никогда не знаешь наперед, кого она обуревает, кого нет. Безумный страх и безумная храб-

рость – два листка одной крапивы, оба одинаково жгучие; честно говоря, лучше, когда к тебе не пристаёт ни тот, ни другой. Зобатый впился пальцами Дрофду в плечо и подтащил к себе.

– Я сказал, дуй к остальным!

Дрофд сглотнул. Сморгнул. Ручища Зобатого словно вернула его к действительности.

– Понял, вождь.

Согнувшись пополам, он стал пробираться между камнями.

– Отходи, когда почувешь, что пора! – крикнул Зобатый Чудеснице. – Не заигрывайся!

– Заигрываются с хреном! – огрызнулась она, накладывая очередную стрелу.

Зобатый отступал, поглядывая, не летят ли стрелы, миновал камни и припустил через полянку, глупо радуясь паре минут защищенности и чувствуя себя из-за этого трусом.

– Они на... Ы!

Что-то ухватило его за ступню; ногу пронзила боль от подвернутой лодыжки. Остаток пути Зобатый прохромал с ощеренными зубами и так ввалился в расположение своей дюжины.

– Ох уж эти кроличьи норы, – прошелестел Трясучка.

Зобатый не успел собраться с ответом, как между двух Героев, размахивая луком, пробежала Чудесница.

– Они миновали стену! Еще одного гада успела снять!

Следом торопился Агрик. Щит он смахнул со спины на руку. Сзади по дуге прилетела стрела и воткнулась в почву у самых его ног.

– Остальные идут!

Снизу доносились крики, по-прежнему голосил проткнутый лучник; ветер странным образом перемешивал звуки.

– А ну разберись! – ревел запыхавшийся Черствый. – Не нарушать порядок!

Похоже, стремительный подъем их порядком измотал; одни все еще перли вперед, другие отставали, из чего можно сделать вывод – люди не обучены сражаться в строю. Дюжине Зобатого это давало преимущество – уж сколько лет вместе, будто целые века. Зобатый глянул через плечо; ему подмигнул дожевывающий громовуху Скорри. Старые друзья, больше чем братья. Жужело вынул из ножен меч – длиннющую серую лопасть, тускловатую даже на солнце. Как там, он сказал, выпали руны: быть крови? Что ж, вопрос в том, чьей. Это просквозило во встретившихся взглядах боевых друзей, без всяких никчемных слов. На краю их скромного рядка, в тени щита Атрока опустилась на одно колено Чудесница, положить на лук стрелу. Дюжина Зобатого в своем всегдашнем боевом порядке, можно сказать, готова.

Вот кто-то вышел, вернее, выполз из-за глыбы. На щите у него что-то когда-то было, наверное, намалевано, но война и непогода обошлись с ним так, что рисунка не разобрать. В шлеме и при мече, человек во враги годился с большой натяжкой. Вид полностью измотанный, рот по-рыбьи хватает воздух после долгого подъема. Он стоял, уставясь на них, а они на него. Зобатый чувствовал, как рядом собрался перед прыжком Йон, как скрежетнул зубами Трясучка, утробно рыкнул Брек; как напряжение одного, передаваясь, мучительно отзывалось в порыве другого.

– С-стоим, – прошипел Зобатый, – с-стоим.

Временами самое трудное, поистине невыносимое, это как раз стоять и не двигаться. Люди для этого не созданы. Им надо бросаться в драку или наутек, но главное – непременно двигаться, нестись, вопить.

А приходится ждать. Выждать нужный момент – это всё.

Объявился еще один солдат Черствого – коленки согнуты, пялится поверх щита. А на щите изображена рыба, как попало. Может, его так и кличут, Рыбкой. Зобатый едва сдержал неуместный смех.

Надо быстрее. Использовать преимущество, ловить их на склоне, сбивать, ломить встречным натиском. И миг для начала атаки должен был вычислить он. Как будто он, Зобатый, один

знал все за всех. Время сделалось вязким, растянулось, наполнилось множеством второстепенных деталей. Свербило в горле. Ветерок щекотал волоски на руке. Травинки шевелились на ветру. Во рту пересохло так, что и непонятно, как выкрикнуть команду даже тогда, когда верный момент настанет. Тут Дрофд ни с того ни с сего пустил стрелу, и двое впереди пригнулись. Но щелчок тетивы подействовал так, что Зобатый словно сам сорвался с пружины и, не успев толком понять, действительно ли этот момент подходящий, разразился громовым ревом – не словами даже, – но вся его дюжина уловила суть и, как свора гончих с поводка, рванулась вперед. Теперь всё, не удержать. А может, между одним мгновением и другим не такая уж большая разница.

Вот ноги стучат по земле. Клацают на ходу зубы, напоминает о себе больное колено. И неважно, а вдруг впереди еще одна кроличья нора, из-за которой можно ненароком распластаться. И где те шестеро, что шли в обход. И что, может, следовало отступить. И кто эти двое болванов – уже трое, – и что у них на уме. И что он будет сочинять сыновьям Йона.

Остальные поспевали нога в ногу – щиты поскребывают друг о друга, плечи почти впритирку. Весельчак Йон с одной стороны, Трясучка с другой. Он сам здесь, пожалуй, слабое звено. А вообще нечего растекаться мыслью по древу.

Парни Черствого шли не совсем уверенно, шатаясь, старались отдышаться на подходе к камням. Йон испустил боевой клич – высокий, пронзительный, – к нему присоединились Атрок с братом, а там уже пошел скрежет и вой, топот башмаков по замшелому дерну – земле, где люди некогда, еще во время Оно возносили, вероятно, молитвы. Молились о лучших временах. В груди у Зобатого горели ужас и ликование битвы; жгучий ком подкатывал к горлу. Люди Черствого – ломаная линия щитов, невнятно поблескивающее между ними оружие. Вот они еще между камней, а вот уже перед ними.

– Круши! – рявкнул Зобатый.

Вместе с Йоном он подался налево, Трясучка с Бреком направо, пропуская Жужело с его демоническими взвизгами. Краем глаза Зобатый заметил, как округлились глаза и отвисла челюсть у кого-то из штурмующих. Сам по себе человек не бывает ни храбр, ни робок. Все зависит от того, какой расклад. Кто стоит рядом, надо или нет вначале взбираться под стрелами на какую-то там хренову крутизну. Этого парня увиденное заставило присесть и пригнуться под щитом, на который миг спустя обрушился Отец Мечей; да что там меч – утес, заточенный до остроты бритвы. Скрежетнул металл, брызнуло дерево и плоть. В ушах у Зобатого шумела кровь. Он крутнулся, увертываясь от удара копья, рубанул мечом – тот отскочил от чужого щита, – надал еще раз щитом о щит так, что хрустнула кость, а противник опрокинулся и покатился вниз по склону.

Вон он Черствый, седые космы ниспадают на лицо. Вот он резко взмахнул мечом, но Жужело оказался проворней и с непостижимой ловкостью двинул гардой меча ему прямо в рот, отчего Черствяк закинул голову и грянулся на спину. Но у Зобатого свои заботы. На него вовсю наседала какая-то образина – разинутый рот шире ворот, обдающий кислой вонью. Для нужного замаха слишком тесно. Зобатый оттеснил противника щитом на покатый склон. Атрок рубанул по чьему-то щиту топором, получил ответный удар. Зобатый примерился и нанес удар, но локоть угодил на древко вражеского копья, и удар пришелся вскользь и плашмя. Кто-то с дружеской ласковостью тронул Зобатого за плечо: в драку вмешался Жужело. Отец Мечей закружился, сливаясь в радужное сияние, в стороны с криками разлетались люди. Кто-то, к несчастью для себя, под него угодил – племянник Черствого.

– Э...

И вот его уже почти двое; точнее, один пополам. Рука с плечом улетели в воздух, тело перевернулось и шлепнулось на подогнувшихся ногах. Длиннющее лезвие с влажным присвистом вынырнуло из веера брызг, льдиной в теплую погоду, окропив лицо Зобатого, который с резким выдохом сокрушил чей-то щит, сжав зубы так, что казалось, они треснут. При этом он

что-то еще и рычал, непонятно что; на лицо сыпались мелкие щепки. Боковым зрением заметив движение, Зобатый вскинул щит, почувствовал глухой удар, край щита заехал в челюсть, да так, что Зобатый качнулся, рука отнялась. Взметнулся клинок, черный на фоне яркого неба, и ударился о клинок Зобатого. Под скрежет металла Зобатый с противником, натужно сипя, сверлили друг друга взглядами. Кто это, Ютлан? Хотя какой Ютлан, он уж сколько лет как в земле. На неровной поверхности – одна нога выше, другая ниже, – особенно горело колено, жгло легкие. Неужто не устоять? Оловянный блеск глаза Трясучки, ловкий мах топором, и череп у Ютлана лопается, а на щит Зобатого стреляет сгусток темной жижи. Оттолкнутый щитом труп катится по траве. Рядом раскалывает чей-то доспех Отец Мечей – больно попадая по руке, летят во все стороны гнутые кольца кольчуги. Стук и лязг, скрежет и дребезг, вопли и шипение, треск и глухие удары, вой и рев, как на бойне. А Скорри что, неужто напевает? Что-то метнулось Зобатому в лицо – по щеке и в глаз, – он едва успел отдернуть голову. Кровь, лезвие клинка, грязь, непонятно что косо нахлынуло, и Зобатый упал на локоть, попутно кое-как отбив щитом копье, которым саданул в него орущий солдат с родимым пятном на щеке. Вставать, немедленно вставать. Нападающему в плечо угодило копье Скорри, вражья рука повисла плетью.

Лицо Чудесницы всё в крови, непонятно, в своей или чужой, или и то, и другое. Трясучка хохочет, кованой кромкой щита врезав кому-то по зубам. Хруст, увечье, гибель. Кричит Йон, воздевая и обрушивая топор. Вон карабкается Дрофд – рука окровавлена, на спине болтаются обломки лука. Кто-то кинулся на него с копьем, но на пути успел встать Зобатый и, рывкнув так, что у самого голова пошла кругом, махнул мечом. Полетели окровавленные, взлохмаченные лоскуты ткани и кожи. Копье выпало у атакующего из рук; он протяжно закричал. Еще один взмах, и тело грянулось наземь, а рука в рукаве отлетела в сторону, темным росчерком брызг на облачно-белом фоне.

Кто-то ринулся бежать. Мимо, не задев беглеца, пролетела стрела. Зобатый бросился наперерез, но нехотая наскочил на локоть Агрика, поскользнулся и шлепнулся. Меч воткнулся в землю, а Зобатый остался открытым. Но беглец даже не обратил на это внимания, а понесся по склону вниз, еще и откинув щит, который, подпрыгивая, покатился следом. Зобатый выдернул меч из земли, прихватив при этом пучок травы, и думал с ходу на кого-то наброситься, но вовремя остановился. Рядом, сжимая копье, стоял Скорри. А воинство Черствого всем скопом бежало – во всяком случае те, кто остался жив. Когда люди ломаются, они ломаются все разом, как стена или ухающий в воду утес.

Сломлены. Вон, кажется, и Черствый ковыляет следом, с окровавленным ртом. Зобатый раздваивался между желанием дать старому негодяю уйти и, наоборот, нагнать его и прикончить.

– Сзади! Сзади!

Он, спотыкаясь, обернулся, пронизанный мутным страхом, и с трудом различил людей между камнями. Силуэты были почти не видны: солнечные блики слепили. Послышались вопли, звон металла. Зобатый поймал себя на том, что бежит обратно, с онемелой рукой, задевая щитом камни. В груди саднило. Зобатый, кашляя и сипя, продолжал бежать.

У костра со стрелой в боку лежала околевшая выючная лошадь. А вон щит с красной птицей, клинок вздымается и падает. Чудесница выпустила стрелу, но промахнулась. Красная Ворона повернулся и побежал; за ним, выстрелив напоследок в Чудесницу, заспешил лучник. Стрела летела по дуге. Зобатый шагнул навстречу, глазами отслеживая ее полет, и ловко отразил щитом; ткнув, она отлетела в высокую траву. Нападавшие скрылись.

Недалеко от костра стоял и пристально смотрел на что-то Агрик; в одной руке шлем, в другой топор. Лучше бы не знать, на что он там смотрит, хотя и так понятно. С поля боя, шурша травой и волоча окровавленные ноги, уползает кто-то из людей Черствого. Вот туда подошел Трясучка и, недолго думая, раскроил ему череп обухом топора – не наотмашь, а в

самый аккурат. Чисто. Истинный умелец, с опытом. Но кто-то где-то по-прежнему вопил. А может, это кажется, а на самом деле не более чем дыхание выходит из горла. Моргая, Зобатый огляделся. Как так, черт побери, вышло, что они здесь удержались? Он тряхнул головой, словно мог вытрясти из нее ответ. Но от этого лишь сильнее разболелась ушибленная челюсть.

– Ногой пошевелить можешь? – примостившись на корточках возле Брека, спрашивал Скорри.

Брек сидел на земле, держась окровавленной рукой за массивное бедро.

– Да пошевелить-то, драть его лети, могу. Только, пададь, чертовски больно!

Зобатый был липким от пота; кожу жгло, все нестерпимо чесалось. Челюсть там, где припечатало щитом, тяжело пульсировала; то же самое и рука. По-прежнему жаловались на жизнь колено и лодыжка, но в целом он остался невредим. В самом деле. И как это так? Удивительно. Боевой пыл быстро сменялся крупной дрожью – можно сказать, тряской – рук и ног, как у какого-нибудь новорожденного теленка; перед глазами плыло. Как будто он использовал всю, до последнего грошика, взятую в займы силу, и теперь приходилось рассчитывать с процентом. Зобатый сделал несколько шагов к пепелищу костра и мертвой выючной лошади. А где же кони, что под седлом? Ушли, или их свели. Или издохли. Зобатый сел на задницу посреди Героев.

– Ты как, ничего?

Над ним стоял Жужело, опираясь на гарду длиннющего, в брызгах и потеках меча. Брызгах и потеках крови, разумеется. Если уж Отец Мечей вынимается из ножен, то его полагается окропить.

– А?

– Да ничего.

Пальцы Зобатого так сжимали перевязь меча, что он не сразу их разжал, а разжав, не сразу вспомнил, как высвободить руку. Наконец он уронил щит с сотней старых отметин и несколькими свежими вмятинами в траву.

Короткие волосы Чудесницы напитались кровью.

– Чего там у меня? – спросила она, отирая запястьем глаза. – Порезало, что ли?

– Царапина, – сказал Скорри, большим пальцем ощупывая ее макушку.

Рядом с Чудесницей раскачивался взад-вперед на коленях Дроф, нянча руку, заляпанную запекшейся кровью.

Солнце светило прямо в глаза; Зобатый невольно щурился. Слышно было, как у камней разоряется Йон, орет во всю мочь на Черствого и его молодцов:

– Ну давайте, давайте, возвращайтесь, вы, бздуну херовы! Пададь вонючая! Труссы!

Что уж в этом такого. Человек сам по себе трус. Трус и герой одновременно. Смотря как все складывается. Они не возвратятся. Как-никак оставили здесь восемь трупов, не меньше. Нет, не вернутся. Впору помолиться, чтобы этого не произошло.

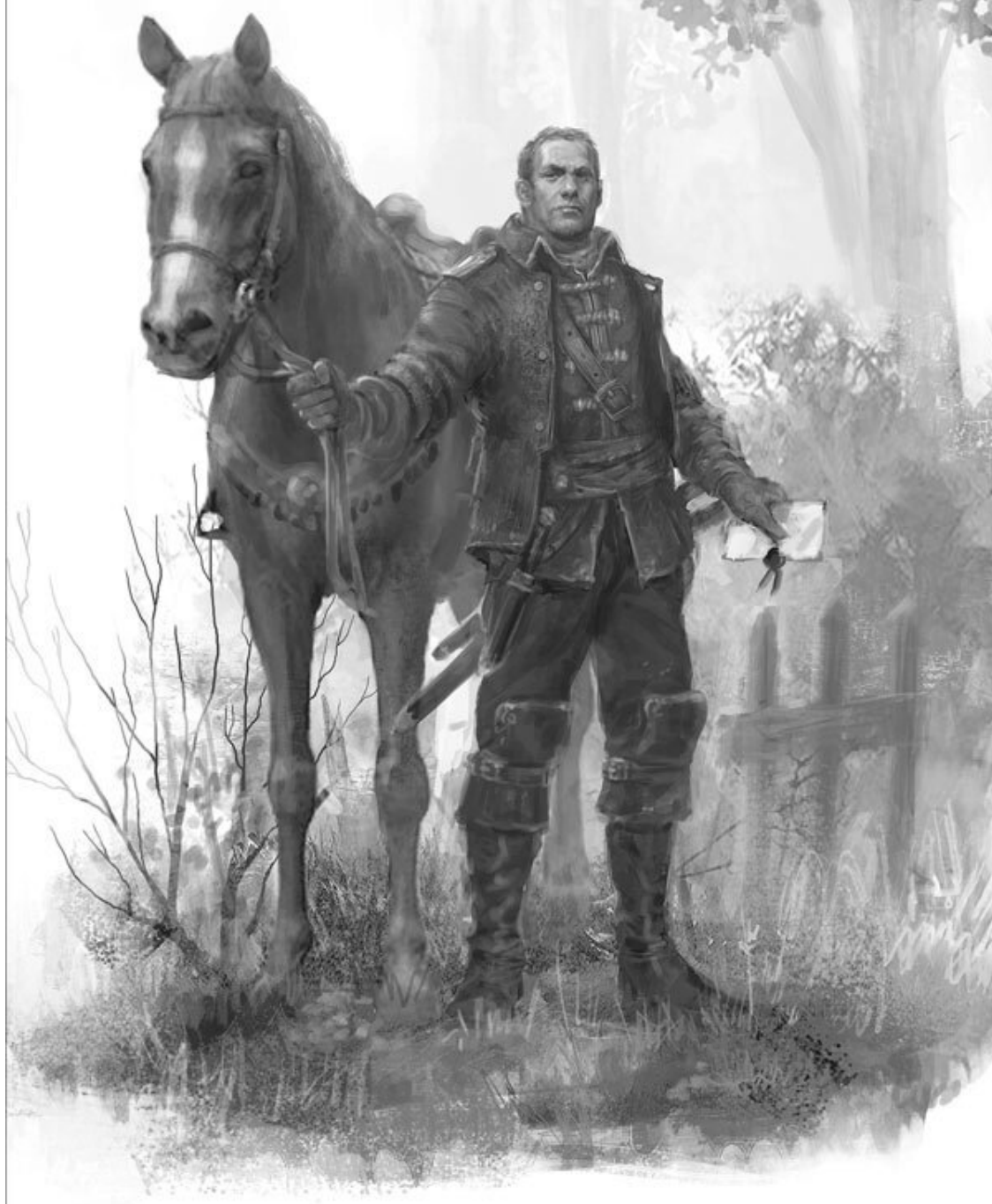
Скорри напевал задумчиво, тихо и печально. Достав из сумы иглу и нитку, он занимался штопкой. После боя веселых песен не поют. Бойкие напевы, слушать которые лучше перед боем, на фоне правды звучат как-то фальшиво.

Зобатый думал о том, как все же хорошо они вышли из переделки. Очень хорошо. Всего один убитый. Он глянул на Атрока – обмякшее лицо, неестественно скошенные глаза, изрубленный топором Красной Вороны кожаный камзол, мокрый от крови, – и ему сделалось тошно. Это останется, останется навсегда, и с ним, и с остальными. Всех нас что-нибудь да тянет книзу.

Он лежал на траве и смотрел, как с отрешенной степенностью плывут в вышине облака. И воспоминания, то одно, то другое. Хороший вождь не может сомневаться в своих решениях. Так говорил Тридуба. Да, но не задумываться о них хороший вождь тоже не может. Решение он принял единственно верное. Быть может. А может, таких и на свете не бывает.

День первый

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

*Разумная армия обратилась бы в бегство.
Монтескьё*

Тишина

Ваше августейшее величество!

Лорд Байяз, первый из магов, передал Ваше требование, чтобы кампанию завершили как можно скорее. Маршал разработал план, по которому Черного Доу вызовут на решающую битву с наискорейшим ее завершением, и вся наша армия гудит верноподданическими настроениями.

Впереди всех выступает дивизия генерала Челенгорма, маршируя от рассвета до заката, а в каких-то нескольких часах за ней следует авангард генерала Миттерика. Существует, я бы сказал, даже некое дружеское соперничество из-за того, кто же первый схватится с врагом. Тем временем из-под Олленсанда отозван лорд-губернатор Мид. Три дивизии сомкнули ряды близ городка под названием Осрунг, вслед за чем совокупными силами погонят врага на север, к самому Карлеону и нашей победе.

Я сопровождаю ставку генерала Челенгорма, находясь на самом острие всей армии. Нам несколько препятствуют состояние дорог и переменчивая погода, солнце внезапно сменяется проливными дождями. Однако генерал не из тех, кого можно остановить кознями небес, а уж тем паче врага. Если мы вступим в столкновение с северянами, то я, разумеется, буду наблюдать и немедленно доложу Вашему величеству об исходе дела.

*Засим остаюсь Вашим преданнейшим и недостойным слугой,
Бремер дан Горст, королевский обозреватель Северной войны.*

Рассветом это можно было назвать с большой натяжкой. Похоронно-серое свечение, а потом на небо всползает блеклое, бесцветное солнце. Люди вокруг словно вымерли или обратились в призраков. Пустынная страна, на глазах становящаяся обителью мертвых. Любимое время суток Горста. «Можно было бы надеяться, что здесь больше никогда не будет слышно людских голосов».

Он бежал почти час, колотя ногами по слякотным колеям от тележных колес. В длинных узких лужах отражались черные ветви деревьев и выпцветшее, словно застиранное небо. Счастливые зеркальные миры, в которых он имел все, чего заслуживал, разлетались под коваными стальными башмаками, разбрызгивая грязную воду. Бегать в полных доспехах – сущее безумие, а потому на Горсте было лишь самое основное. Кираса, латная юбка, стальные поножи на лодыжках. На правой руке защитная накладная у предплечья и фехтовальная перчатка, чтобы свободнее орудовать мечом; на левой сочлененная сталь наибольшей толщины, что облекает парирующую руку от кончиков пальцев до увесистого наплечника. Толстые кожаные штаны, укрепленные металлическими полосами. Ну, и узкая прорезь в забрале шлема – тряское окно в мир.

Какое-то время позади тявкала пегая собачонка с несуразно раздутым брюхом, но отстала, предпочтя заняться большущей мусорной кучей у дороги. «Неужели мусор – это единственное, что останется после того, как мы покинем эту страну? Наш мусор и наши могилы?» Он протопал через лагерь дивизии Челенгорма – растянутый лабиринт палаток, все как одна в безмятежной сонной тишине. Туман льнул к примятой траве, обтекал ближние палатки, а отдаленным придавал легкую призрачность. На Горста хмуро поглядывали лошади с торбами на мордах. В молочном сумраке стоял одинокий часовой, протянув бледные руки к рдеющим углям на жаровне. Вокруг него светляками порхали оранжевые искры. Прогромыхавшее мимо железное чучело он проводил изумленным взглядом и разинутым ртом.

Слуги дожидались на утоптанной полянке позади палатки. Рурген подал Горсту ведро, к которому тот жадно припал; струи холодной воды стекали по разгоряченной шее. Унгер поднес сундук, сгибаясь под тяжестью, и Горст, откинув крышку, вынул тренировочные клинки – здоровенные тупые полосы побитого металла с рукоятями и гардами в полкирпича величиной, для создания видимости баланса, а весом втрое больше боевой стали, которая сама по себе отнюдь не легкая.

Они двинулись на господина в чудесной тишине – Рурген со щитом и палкой, Унгер с торчащим вперед шестом; Горсту же надлежало парировать громоздкими железяками. Слуги не давали ему ни времени, ни возможностей, ни снисхождения; не шла в счет и титулованность. Горсту этого было не нужно. Возможности давались ему перед Сипани, а он позволил себе размякнуть, затупиться. Когда пришло время, он взалкал. Больше такому не бывать. Если время наступит еще раз, он встретит его выкованным из стали, отточенным до безжалостной, убийственной, бритвенной остроты. И вот каждое утро на протяжении последних четырех лет; каждое утро после Сипани; каждое, без перерывов и послаблений, будь то жара, снег или дождь – это.

Звонкий лязг и скрежет дерева о металл. Стук и кряхтение, когда палки отскакивали от доспехов или ему, наоборот, от них доставалось. Ритм неровного дыхания, стучащего сердца, напористых усилий. Пот пропитывал куртку, щипал макушку, слетал каплями с забрала. Горение каждого мускула, все хуже и хуже, все лучше и лучше, как будто он мог сжечь этим свой позор и начать жизнь заново. Затем он безмолвно стоял с закрытыми глазами, ловя воздухом, пока они расстегивали на нем доспехи. Когда они снимали кирасу, впечатление было такое, будто он только что из купальни. Вверх, на небо, чтобы вниз больше никогда не возвращаться. «А что это там наверху, над всей армией? Ба-а, да это же не кто иной, как знаменитый козел отпущения Бремер дан Горст, отрешившийся наконец от тяги к этой грешной земле!»

Он стянул одежду, намокшую и провонявшую потом; руки так отекали, что трудно сгибать. Вот он встал голышом на утреннем холодке, весь в мелких ссадинах, исходящий паром, как запеканка, вынутая из духовки. Резко втянул воздух сквозь зубы, когда его окатили ледяной водой, только что из ручья. Унгер бросил холстину, и Горст растерся досуха. Рурген принес свежую одежду, и он оделся, а слуги оттирали и надраивали доспехи, приводя их в обычный презентабельно-глянцевый вид.

Солнце всползло над горизонтом сквозь клочковатые тучи, и за деревьями Горст различал бойцов Собственного Королевского Первого полка – как они, зябко поживаясь, выбирают из палаток, и дыхание курится в рассветной прохладе. Как они брезгливо влезают в доспехи, с надеждой ворошат угли погасших костров, готовясь к утреннему маршу. Одну группу согнали посмотреть, как будут за какую-то там провинность потчевать плетью их товарища. Вот плетью оставляет красноватые следы на оголенной спине, оханье солдата доносится вовремя, а шелканье плетки почему-то с небольшой задержкой. «Он не сознает своей удачи. Если бы мое наказание было столь кратким, резким и заслуженным».

Боевое оружие Горста изготовлено не кем иным, как Кальвецом, самым именитым оружейником Стирии. Дары короля за спасение его августейшей жизни в битве при Адуе. Рурген вынул из ножен длинный меч и предъявил с обеих сторон: безукоризненно отполированный металл мягко блеснул. Горст кивнул. Следующим слуга показал меч покороче, с холодно сверкнувшими краями. Горст кивнул еще раз, принял и нацепил перевязи с оружием. Положил одну руку на плечо Рургену, другую Унгеру и с улыбкой легонько их пожал. Рурген заговорил негромко, с почтением к тишине:

– Генерал Челенгорм просил, господин, чтобы, как только дивизия выйдет на марш, вы присоединились к нему во главе колонны.

Унгер покосился на разгорающееся небо.

– До Осрунга всего шесть миль, господин. Вы как думаете, битва будет сегодня?

– Думаю, нет.

«Надеюсь, что да. Прошу, прошу, прошу, умоляю, заклинаю вас, Судьбы, об одном: пошлите мне битву».

Амбиция

– Фин?

– М-м-м-м.

Он приподнялся на локте, глядя на нее с улыбкой.

– А я тебя люблю.

Пауза. Она давно перестала ждать любви, как молнии с небес. Одни такой любви подвержены. У других ум и сердце пожестче.

– Фин!

– М-м-м-м?

– Нет, правда. Я люблю тебя.

Она его тоже любила, хотя словами это выразить не могла, да и не бралась. Что-то такое, весьма близкое к любви. Он выглядел красиво в мундире, а еще лучше без; порой с ним было на удивление весело, а в поцелуях на первых порах определенно присутствовала огненность. Он был доблестным, щедрым, старательным, почтительным, от него хорошо пахло... ума не сказать чтобы палата, да где ж его на всех напасешься. У двоих в одном браке – многовато.

– Славный парнишечка, – мурлыкала она, похлопывая его по щеке.

Она чувствовала к нему душевное тепло, и лишь иногда немножко презрения, что, по ее меркам, можно сказать, куда ни шло. Подходили они друг к другу хорошо. Оптимист и пессимист, идеалист и прагматик, романтик и циник. Не говоря о его знатном происхождении и ее пламенной амбициозности.

Он опечаленно вздохнул.

– Тебя, как пить дать, любит каждый мужчина во всей этой чертовой армии.

– А твой командир лорд-губернатор Мид?

– Он-то? Насчет него судить не берусь, хотя подозреваю, даже он относился бы к тебе теплее, если б ты перестала его выставлять, черт возьми, дураком.

– Если б перестала я, он бы начал выставлять себя сам.

– Может быть, но у мужчин к этому большая терпимость.

– Есть только один офицер, чье мнение мне не совсем побоку.

– В самом деле? – улыбнулся он и ткнул ее пальцем в ребрышко.

– Капитан Хардрик, – она цокнула языком. – Это, наверное, из-за его кавалерийских лосин в обтяжку. Мне нравится ронять при нем предметы, чтобы он их для меня поднимал. Оп...

Она поднесла палец к губе, растерянно хлопая ресницами:

– Ах, экая я неловкая: вот опять обронила веер! Не могли бы вы мне его подать, капитан? Вот-вот, уже почти дотянулись. Осталось только чуточку ниже... еще ниже...

– Бесстыдница. Хотя вовсе не думаю, что Хардрик тебе пара. Он туп как дерево. Ты бы с ним через минуту умерла со скуки.

Финри надула щеки.

– Может, ты и прав. А в учет берется только его красивая задница. То, о чем мужчины в основном не задумываются. Тогда, может...

В поисках самого нелепого ухажера она мысленно перебрала своих знакомых и остановилась, похоже, на лучшем претенденте:

– Бремер дан Горст? Внешностью он, скажем, не очень... да и умом... да и статью. Но под этой мужиковатостью в нем угадывается подлинная бездна чувств. С голосом, понятно, пришлось бы обвыкаться, если из него вообще можно хотя бы два слова вытянуть. Но тем, кому по нраву сильный молчаливый типаж, такой, как он, потрафил бы во всех смыслах... Что такое?

Гарод больше не улыбался.

– Да шучу я, шучу. Сколько лет его знаю. Он безобидный, дурашка.

– Безобидный, говоришь? А ты видела, как он сражается?

– Как фехтует.

– Это не одно и то же.

Что-то в том, как он откинул при этом голову, пробудило в Финри интерес.

– А ты видел?

– Я – да.

– И?

– И... Я рад, что он на нашей стороне.

Она притронулась пальцем к кончику его носа.

– Бедный мой мальчик. Ты его боишься?

Он откатился от нее.

– Немного. Каждому следует немного бояться Бремера дан Горста.

Эти слова удивляли. Она не думала, что Гарод может кого-то бояться. Они лежали молча, слушая, как тихонько хлопает под ветром полог палатки. Теперь Финри чувствовала вину. Она любила Гарода; Гара, как она его называла. Когда он сделал ей предложение, она перечислила себе все его качества. Все за и против, самым скрупулезным образом. Он хороший человек. Один из лучших. Прекрасные зубы. Честный, храбрый, безупречно верный. Хотя этого не всегда достаточно. Потому-то ему и нужен кто-нибудь более практичный, кто бы успешно вел его лодку по житейским волнам. То есть она.

– Гар.

– А?

Она подкатилась и, прижавшись к его теплему боку, прошептала ему на ухо:

– Я тебя люблю.

Надо признать, ей нравилась власть над ним. Одного этого было достаточно, чтобы он лучился счастьем.

– Хорошая девочка, – прошептал Гар.

И поцеловал ее, а она его, запустив пальцы ему в волосы. А что такое любовь, как не поиск и обретение того, кто тебе подходит? Того, кто возмещает твои недостатки? Того, с кем и над кем ты работаешь.

Ализ дан Бринт была достаточно мила, умна и родовита для того, чтобы с ней не было зазорно, и в то же время не настолько блистала красотой, умом и родовитостью, чтобы представлять угрозу. Так что она вписывалась в узкие ограничения Финри, в пределах которых можно выпестовать подругу без опасности, что она тебя затмит. С тем, чтобы ее затмевали, Финри мириться не могла.

– Как-то сложновато привыкать, – невнятно сказала Ализ, глядя из-под белесых ресниц на колонну марширующих солдат. – Когда тебя разом окружает столько мужчин, надо...

– А мне так ничего. Армия всегда была моим домом. Мать умерла, когда я была совсем маленькой, и меня воспитывал отец.

– Ой, прости.

– Да брось ты. Отец по ней, должно быть, скучает, ну а я-то тут при чем? Я ее и знать не знала.

Неловкая пауза, что неудивительно: Финри догадалась, что слова ее пришлись в некотором роде как обухом по голове.

– А твои родители?

– Умерли, оба.

– Вот как.

Финри почувствовала себя еще более неловко. В большинстве разговоров ей приходилось лавировать, как бы не сказать невзначай бестактность или не ляпнуть лишнего. Как ни осторожничай, а такое то и дело неизбежно случалось. Она смирилась. Хотя, быть может, следовало лучше смириться с тем, чтобы вовсе не открывать рот. К этому она тоже нередко прибегала, подчас с еще более неважнецким результатом. По тракту стучали копыта, топали башмаки под окрики командиров, раздраженных, что кто-то марширует не в ногу.

– Мы выходим... на север? – спросила Ализ.

– Да, к городишку Осрунг, на встречу с двумя другими дивизиями, генералов Челенгорма и Миттерика. Они меньше чем в десяти милях, за теми вон холмами.

Она указала хлыстом.

– А что они за люди?

Такт и еще раз такт.

– Генерал Челенгорм – храбрый и честный человек, близкий друг короля.

Отсюда и назначение ни по способностям, ни по возрасту.

– Миттерик – заслуженный, опытный солдат.

А также неумный бахвал, так и метит на пост ее отца.

– И в подчинении у них столько же людей, сколько у нашего лорд-губернатора Мида?

– У каждого по семь полков, два кавалерийских и пять пехотных.

Финри вполне могла бы распространяться насчет численного состава, титулов и старших офицеров, но Ализ, по-видимому, уже и так достигла предела восприятия. Эти самые пределы были не так чтобы широки, но Финри все равно настроилась с ней сдружиться. Муж Ализ, полковник Бринт, судя по слухам, близок к самому королю, что делает его весьма полезным для знакомства человеком. Вот почему Финри взяла себе за правило смеяться над его нудными анекдотами.

– Народу-то сколько, – произнесла Ализ. – Твой отец, безусловно, наделен огромной ответственностью.

– Наделен.

Когда Финри последний раз видела отца, ее поразило, как он осунулся. Он всегда казался ей отлитым из железа, и осознание, что и он уязвим, вселяло смутную тревогу. Видимо, лишь взрослея, начинаешь постигать, что родители твои, как и все остальные, вовсе не вечны.

– А сколько солдат с противной стороны?

– На Севере разграничения между солдатом и обывателем как такового нет. У них несколько тысяч карлов – что-то вроде профессиональных воинов, считай, выросших в боях, со своим снаряжением и оружием. Они составляют переднюю стену из щитов при атаке. А на каждого карла приходится несколько трэлей – селян или мастеровых, принужденных платить повинность трудом и воинской службой. Эти обычно вооружены легко, копьем или луком, но и среди них зачастую попадаются закаленные воины, они могут служить в качестве командиров, телохранителей или разведчиков в небольших отрядах, именуемых дюжинами. Вроде этих, – она указала на разношерстное, как попало одетое воинство Ищейки, нестройно бредущее по кромке холма справа от колонны. – Сколько всего людей у Черного Доу, точно не знаю. Сомневаюсь, что о том ведает и сам Доу.

– Как много ты знаешь, – сморгнув, впечатлилась Ализ.

«Я такая», – не прочь была сказать Финри, но ограничилась небрежным пожатием плеч. Ничего необычного в этом нет. Надо просто слушать, замечать и ни в коем случае не разевать рта прежде, чем досконально обо всем проведаешь. В конце концов, знание – корень силы.

– Война ужасна, правда ведь? – спросила Ализ со вздохом.

– Она уродует пейзаж, душит торговлю и ремесла, убивает невинных и карает виноватых, бросает скромных людей в нищету и дырявит кошную зажиточным, а производит только трупы, памятники да непомерно раздутые легенды.

Финри забыла упомянуть, что при этом она предлагает огромные возможности.

– А сколько людей оказывается калеками, – вставила Ализ, – а сколько погибает.

– Ужас, что и говорить.

Хотя мертвые оставляют места, куда тут же могут ступить те, кто пошустрее. Или куда расторопные жены успеют быстренько направить мужей...

– А эти вот люди теряют кров, теряют всё.

Ализ с повлажневшими глазами смотрела на людской поток, бредущий навстречу. Его оттесняли с тракта солдаты, и люди тянулись вдоль обочины, глотая пыль. Это были в основном женщины, ужасно оборванные. Встречались среди них и старики, и дети. Безусловно, северяне. Несомненно, бедные. И даже более чем бедные, поскольку у многих не было вообще ничего, лица измождены от истощения, щеки запали от голодухи. Они шли, стискивая ужасающе убогие пожитки. На солдат Союза, шагающих тут же, рядом, они не смотрели ни с ненавистью, ни со страхом в глазах. Проявлять чувства им мешала тяжелая опустошенность.

Финри толком не знала, от кого они бегут и куда держат путь. Не ведала и того, какой ужас заставил их сняться с насиженных мест, а какой еще ждет впереди. Изгнаны из своих жилищ перипетиями войны. Глядя на этих людей, она ощущала себя постыдно защищенной, вызывающе благополучной.

– Надо что-то делать, – задумчиво произнесла Ализ.

Финри стиснула зубы.

– Ты права.

Она прищипорила лошадь, наверное, обдав ошметками грязи белое платье Ализ, и, гарцуя, въехала в группу офицеров, представляющих собой мозг дивизии, отнюдь не всегда работающий безупречно.

Здесь говорили на языке войны. Диспозиция и тыловое снабжение. Погода и воинский дух. Темп марша и распоряжения насчет баталии. Язык этот был Финри не чужд, а потому, даже лавируя верхом, она на ходу подмечала и просчеты, и недосмотры, и небрежения. Выросшая в казармах, столовых и штабах, времени в армии она провела больше, чем многие присутствующие здесь, а в стратегии, тактике и снабжении разбиралась не хуже них. Уж во всяком случае, на порядок лучше, чем лорд-губернатор Мид, вплоть до прошлого года не заседавший во главе чего-то более ответственного, чем официальный банкет.

Он скакал под штандартом со скрещенными молотами Инглии, в вычурно расшитом мундире с золотыми галунами и позументами, что к лицу скорее какому-нибудь актеру в безвкусной пьесе, чем генералу в походе. Несмотря на деньги, вбуханные в шитье, роскошные воротники ему не шли, жилистая шея торчала из них, как у черепахи из панциря.

В сражении при Черном Колодце он потерял трех племянников, а вскоре и брата, прежнего лорд-губернатора. С той поры он воспылал к северянам негасимой ненавистью и сделался таким оголтелым поборником войны, что оснастил за свой счет половину вверенной ему дивизии. Тем не менее, ненависть к врагу для командующего – не самый верный помощник. Скорее, наоборот.

– Госпожа Брок, как чудесно, что вы смогли к нам присоединиться, – воскликнул он с легким пренебрежением.

– Да я тут просто участвовала в наступлении, а вы попались мне навстречу.

Офицеры закашляли, скрывая смешки. Гарод искоса на нее посмотрел, она ответила ему тем же.

– Мы с дамами обнаружили слева от колонны беженцев. И подумали, не соблаговолили бы вы дать им какой-нибудь пищи?

Мид поглядел на жалкую пропыленную вереницу так, как иной насмешливый путник смотрит на кучку муравьев.

– Боюсь, первым делом меня заботит благосостояние моих солдат.

– Разве эти здоровые молодцы не могут для благого дела уступить часть своей трапезы? Она щелкнула пальцем по кирасе полковника Бринта, тот смущенно хохотнул.

– Я заверил маршала Кроя, что к ночи мы будем на позиции под Осрунгом. Останавливаться мы не можем.

– Это можно было бы сделать...

Мид едва удостоил ее взгляда.

– Ох уж эти мне женщины с их благотворительными прожекторами, а? – бросил он.

Офицеры угодливо заржали. Финри прорезала ржание пронзительно-насмешливым голосом:

– Ох уж эти мне мужчины с их играми в войну, а?

И, звучно шлепнув перчатками по плечу капитана Хардрика, сказала:

– Сколь глупый, чисто женский вздор – пытаться спасти одну или две жизни. Теперь я это вижу. Нет уж, пускай падают и мрут, как мухи, в придорожной пыли. А мы лучше повергнем их страну в пожарище и мор, где это только возможно, и оставим здесь выжженную пустыню. Уж это, я уверена, научит их должному уважению к Союзу и его методам! Вот это действительно мужество и героизм!

Она оглядела офицеров. Они хотя бы перестали смеяться. В частности Мид – он выглядел на редкость серьезно, а это кое-что.

– Полковник Брок, – процедил он. – Думаю, вашей жене уместнее ехать с другими дамами.

– Я только что хотел это предложить, – засуетился Гарод.

Ухватил поводья ее коня и остановился, остальные проехали дальше.

– Да что ты, черт возьми, творишь? – прошипел он сдавленно.

– Этот твой Мид – черствый мужлан, форменный идиот! Деревенщина, возомнивший себя военачальником!

– Фин, приходится работать с теми, кто есть. Прошу тебя, не цапайся с ним. Ради меня! У меня нервы, черт возьми, в конце концов не выдержат!

– Прости.

Нетерпение у нее вновь переплавилось в чувство вины. Не из-за Мида, само собой, а из-за Гара, который в сравнении с другими вынужден был выказывать вдвое большую храбрость и исполнительность, чтобы не подпадать под давящую тень своего отца.

– Только я терпеть не могу глупости, что творятся в угоду напыщенной гордыне одного старого дуралея, когда все это с таким же успехом можно делать по-умному.

– Думаешь, легко прислуживаться обалдую-генералу, когда из-за этого над тобой еще втихомолку и подсмеиваются? Может, с какой-никакой поддержкой он будет действовать хоть немного правильнее.

– Может быть, – сказала она с сомнением.

– Ну так можешь ты держаться с остальными женами? – стал подольщаться он. – Ну прошу тебя. По крайней мере, до поры.

– В этом змеюшнике? – она скорчила гримаску. – Где только и разговоров, что о том, кто кому изменил, у кого бесплодие и что носят при дворе? Дуры набитые, все как одна.

– Ты обращаешь внимание, что у тебя дуры набитые все, кроме тебя?

Она распахнула глаза.

– Ты это тоже замечаешь?

Гарод глубоко вздохнул.

– Я люблю тебя. Ты это знаешь. Но задумайся, кому ты помогаешь. Ты бы могла накормить тех людей, если бы действовала обходительней, – он потер переносицу. – Я переговорю с квартирмейстером, попробую что-нибудь устроить.

– Ну не герой ли ты!

– Пытаюсь им быть, но ты, черт подери, несказанно это осложняешь. В следующий раз, прошу тебя, ради меня, подумай, прежде чем говорить что-то в лоб. Или уж лучше говори о погоде!

И он поскакал к голове колонны.

– Срать я хотела на погоду, – буркнула Финри вслед, – и на Мида этого тоже.

Хотя в словах Гара определенно был смысл. От того, что она досаждала лорд-губернатору Миду, нет пользы ни ей самой, ни мужу, ни Союзу, ни даже беженцам. Она должна уничтожить его.

Отдать и отнять

– Вставай давай, старый.

Зобатый пребывал в полудреме. Ему казалось, что он дома, молодой человек, или, наоборот, уже на покое. Это кто там, Кольвен улыбается из угла? Он строгаёт чурочку на верстаке; кудрявится стружка, похрустывает под ногами. Зобатый хрюкнул, перевернулся, в бок полыхнула боль, обожгла страхом. Он попытался натянуть одеяло.

– Какого...

– Такого, такого, – на плече лежала рука Чудесницы. – Поначалу хотела дать тебе поспать. На голове у нее была длинная корка, короткие волосы в запекшейся крови.

– Думала, тебе это пойдет на пользу.

– Еще несколько часиков и впрямь бы не помешало.

При попытке сесть – вначале быстро, затем медленно-премедленно, – Зобатый стиснул зубы от десятка болевых ощущений, все разного характера.

– Война все-таки, черт возьми, занятие для молодых.

– А что делать?

– Да ничего толком не поделаешь.

Она подала фляжку; он, глотнув, прополоскал несвежий рот и выплюнул воду.

– Черствого следов нет. Атрока мы похоронили.

Зобатый, не донеся до рта фляжку, медленно опустил руку. У подножия камня на дальней стороне Героев виднелась куча свежевырытой земли. Возле нее стояли с заступами Брек и Скорри. Между ними уставился себе под ноги Агрик.

– Слова еще не сказали? – спросил Зобатый, зная, что нет, но все же надеясь.

– Тебя ждем.

– Хорошо, – соврал он и грузно поднялся, схватив подручную за руку.

Утро было серое, с ветерком. Облака устилали скалистые вершины гор; туман накрывал болота на дне долины дымчатым одеялом.

Зобатый вразвалку прихрамал к могиле, пытаясь обмануть боль в суставах. Он бы лучше шел за чем-нибудь другим, однако есть дела, от которых не отвертишься. Все сбрелись, расположились полукругом – печальные, притихшие. Дрофд упихал в себя разом целый ломоть хлеба и спешно обтирал пальцы о рубаху. Жужело с откинутым капюшоном нянчил Отца Мечей бережно, как родитель – больного ребенка. У Йона лицо еще мрачнее обычного, а это надо постараться. Зобатый нашел себе место у изножья могилы, между Агриком и Бреком. Лицо горца осунулось, утратило обычный румянец, а повязку на ноге обаграло большое свежее пятно.

– Нога как? – осведомился Зобатый.

– Так, царапина.

– Хороша царапина, кровь хлещет без продыху.

Брек улыбнулся, отчего татуировки на лице шевельнулись.

– И это, по-твоему, хлещет?

– Да вообще-то не так чтобы.

Уж во всяком случае, не сравнить с племянником Черствого, которого Жужело разрубил считай что напололам. Зобатый глянул через плечо туда, где они в укромном месте под полуразрушенной стеной сложили трупы. Подальше от глаз, но не забытые. Мертвые. Всегда мертвые. Зобатый посмотрел на черную землю, раздумывая, что сказать. На черную землю, как будто в ней были ответы на вопросы. Однако нет в земле ничего, кроме темноты.

– Странная штука, – голос вышел с хрипом, пришлось откашляться. – Совсем недавно Дрофд спрашивал, называются ли те камни Героями потому, что там погребены Герои. Я сказал, что нет. А вот теперь один здесь, может, нашел покой.

Зобатый поморщился – не от печали, а просто чувствовал, что несет околесицу. Дурь несусветную, какой не проймешь и ребенка. Но вся дюжина торжественно кивнула, а Агрик так еще и с влажным следом слезы на щеке.

– Эйе, – сказал Йон.

На могиле из уст вырывается иной раз такое, что обсмеяли бы в любой таверне, а тебе внемлют как какому-нибудь заумному мудрецу. Каждое слово Зобатый ощущал как вонзающийся нож, но прекратить было нельзя.

– Атрок пробыл с нами недолго. Но он оставил след. И не будет забыт.

Зобатый думал о других, кого успел похоронить; имена и лица, истертые годами, не поддающиеся даже исчислению.

– Он стоял заодно с товарищами. Храбро сражался.

А умер скверно, изрубленный топором на земле, которая не значила ничего.

– И дело делал правое. Что, видно, только и можно спросить с человека. И если есть кто...

– Зобатый, – окликнул Трясучка, стоящий шагах в тридцати к югу от кружка.

– Не сейчас, – шикнул Зобатый.

– Нет, – бросил Трясучка, – сейчас.

Привлеченный серьезностью тона, Зобатый поспешил туда, где меж двух камней открывался вид на серую долину.

– Куда смот... Ох-х.

За рекой, снизу у Черной пустоши, где стелется бурый отрезок Уфрисской дороги, виднелись всадники, скачущие во весь опор в сторону Осрунга. Сорок верховых, никак не меньше. А может, и больше. Несутся так, что аж грязь из-под копыт.

– И вон там.

– Черт.

Еще два отряда – пара десятков в каждом – двигались в другую сторону, к Старому мосту. К переправам. Обходя с обеих сторон Героев. У Зобатого тревожно заныло в груди.

– А Скорри чем у нас занимается?

Он растерянно оглянулся, как будто речь шла о какой-то оброненной и запропастившейся вещи. Между тем Скорри стоял непосредственно за его спиной, подняв один палец. Зобатый медленно выдохнул и похлопал его по плечу.

– А, вот ты где. Вот вы где.

– Вождь, – подал голос Дрофд.

Зобатый посмотрел в ту сторону, куда он указывал. Дорога к югу от Адвейна, нисходящая в дол через лошину меж двумя пустошами, была полна оживленного движения. Зобатый вынул окуляр и пристально вгляделся.

– Это Союз.

– Сколько их, по-твоему?

Туман слегка развеялся, и сквозь него перед глазами Зобатого на секунду проглянула колонна между холмов – люди и металл, острия пик, секир и алебард, флаги и выпелы. Конца краю не видно.

– Похоже, все идут, – выдохнула Чудесница.

Брек тоже вгляделся.

– Кто скажет, что теперь нам не отвертеться от драки...

Зобатый опустил руку.

– Иногда единственно верное – это уноситься без кукареканья, как драному петуху. А ну, ноги в руки, да поживей! – взревел он. – Не рассусоливать! Уходим сию минуту!

Снаряжение у его дюжины было, как правило, всегда собрано, а остальное спешно кинулись рассовывать по торбам. Скорри успевал еще и напевать что-то бравое, походное. Весельчак Йон притаптывал башмаком костерок, а Жужело стоял и смотрел, полностью готовый в дорогу, поскольку единственным его имуществом был Отец Мечей.

– Костер-то зачем топчешь? – спросила Чудесница.

– Еще я буду мой огонь оставлять этим выродкам, – проворчал Йон.

– Ты думаешь, они вокруг него всем скопищем рассядутся?

– Да хоть и не рассядутся.

– Мы и то вокруг него все не помещаемся.

– Да ну и что.

– А вот ты подумай: вдруг ты его оставишь, а кто-нибудь из молодцов Союза обожжется и они все с перепугу уберутся восвояси?

Йон ожесточенно дотоптал последние угли.

– Нечего! Ни уголька не оставлю мерзавцам.

– И что? – спросил Агрик.

Зобатому сложно было смотреть в его глаза, полные гневного отчаяния.

– И это все слова, что достались ему?

– Можно будет сказать и больше, только, как видно, погода. А сейчас надо позаботиться о живых.

– Мы сдаемся, – Агрик, стиснув кулаки, воззрился на Трясучку, как будто это он убил его брата, – уступаем этот клочок. Мой брат умер ни за что ни про что. Просто так. За дражный бугор, который мы даже не пытаемся удержать! Не вступи мы в бой, Атрок был бы жив! Слышите?!

Агрик сделал шаг, подступаясь к Трясучке, но сзади его ухватил Брек, а спереди путь преградил Зобатый.

– Слышу, – пожав плечами, скучным голосом ответил Трясучка. – И не в первый раз. Если б я не отправился в Стирию, у меня по-прежнему были бы оба глаза. Но я отправился. И глаз теперь один. Мы сражались. Его не стало. Жизнь катится лишь в одну сторону, и не всегда в ту, куда бы нам хотелось. Такие дела.

Он повернулся и зашагал на север, взвалив на плечо топор.

– Забудь о нем, – настойчиво сказал Зобатый Агрику на ухо.

Что такое потеря брата, он знал. Он сам схоронил троих одним и тем же утром.

– Если тебе нужно кого-то винить, вини меня. Это я выбрал драться.

– Выбора не было, – вмешался Брек. – Это было единственно верное решение.

– А Дрофд куда делся? – спохватилась Чудесница, когда надевала через плечо лук. – Дрофд!

– Да здесь я! Сейчас!

Он нашелся возле стены, где лежали тела людей Черствого. Зобатый застал его на коленях возле трупа за обшариванием карманов. Улыбнувшись через плечо, Дрофд с довольным видом протянул на ладони несколько монет.

– Вот, вождь, при этом оказалось... – увидев хмурое лицо вождя, он осекся. – Да я думал разделить между...

– Положи обратно.

Дрофд непонимающе моргнул.

– Ему-то они теперь без надобности...

– А они твои? Оставь тому, кто их заработал, и уж Черствый, когда вернется, решит, кому раздать.

– Сам, небось, и прикарманит, – пробурчал Йон, подошедший сзади с перекинутой через плечо кольчугой.

– Неважно. Но не мы это сделаем. Надо все делать по-правильному.

Зобатый услышал пару резких вдохов и что-то похожее на досадливый стон.

– Так уже никто не поступает, вождь, – заметил опершийся на копье Скорри. – Ты вот посмотри, как Сатт Хрупкий нынче разжился – форменный богач. А ведь ничтожество.

– Пока мы тут пробавляемся за хрен с присыпкой, – пробурчал Йон, – иногда лишь с позолотой.

– Значит, так надо. А за вчерашнюю работу я посмотрю, чтобы вы позолоту свою получили исправно. Если же хотите уподобиться Сатту, можете пойти на поклон к Гламе Золотому, чтобы он взял вас в свою шайку, и уж тогда грабьте честной люд дни напролет.

Зобатый не понимал, с чего вдруг так взъелся. Ведь прежде особо не обращал на это внимания. Да и сам, помнится, не чужд был подобных вещей по молодости лет. Рудда Тридуба, и тот, бывало, закрывал глаза на то, как его молодцы иной раз обшаривали трупы. Но сейчас его проняло, а коли так, поколебать решимость Зобатого невозможно.

– Кто мы, – вознегодовал он, – названные или падальщики и воры?

– Бедные мы, вождь, вот мы кто, – сказал Йон, – и начинаем...

– Какого дьявола! – Чудесница неожиданно шлепнула Дрофда по ладони, отчего монеты разлетелись по траве. – Вот когда сам станешь вождем, Весельчак Йон Камбер, тогда и поступай по-своему! А пока будем делать то, что говорит нам Зобатый! Мы названные! Во всяком случае, я – насчет вас, остальных, я что-то не уверена! А теперь шевелите задами, а то, не ровен час, будете плакаться о своей бедности перед Союзом!

– Не из-за монет же мы здесь, – проронил Жужело, шествуя мимо с Отцом Мечей на плече.

– Ты, может, и нет, Щелкун, – угрюмо высказался Йон. – А вот из нас кое-кто не возражал бы, кабы нам время от времени что-нибудь да перепадало.

Но пошел-таки, покачивая головой и позвякивая кольчугой, а следом за ним Брек со Скорри, недоуменно пожав плечами. Чудесница подалась к Зобатому.

– Иногда мне кажется, – поделилась она, – что чем больше другим нет ни до чего дела, тем сильнее ты себе втемяшиваешь, что тебе оно обязательно есть.

– Это ты в каком смысле?

– А в таком, что нельзя направлять мир в какую-то одну сторону, полагаясь целиком на себя.

– Направлять нужно правильно, – заартачился Зобатый.

– А разве не правильнее всего, когда люди у тебя целы и веселы?

Хуже всего, что в ее словах был смысл.

– Так вот до чего мы дошли?

– А я думала, мы оттуда и не уходили.

– Знаешь что? – возмутился Зобатый. – Твоему мужу и в самом деле впору поучить тебя уважению.

– Эту-то стервозу? – хмыкнула Чудесница. – Да он меня боится чуть ли не так же, как вы все тут. Давай шагай уже!

Она подхватила Дрофда под локоть, и дюжина прошла через пролом в стене, ускоряя шаг – настолько, насколько позволяли колени Зобатого. Под ноги ложилась та же самая тропа, по которой они пришли и которой теперь уходили, оставляя Героев Союзу.

Зобатый пробирался меж деревьев, подгрызая заусенцы на руке, которая держит меч. Та, что держит щит, была уже изгрызена. Кожа в этих местах, черт возьми, никак не успевала нарастать. Подниматься ночью на Героев было, пожалуй, не так страшно, как идти сейчас к Черному Доу и докладывать, что холм оставлен. Правильно ли это, когда врага боишься меньше, чем собственного вождя? Дружеской компании Зобатый не чурался никогда, но вину всегда предпочитал брать в одиночку, за всех. Ведь решения принимал он.

Леса кишели людьми, как болотная трава ужами. Прежде всего, карлами Черного Доу – бывалыми вояками, холодными умом и сердцем, да еще обвешанными такой же холодной сталью. На ком-то были кирасы, как у воинов Союза, иные носили причудливого вида оружие: клювастое, шипастое, изогнутое – всевозможные дикарские ухищрения, чтобы протыкать металл доспехов. Такого еще свет не видывал, да лучше бы и вообще не знал. Сомнительно, чтобы кто-нибудь из этих лиходеев задумался, прежде чем разжиться какой ни на есть податью с мертвецов, да и с живых, если на то пошло.

Всю жизнь Зобатый был бойцом, но оравы и орды все равно вызывали у него некое беспокойство, а с возрастом он стал все меньше чувствовать себя человеком из этой среды. Недалек срок, когда это выплывет наружу и его уличат в притворстве. И с каждым новым днем ощущение того, что бравада, а с ней и бойцовский дух у него напускные, пробирало Зобатого все больше, и скрывать это становилось все трудней. Скусив у ногтя лишнего, он поморщился и отдернул руку.

– Негоже, – пробормотал он себе под нос. – Негоже названному все время бояться.

– Чего?

Тьфу ты. Он почти забыл, что рядом идет Трясучка – настолько бесшумно он ступает.

– Трясучка, а ты когда-нибудь боишься?

Тускло блеснул металлический глаз: сквозь ветви деревьев проглянуло солнце.

– Да было дело. Постоянно боялся.

– А что переменялось?

– Мне выжгли один глаз.

Хороша беседа. Ладно, на том и утремся.

– Это, видно, изменило твои взгляды.

– Урезало. Ровно вполтину.

Невдалеке от тропы, в непомерно тесном загоне блеяли овцы. Как пить дать, реквизированные – иными словами, украденные – у какого-нибудь незадачливого пастуха, лишенного в одночасье всего своего достояния, предназначенного кануть в глотках, а затем извергнуться из задниц войска Черного Доу. За загородкой из шкур, в считанных шагах от гурта, овец забивала женщина, а еще трое их свеживали, потрошили и вывешивали туши. Все четверо были по самые подмышки в крови, но это их нисколько не заботило.

За работой наблюдала пара шалопаев – судя по виду, без пяти минут рекрутского возраста, – и посмеивалась над тупостью овец, до которых не доходит, что делается за этой вот ширмой из шкур. Юнцы не задумывались, что в загоне прячутся как раз они сами, а за ширмой из песен, былин и отроческих грез безучастно поджидает война, по самые плечи в крови. Зобатый-то это видел хорошо. Так отчего же он сам безропотно жметесь в своем загончике? Знать, оттого, что старой овце новых заборов не перемахнуть.

Перед поросшими плющом развалинами, давно присвоенными лесом, вкопали в землю черный штандарт протектора Севера. На поляне сустились люди, взмахивали хвостами привязанные у длинной коновязи лошади. В сыпучих снопах искр о металл скрежетало ножное точило. Какая-то баба колотила молотом по колесу телеги. Здесь же работал кузнец – держа губами горсть колец, собирал с помощью клещей кольчугу. Сновала ребятня с охупками стрел, с плещущими на коромыслах ведрами, с мешками, торбами и сумами бог весть чего. Непростое дело – насилие, когда достигает крупных масштабов.

Посреди всей этой колготни на каменной плите полулежал, опершись на локти и прикрыв глаза, какой-то человек – до странности непринужденно, учитывая общую загруженность работой; более того, с нарочитым видом бездельника. Человек пребывал в тени, а клин света, пробившийся между ветками, пролегал как раз по его спесивой ухмылке.

– Мертвые, – подошел и остановился, глядя сверху, Зобатый. – Или это принц, или мне чудится. Хотя кто еще может носить такие вот бабские сапоги?

– Стирийская кожа, – Кальдер приоткрыл глаза, надменно скривив губу так, как привык с детства. – Никак, Кернден Зобатый? Ты еще жив, старый нужник?

– Покуда есть нужда, живу, не кашляю, – Зобатый выхаркнул мокроту, угодив как раз меж изящных сапожек принца. – Куда я денусь. И кто это, интересно, сплеховал, дав тебе выползти из места ссылки?

Кальдер скинул ноги с плиты.

– Не кто иной, как великий протектор собственной персоной. Видно, не может побить Союз без моей могучей меченосной длани.

– И что он, интересно, задумал? Отрубить и кинуть ее в них?

Кальдер раскинул руки.

– Как же мне тогда удержать тебя?

Они заключили друг друга в объятия.

– Рад видеть тебя, старый дуралом.

– И я тебя, лгунишка егозливый.

Трясучка все это время хмурился из тени.

– Я вижу, тут у вас совет да любовь, – заметил он.

– Да я этого бздунишку, можно сказать, с пеленок растил, – Зобатый костяшками пальцев почесал Кальдеру волосы. – Вскармливал молоком со скомканной тряпицы, этими вот руками.

– Да уж. Матери не было, так он был мне за кормилицу, – пояснил Кальдер.

– Вон оно что, – Трясучка медленно кивнул. – То-то я смотрю.

– Нам надо поговорить, – Кальдер сжал Зобатому предплечье. – А то я истосковался по нашим разговорам.

– Да и я, признаться. – Зобатый осмотрительно сделал шаг в сторону: рядом взбрыкнула лошадь, опрокинув телегу, по земле звонко рассыпались копы. – Почти так же, как по приличной постели. Так что день нынче, пожалуй, не самый подходящий.

– Возможно, и так, – пошел на попятную Кальдер. – Я слышал, готовится какое-то сражение?

Он жеманно махнул рукой.

– Из-за него может погибнуть вся моя вторая половина дня!

По дороге он обогнул клетку с двумя замызганными северянами, сидящими нагишом на корточках. Один протягивал руку сквозь решетку в надежде если не получить воды или милосердия, то уж хотя бы чтоб какая-то его часть побывала на воле. Дезертиров повесили бы сразу, так что это, судя по всему, воры или убийцы. Ждут, как с ними соизволит обойтись Черный Доу – так что их, похоже, все равно вздернут, а может, для разнообразия сожгут. Странно как-то, сажать людей за воровство, когда все войско живет мародерством и грабежом. Или вздергивать на виселице за убийство, когда все собраны и посланы заниматься именно им. Что считать преступлением во времена, когда люди отнимают все, что захотят, у кого захотят?

Из-под сводчатого прохода показался Треснутая Нога. Вид у подлеца всегда был угрюмый, но сегодня он превзошел самого себя.

– Тебя желает Доу. Заходи давай.

– Возьмешь мой меч? – Зобатый по привычке его уже снимал.

– Не надо.

– Вот как? С каких это пор Черный Доу начал доверять людям?

– Людям нет. Тебе одному.

Что это, добрый знак?

– Ну ладно.

Следом двинулся и Трясучка, но Треснутая Нога жестом его остановил.

– Тебя Доу не просил.

От Зобатого не укрылось, как Трясучка прищурил единственный глаз. Оставалось лишь пожать плечами и нырнуть под завесу плюща. Ощущение такое, будто голова засунута в пасть волка; только и жди, когда он щелкнет зубами. Они шли по завешенному мшистыми тенетами коридору, гулким эхом капала вода; через широкую, поросшую колючими кустами галерею с обломками частично рухнувших колонн – некоторые еще подпирали остатки сводов, хотя крыши как таковой не было, сверху проглядывало небо. В облачном покрове протаивали ярко-синие полыньи.

Черный Доу восседал на троне Скарлинга в дальнем конце разрушенной залы, поигрывая, как водится, рукоятью меча. Рядом с Доу сидел Кол Ричи, почесывая седую щетину.

– По моему слову, – наставлял его Доу, – выходишь один. Движешься на Осрунг всеми силами. Там у них уязвимое место.

– С чего ты взял?

– У меня свои способы, – Доу подмигнул. – Людей у них слишком много, а дорог не хватает, так что они скопом метнулись сюда, да по тракту и растянулись. В городишке небольшое количество верховых да немножко молодцов Ищейки. К нашему подходу они там, может, слегка и обоснуются, но не удержатся, если ты как следует наберешь разгон.

– Уж разгон-то я наберу, – заверил Ричи. – На этот счет не беспокойся.

– Не беспокоюсь. Потому ты и идешь один впереди. Надо, чтобы твои парни несли над передними рядами мой штандарт, честь по чести, на виду. А с ним вымпел Гламы, и Железнодорожного, и твой. Чтоб со всех сторон было видать.

– Пусть думают, это наше общее средоточие сил.

– Если повезет, сколько-то людей они стянут с Героев, ослабят камни в своей кладке. И вот когда они окажутся в чистом поле между холмом и городком, я спускаю на них парней Золотого, и он рвет им задницы в клочья. А тем временем я, Железнобокий и Тенвейз предпримем марш-бросок на Героев.

– И как ты думаешь это осуществить?

Доу ощерился голодным волчьим оскалом.

– Взбежать на холм и все живое там поистребить.

– Но у них будет время освоиться, и для атаки это сложное место. Там их позиция будет наиболее крепка. Мы могли бы пойти в обход...

– Самое сильное – это здесь, – Доу вонзил меч в землю перед троном Скарлинга. – А слабое – здесь.

Он постучал пальцем себе по груди.

– Мы месяцами обходили и петляли вокруг да около, так что лобового удара они от нас не ждут. Сломив их на Героях, мы сломим их здесь, – он снова ткнул себя в грудь, – и все остальное порушится. Тогда Золотой станет их преследовать и гнать, коли понадобится, прямо через броды. Вплоть до самого Адвейна. К той поре Скейл должен взять Старый мост. А учитывая, что ты сосредоточишь силы в Осрунге, то к завтрашнему утру, когда подтянется оставшаяся часть Союза, все лучшие позиции будут за нами.

Ричи медленно поднялся.

– Ты прав, вождь. Устроим им день в багровых тонах. День, достойный будущих песен.

– Срал я на песни, – сказал Доу, тоже вставая. – Мне достаточно победы.

Рукопожатие их длилось чуть дольше обычного. Ричи направился к выходу и тут, завидев Зобатого, разулыбался во весь щербатый рот.

Зобатый первым протянул руку.

– Старый Кол Ричи?

– Кернден Зобатый, чтоб мне жить и дышать! – Рукопожатие хоть и последовало не сразу, но вышло на редкость сердечным. – Мало, мало нас уже осталось, настоящих.

– Да, были времена.

– Как колено?

– Да ты ж знаешь. Как водится.

– Да и у меня так же. Йон Камбер?

– Весельчак-то? Шутки всегда наготове. А как там Поток?

Ричи широко улыбнулся.

– Поставил его над новыми рекрутами. В целом, кипятком так и брызжут. Жаль, пока не из того места.

– Ничего, со временем возмужают.

– Да уж надо бы, причем побыстрее. У нас тут сражение, похоже, грядет.

Ричи на ходу хлопнул его по плечу.

– Жду приказа, вождь! – крикнул он напоследок.

Зобатый и Черный Доу остались наедине, разделенные несколькими пядями замусоренной, поросшей сорняками и крапивой старой глины. Птичий щебет, шорох листвы, дальний скрежет точила – последнее означает, что кровавое дело готовится исправно.

– Вождь, – неверным голосом произнес Зобатый, понятия не имея, как продолжать.

Доу вобрал в себя, казалось, весь воздух и разразился неимоверным воплем:

– Я к-кому, волчья сыть, велел держать холм?!

Эхо от полуразрушенных стен пошло такое, что Зобатый похолодел. Прощения, похоже, не предвиделось. Возможно, даже укут до заката в клетку. Хорошо, если хотя бы не полностью голым.

– Я... мы держались успешно... Пока не подошел Союз...

Доу приблизился, сжимая рукоять меча; Зобатый заставил себя стоять, не пятиться. Доу надвинулся; Зобатый подавил трепет. Доу протянул руку и нежно опустил Зобатому на саднящее плечо; пришлось вытерпеть, не подав виду.

– Извини, что так вышло, – сказал Доу негромко, спокойным голосом. – Сам знаешь, с кем имеем дело. Не наорешь – значит, в правители не годишься. А за этим следить надо.

Волна неимоверного облегчения, аж голова кругом.

– Конечно, вождь. Дай себе волю.

И зажмурился: Доу снова вобрал воздух.

– Ты бесполезный старый хромой петух! – Обдавая Зоба каплями слюны, он бесцеремонно шлепнул его по ушибленной щеке. – Ты за холм сразился хотя бы?

– Так точно. С Черствым и его молодцами.

– Как же, помню этого старого лиходея. И сколько с ним было людей?

– Двадцать два.

Доу обнажил зубы не то в улыбке, не то в оскале.

– А вас сколько, десятеро?

– Да, вместе с Трясучкой.

– И вы их отбрили?

– Ну...

– Эх, драть его лети, мне б туда!

Доу уставился в пустоту, как будто видел там Черствого и его восходящее по склону воинство.

– Эх, мне бы туда!

Рукоятью меча он так заехал по колонне, что полетела каменная крошка. Зобатый невольно шагнул назад.

– Вместо того, чтоб сидеть тут со всей этой ненавистной говорильней! Го-во-риль-ней! Как я ее ненавижу!

Доу в сердцах сплюнул и, глубоко вдохнув, только сейчас словно заново вспомнил о присутствии Зобатого.

- Так ты видел, как пришел Союз?
- По меньшей мере, тысяча на дороге в Адвейн, и, как я понял, сзади идут еще.
- Дивизия Челенорма, – определил Доу.
- Откуда у тебя такие сведения?
- У него свои способы, – донесся чужой голос.
- Мертвые...

Зобатый в замешательстве отшатнулся и чуть не упал, угодив в куст ежевики. На самой высокой стене лежала... женщина. Обернутая во что-то вроде влажной ткани, рука и нога, а заодно и голова свисают с края, как будто она разлеглась на садовой скамейке, а не на шаткой древней кладке в шести шагах над глинистой коркой земли.

– Мой друг, – пояснил Доу, наверх даже не взглянув. – А когда я говорю «друг», это значит...

– Враг врага.

Женщина откатилась по стене. Зобатый застыл, готовясь услышать удар тела оземь.

– Я Ишри, – шелестнуло ему в ухо.

На этот раз Зобатый шлепнулся прямо на задницу. Женщина стояла над ним – кожа черная, гладкая, без изъянов, как глазурь на хорошем горшке. Одета в длинный незапахнутый плащ, концы которого волочились по земле, тело под плащом сплошь обмотано белыми бинтами. Если бывают на свете ведьмы, то она ведьма и есть. Хотите доказательств? А исчезнуть с одного места и тотчас выйти из другого – чем не доказательство?

Доу лающе рассмеялся.

– Да-да, вот так и не знаешь, откуда она выпрыгнет. Я всегда настороже: а вдруг она выскочит, когда я... ну ты понял.

Он рукой изобразил дробку.

– Спрашивай, – сказала Ишри, пронзительно глядя на Зобатого немигающими глазами чернее ночи, как, должно быть, галка смотрит на червя.

– Откуда ты? – проямлил Зобатый, поднимаясь мелкими подскоками из-за непослушного колена.

– С юга, – ответила ведьмачка, хотя это было понятно по цвету кожи. – Или ты имеешь в виду, зачем я здесь?

– Зачем.

– Для правого дела, – сказала она с чуть заметной улыбкой. – Бороться со злом. Наносить могучие удары во имя справедливости. Или... ты имеешь в виду, кто меня послал?

– Да, кто?

– Он. – Ишри закатала глаза к небу. – А как может быть иначе? Бог всех нас расставляет по местам, где мы ему нужны.

Зобатый потер колено.

– Ох и юмор у него дерьмовый, правда же?

– Правды ты не знаешь и наполовину. Я прибыла сражаться против Союза, этого достаточно?

– Этого достаточно для меня, – провозгласил Доу.

Взгляд Ишри сместился на него, к вящему облегчению Зобатого.

– Они большим числом надвигаются на холм.

– Отряды Челенорма?

– Надо полагать.

Ведунья потянулась вверх, при этом она извивалась, словно в ней совсем не было костей. Зобатому вспомнились угри, что водились в озере неподалеку от его мастерской. Когда их вытаскивали из сетей, они тоже эдак извивались, и дети, хватая их, азартно визжали.

– Вы, розовые толстяки, для меня все на одно лицо.

– А Миттерик? – осведомился Доу.

Костистые пальцы Ишри, колдуя, ходили вверх и вниз.

– Немного позади. Сейчас он что-то жует и злится, что Челенгорм ему мешает.

– А Мид?

– К чему знать все? Жизнь станет безрадостной.

Колдунья прогарцевала мимо Зобатого, едва при этом не задев, тот отступил и чуть снова не шлепнулся.

– Богу сейчас, видно, та-ак скучно.

Она вставила ступню в трещину, маловатую даже для кошки, и, согнув ногу под невероятным углом, умудрилась каким-то образом всунуть ее туда по самое бедро.

– Так что действуйте, мои герои!

Ишри крутнулась разрезанным напополам червем, на глазах ввинчиваясь в вековую кладку; следом по замшелой стене, струясь, вползал, втягивался плащ.

– У вас на носу сражение или что?

В трещину каким-то образом проскользнула и голова, и руки; напоследок дважды хлопнули перебинтованные ладони. Наружу торчал палец. Доу подошел и, потянувшись, его обломил. Оказалось, это вовсе не палец, а кусок сухой ветки.

– Магия, – выговорил Зобатый. – В ней я не силен.

Жизненный опыт показывал, что от нее больше вреда, чем пользы.

– Я так думаю, у колдунов свои хитрости и все такое, но почему они всегда действуют так, черт возьми, странно?

Доу с чопорным видом отбросил веточку.

– Это война. В ход идет все, от чего есть хоть мало-мальская польза. Про мою чернокожую соратницу никому ни слова, ясно? Могут понять неправильно.

– А что, по-твоему, правильно?

– Да то, что я, драть твою лети, говорю! – рывкнул Доу, и на этот раз гнев его, похоже, был не напускной.

Зобатый поднял открытые ладони.

– Ты вождь.

– Да, черт возьми!

Доу, нахмурясь, уставился на трещину.

– Я вождь, – повторил он, словно убеждая сам себя.

У Зобатого почему-то мелькнула каверзная мысль: не воспринимает ли себя порой Черный Доу кем-то вроде самозванца? И куражливая храбрость его не нуждается ли каждое утро в починке, в штопке? Неприятная мысль.

– Ну что, будем биться?

Взгляд Доу метнулся, и снова прорезалась убийственная улыбка, без примеси сомнения или страха.

– Пора, пора их потоптать да растоптать. Ты слышал, что я говорил Ричи?

– В основном. Он постарается оттеснить их к Осрунгу, а ты идешь напрямиком на Героев.

– Пр-рямо на них! – рыкнул Доу, будто одним рыком уже верша свой замысел. – Так поступил бы Тридуба!

– А поступил бы?

Доу на полуслове осекся, махнул рукой.

– Да какая разница? Тридуба вот уж семь зим как в грязи.

– Истинно. Где буду нужен я со своей дюжиной?

– Бок о бок со мной, разумеется, когда я буду рваться на Героев. Ты, небось, ничего на всем свете так не жаждешь, как вырвать холм из лап Союза?

Зобатый тяжело вздохнул. Что-то скажет на это его дюжина?

– Угу. Сплю и вижу.

Образец служения

– Настоящий офицер должен командовать, не спешиваясь, – верно я говорю, Горст? Самое подобающее для штаба место – это седло!

Потрепав по гриве своего великолепного серого жеребца, генерал Челенгорм, не дожидаясь ответа, нагнулся и проорал конопатому посыльному:

– Скажи капитану, чтобы очистил дорогу всеми возможными средствами и способами! Дорогу очистить, проход наладить! И пошевелиться, нерасторопный мой молодец! Поспешить! Маршал Крой желает, чтобы дивизия продвигалась на север!

Он крутнулся в седле и рявкнул:

– Ходу, господа, ходу! На Карлеон, к победе!

Челенгорм, бесспорно, выглядел удалцом. Небывало юный для того, чтобы командовать дивизией, с улыбкой, говорящей о том, что он готов ко всему. Одет с восхитительной невзыскательностью – пыльный мундир пехотинца, в седле держится, как в любимом кресле. Будь он таким же хорошим тактиком, Черный Доу в веригах давно был бы выставлен на обозрение толпы в Адуе. «Но он не тот, а значит, и мы не те».

За генералом хвостом вилась оживленная кавалькада всевозможных штабистов, адъютантов, связанных и едва вышедший из мальчишеского возраста горнист – как осы над вареньем, теснясь, оттирая и перекрикивая друг дружку командными возгласами.

Тем временем из самого Челенгорма градом сыпались путанные и противоречивые ответы, вопросы, указания вперемишку с отдельными размышлениями о жизни.

– Справа, справа, конечно же, справа! – это одному офицеру.

– Скажи ему, пусть не беспокоится, беспокойство ничего не решает! – это другому.

– Пошевели их, пошевели, маршалу Крою угодно лицезреть всех к обеду!

С дороги нехотя потеснился большой утомленный отряд пехоты, дождался, когда проедут офицеры, и принялся покорно глотать поднятую пылицу.

– Говядина так говядина, – величаво отмахивался Челенгорм, – или баранина, какая разница, у нас тут дела поважней! Вы подниметесь со мной на холм, полковник Горст? С Героев, очевидно, открывается потрясающий вид. Вы же, как-никак, обозреватель его величества?

«Я шут его величества. Почти такой же шут его величества, как и вы сами».

– Да, генерал.

Челенгорм направил скакуна с дороги, и тот по летящей из-под копыт гальке изящным аллюром влетел на речную отмель. Свита генерала наперегонки заспешила следом, походя обдавая фонтанами брызг отряд тяжелой пехоты, по пояс в воде одолевающий реку вброд. На той стороне из полей вырастал холм, большим зеленым шишаком столь правильных очертаний, что казался рукотворным. Над его плоской макушкой выдавался круг стоячих камней, которые северяне именовали Героями. Справа на уступе виднелся еще один круг, значительно меньших размеров, а слева на отдельном бугре перстом высилась каменная игла. Ближе к берегу тянулись фруктовые сады, ветви деревьев гнулись под тяжестью краснеющих яблок, трава усыпана подгнившими падалицами. Челенгорм, потянувшись, сорвал яблоко и с беспечным видом укусил.

– Тьфу, – он поморщился и, сплюнув, отбросил надкушенный плод. – Какие-то несъедобные.

– Господин генерал! – навстречу, нахлестывая лошадь, к кавалькаде приближался запыхавшийся посыльный.

– Говори, – не сбавляя рыси, бросил Челенгорм.

– Майор Калф, господин генерал, сейчас находится на Старом мосту с двумя отрядами Четырнадцатого. Он спрашивает, следует ли ему продвинуться к близлежащему хутору и установить внешнюю границу...

– Непременно! Сейчас же вперед! Нам нужно пространство! Где остальные отряды?

Но посыльный, торопливо отсалютовав, уже мчался во весь опор к западу. Членгорм взыскательно оглядел штабистов.

– Остальные отряды Калфа! Где остальной Четырнадцатый полк?

На растерянных лицах подчиненных играли пятна света. Один офицер открыл рот, но ничего не сказал. Другой пожал плечами.

– Быть может, произошла задержка в Адвейне, господин генерал. Из-за узости дорожной раз возникает неразбериха...

Его перебил еще один посыльный, на взмыленной лошади подлетевший с противоположного направления.

– Господин генерал! Винклер желает знать, надо ли ему выселять жителей Осрунга из их домов и размещать войска...

– Выселять? Нет-нет, не надо выселять!

– Слушаюсь! – гаркнул молодой связной, сдерживая лошадь.

– Постой! Нет, в смысле да, выселить! Всех выселить! А войска расквартировать в домах. Да нет же, постой! Сердца и умы, да, полковник Горст? Надо же, наверное, обеспечить себе поддержку населения? Вы как думаете?

«Я думаю, близкая дружба с королем обеспечила тебе назначение на пост неизмеримо более высокий, чем тот, на котором ты был бы действительно на своем месте. Пожалуй, из тебя получился бы прекрасный лейтенант, сносный капитан, посредственный майор или дрянной полковник, но быть генералом тебе попросту рискованно. Думаю, ты сам это сознаешь и страдаешь от неуверенности, что, как ни парадоксально, заставляет тебя держаться так, будто от тебя зависит все и вся. Думаю, решения ты принимаешь необдуманно и поспешно; одни оставляешь без внимания, а на других настаиваешь с тупым упорством в ущерб всякой логике, полагая, что передумать для тебя означало бы проявить слабость. Потому ты суетишься с мелочами, которые лучше оставить на подчиненных, а затрагивать более крупные вопросы, наоборот, боишься. Оттого подчиненные теребят тебя по каждому пустяку, и ты в них увязаешь и путаешься. Я считаю тебя приличным, честным, храбрым человеком. И при этом глупцом».

– Сердца и умы, – вслух сказал Горст.

Членгорм расцвел. Посыльный сорвался с места, предположительно, полный решимости завоевать сердца и умы жителей Осрунга и перетянуть их на сторону Союза тем, что им позволят остаться в своих жилищах. Из тени яблонь на солнце выехали остальные офицеры; впереди поднимался травянистый склон холма.

– За мной, друзья, за мной!

Он бросил коня на подъем, без усилия держась в седле, а его эскорт столкнулся с трудностями. Одного лысеющего капитана чуть не сшибло с седла, когда низкая ветка стукнула его по голове. Ближе к вершине холм опоясывала поросшая травой стена, камни в ней держались только под собственным весом. Стена была невысокая, не выше полутора-двух шагов даже с внешней стороны.

Горячий молодой лейтенант попытался отличиться, перемахнув через нее, но конь под ним сробел и чуть не сбросил седока. «Уместная метафора насчет вторжения Союза в земли Севера: уйма тщеславия, а в конце замешательство».

Членгорм, а за ним офицеры колонной проехали в узкую брешь. Древние камни с каждым ударом копыт становились все крупнее, величавей, и вот они уже вздымались над въехавшими, словно придавливая их к плоской вершине холма. Было около полудня; в небе, прогнав остатки утреннего тумана, жарко светило солнце. Торжественные громады белых облаков

отбрасывали на леса к северу причудливые тени, а долина внизу купалась в золотистом солнечном свете. Ветер гнал волны по колосистым полям, переливчатым серебром играли речные отмели. На самой высокой башне Осрунга горделиво колыхался флаг Союза. К югу от реки по дорогам клубилась пыль от тысяч марширующих; по отдельным проблескам металла было видно, кто и где движется: вон пехота, вон кавалерия, вон обоз; все это неторопливо текло с юга. Для лучшего обзора Челенгорм поднял коня на дыбы и с недовольством обернулся к офицерам:

– Мы движемся недостаточно быстро, черт побери. Майор!

– Слушаю?

– Вам надо спуститься к Адвейну и как-то их там пришпорить, чтоб пошевеливались быстрее! Нам нужно больше людей на этом холме. И больше людей в Осрунге. Надо их подхлестнуть!

– Слушаюсь!

– И еще, майор.

– Слушаю?

Секунду-другую Челенгорм сидел с открытым ртом, но потом махнул рукой:

– Ладно. Поезжайте!

Ездок тронулся не в том направлении, понял свою ошибку и стал спускаться по холму той же дорогой, какой они сюда въехали.

На широкой поляне, окруженной Героями, царило смятение. Лошадей привязали к двум камням, но одна отвязалась и устроила подлинный тарарам, переполошив остальных и отчаянно лягаясь, несколько испуганных конюхов что было сил висли на поводьях. Штандарт Собственного Королевского Шестого полка уныло висел по центру круга, рядом с прогоревшим костром, уничижительно мелкий по сравнению с угрюмыми каменными глыбами, которые, казалось, нависали над ним с глухой враждебностью. Боевой дух это нисколько не укрепляло. «Хотя, будем откровенны, моему духу и так ничто не поможет».

Две небольшие повозки, каким-то образом втянутые на холм, опрокинулись, а их разнообразное содержимое – от палаток, мисок и кузнечной утвари до новехонькой стиральной доски, – разлетелось по траве, и солдаты рылись в нем, как мародеры после бегства неприятеля.

– Что вы такое несете, сержант? – допытывался Челенгорм с высоты седла.

На строгого генерала и свору штабистов снизу виновато поглядывал младший командир, смущенный внезапным вниманием таких персон.

– Господин, это, генерал, – он боязливо сглотнул. – У нас тут, это, нехватка малость вышла с арбалетными стрелами.

– Ну и?

– Да вот, те, кто поклажу паковал, боезапас считали очень важным.

– Само собой.

– А потому загрузили его в первую очередь.

– Первую.

– Ну да, господин. В смысле, на самый низ.

– Низ?

– Господин генерал!

Бедолагу-сержанта решительно оттер молодцеватый офицер в безупречном мундире. Задрав подбородок, он отсалютовал так, что щелчок начищенных каблуков резанул по ушам. Генерал свесился с седла и пожал ему руку.

– Рад вас видеть, полковник Веттерлант! Как обстоят дела?

– Неплохо, господин генерал. Шестой полк в основном уже наверху, хотя амуниция по большей части осталась внизу.

Солдаты Веттерланта, как могли, изыскивали себе место среди этого хаоса.

– Подошел батальон Ростодского полка, только загадка, куда у них запропастился командир.

– Подагра, наверно, одолела, – вставил какой-то шутник.

– Это что, могила? – спросил вдруг Челенгорм, указав на притоптанный башмаками пяточок свежевырытой земли в тени камня.

Полковник насупился.

– Мне кажется, э-э...

– Следы присутствия северян есть?

– Мои люди замечали движение в лесах к северу, но явных признаков врага установлено не было. Вероятнее всего, это просто овцы.

Веттерлант шел впереди меж двух вздымающихся глыб.

– А в остальном на этих мерзавцев ни намека. Помимо того, разумеется, что они за собой оставили.

– Ох, – штабист резко мотнул головой.

В ряд лежали несколько окровавленных тел. Один труп был разрублен почти пополам, да еще и лишился половины руки. Мухи вились над вывороченными внутренностями.

– Здесь что, была схватка? – нахмурился Челенгорм.

– Нет, это со вчерашнего. И это наши. Очевидно, разведчики Ищейки.

Полковник указал на горстку северян, среди которых выделялись рослый, с красной птицей на щите, и грузноватый седой старик. Они с молчаливым упорством копали могилы.

– Что это за лошадь? – продолжал выяснение генерал.

Животное лежало на боку, из раздутого брюха торчала стрела.

– Ума не приложу.

Горст оглядел оборонительную линию, уже довольно внушительную. Стену обживали копьеносцы, плечом к плечу по обе стороны брешки, от которой вниз по склону ветвилась неровная тропа. За ними, выше по холму, расположились лучники и арбалетчики. Кто-то возился с оружием, кто-то просто бездельничал, жуя съестные припасы, а пара так и вовсе спорила насчет выигрыша в кости.

– Ладно, – остался доволен Челенгорм, – хорошо.

Что именно вызвало его удовлетворение, он так и не сказал. Вот он хмуро оглядел чересполосицу полей и пастбищ, несколько разрозненных хуторов и леса, зеленым ковром устилающие северную сторону долины. Густой лес вообще покрывает изрядную часть этой страны. Среди деревьев едва виднелись полосы двух дорог, идущих на север меж пустынных холмов. Одна, предположительно, на Карлеон. «К победе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.